ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1975-й! Как трудно коротко рассказать про целый год! Что тебя ждет, читатель, в этом году?

Конечно же, «Пионер» постарается рассказать обо всем, что будет происходить в нашей стране и за рубежом в эти триста шестьдесят пять дней.

Наша страна идет навстречу XXV съезду КПСС. О коммунистах, о том, как все советские люди и вы, пионеры, будете готовиться к этому событию, ты сможешь прочитать в журнале.

В мае мы будем отмечать тридцатилетие со дня разгрома фашистской Германии. Ты прочитаешь повести, рассказы, очерки, посвященные этому огромному событию в жизни нашей страны и всего земного шара.

На страницах «Пионера» идет всесоюзный сбор-поиск «Орден в твоем доме». Надеемся, и ты примешь в нем участие!

Сейчас наша страна ведет новые битвы — мирные, трудовые. СССР — огромная стройка. Об этом непременно будет рассказывать «Пионер».

В будущем году журнал расскажет тебе о памятном событии нашей истории — восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

ЯНВАРЬ 1

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

В «Пионере» семьдесят пятого года писатели Владислав Крапивин, Юрий Яковлев, Альберт Лиханов, Валентин Тарас, Юрий Когинов подарят вам новые интересные повести.

И еще одно событие будущего года. Пионерское: Артеку исполняется 50 лет! Внимание, артековцы, старые, молодые, артековцы всех поколений! Ждем ваших воспоминаний, ваших рассказов об этой удивительной республике детства. Лучшие из них будут напечатаны в «Пионере».

По-прежнему широко открыты двери международного пионерского клуба «Товарищ». По-прежнему дают уроки экономии и рачительности в «Школе умелых хозяев».

Как и всегда, в «Пионере» будет много конкурсов, олимпиад.

«Пионер»-75 — это новые стихи, это рассказы о живописи, о спорте, это рассказ о цирке самого... Юрия Никулина! Это совет о том, как выбрать себе профессию по душе, как построить электрокарт и город на Марсе.

«Пионер»-75 — страна интересного. Чья она, эта страна?

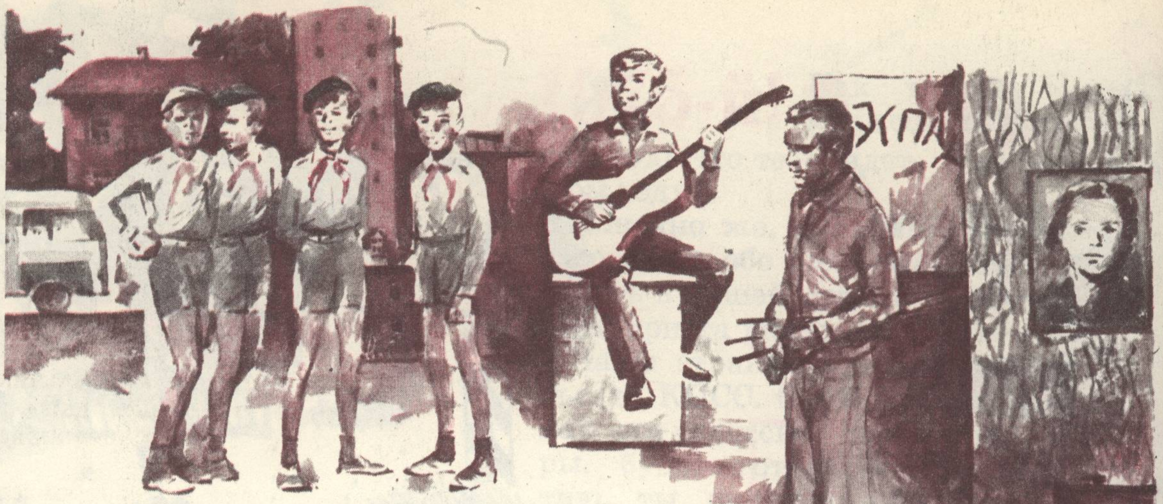
Твоя!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ОБРАЩАЙТЕСЬ К СЕБЕ

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Передо мной пачка писем, и я чувствую себя виноватым. Надо бы ответить на каждое. Честное слово, я ответил бы всем, чьи листки лежат передо мной. Но когда тебя закручивают дела, рукописи, командировки, когда пионерский отряд, которым ты руководишь, собирается то в плавание, то в поездку, как выбрать время на десятки, десятки и десятки ответов?

Меня утешает одно: письма, о которых я говорю,— от читателей «Пионера». А читатели, видимо, прочитают и этот номер журнала. Пусть это мое письмо будет общим ответом всем моим корреспондентам.

Спасибо вам всем. Спасибо за добрые слова о повестях «Всадники на станции Роса» и «Мальчик со шпагой». Спасибо за поздравления с большой наградой — премией Ленинского комсомола. Спасибо, что по-дружески делитесь своими мечтами, заботами и даже тайнами.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ЭТИ РЕБЯТА?

«Меня зовут Лена Александрова. Мне 13 лет. В журнале «Пионер» была напечатана повесть Владислава Крапивина «Мальчик со шпагой». Мне она очень понравилась. Понравились ее герои: Сережа, Наташа и Гена. Скажите, пожалуйста, существуют ли эти ребята или автор этой повести выдумал их сам?»

«Здравствуй, «Пионер»! Пишет тебе Карнаухов Анатолий, ученик шестого класса «А» восьмилетней школы № 2 с. Черниговки, Приморского края. Мне тринадцать лет. Недавно я прочитал повесть в «Пионере» «Мальчик со шпагой» о Сереже Каховском... Я бы хотел переписываться с Сережей...»

Много таких писем. «Дайте адрес Сережи и его друзей...»

Не могу я, друзья, дать вам его адрес. Нет его, точного адреса. Художественная повесть не документальное произведение, и не обязательно за каждым героем стоит в жизни в точности такой же человек с тем же именем и местом жительства, как про это написано. И у самых знаменитых героев литературы не было точных адресов. Марк Твен не помог бы ребятам, своим современникам, если бы они захотели переписываться с Томом Сойером. Аркадий Гайдар не сумел бы лично познакомить с Тимуром своих читателей. А Лев Кассиль едва ли показал бы вам на карте, где лежит страна Джухангора — родина принца Дэлихьяра...

Но разве эти книги (и многие, многие другие) менее интересны и меньше приносят пользы оттого, что их герои придуманы авторами?

И все-таки я будто слышу разочарованный гул голосов: «У-у! Так, значит, этих ребят нет на свете!»

Я не могу так сказать. Я мог бы дать вам адреса мальчишек, очень-очень похожих на Сережу Каховского, на Генку Кузнечика, на Митю Кольцова. Мог бы познакомить с барабанщиками, похожими на Данилку Вострецова и его друзей. И с девочками, похожими на Наташу Лесникову. Я мог бы рассказать о случаях, которые происходили с этими ребятами. Эти случаи очень напоминают события, описанные в повести «Мальчик со шпагой». Только имена у ребят не те, и отряды их называются не «Эспада», а по-другому.

И потому я никак не могу утверждать, что героев «Мальчика со шпагой» нет на свете. И уж совсем не могу согласиться с теми, кто пишет, будто никогда не встречал **таких** ребят.

А письма с подобными жалобами есть. Девочки негодуют, что их одноклассники- мальчишки совсем не похожи на рыцарей. Мальчишки пишут, что кругом много трусов, классы недружные, никто не заступится в трудную минуту. И нет рядом ребят, похожих на Сережу.

Простите, на какого Сережу? На того не очень решительного, слегка растерянного мальчугана, который один на один со своей обидой оказался на маленькой станции Роса? Или на капитана Каховского, принявшего из рук товарищей именную шпагу?

Сережа не одинаков в начале и в конце своей истории. Его характер крепнет постепенно. При поддержке товарищей, при помощи взрослых друзей... Оглядитесь вокруг. Посмотрите, нет ли рядом с вами мальчика, может быть, небольшого, внешне даже робкого, но вдруг восставшего против неправды или несправедливости?

Этот мальчик может показаться сначала слабым и даже смешным. Но у него в душе стержень, похожий на стальную шпагу.

Не смейтесь над этим мальчиком, поддержите его. Он станет вашим другом.

А вы сами? Особенно мальчишки! Многие пишут, что им очень понравился Сережа Каховский. Ну, так постарайтесь быть похожими на него! Если понравился...

Мне хочется закончить этот разговор словами из письма шестиклассницы Тани Савиной из Москвы: «Ведь в каждом из мальчишек живет такой же Сережа, но только надо найти в себе его, открыть».

Лучше не скажешь. Вот вам и адрес Сережи Каховского. Обращайтесь к себе.

ВСЕГДА МОЖНО ПОСТРОИТЬ ЧТО-НИБУДЬ ХОРОШЕЕ

Впрочем, видимо, рано кончать этот разговор. Я беру письмо двенадцатилетнего Саши К. и читаю: «...Повесть мне очень понравилась, я восхищен главным героем ее, но я очень не похож на него. Я не могу (я боюсь) дать отпор хулиганам, которые требуют деньги и у меня и у моих друзей. Помогите мне, пожалуйста. Напечатайте в следующих выпусках «Пионера», что в таких случаях делать, как дать отпор наглецам...»

Саша, я не собираюсь упрекать тебя за недостаток смелости. Тем более, что ты сам так искренне пишешь об этом. Я понимаю тебя, потому что сам в детстве не отличался ни силой, ни напористостью, и помню, как трудно преодолеть страх и сопротивляться противнику, у которого и кулаки и нахальство. Но я хочу сказать, что никакие советы в журнале тебе не помогут. И я не помогу: больше, чем написано в повести, я все равно не скажу. Советы бесполезны. Все дело в силе твоих собственных чувств: в любви к товарищам, в твоей гордости, в ненависти к наглецам и любителям наживы. Когда эти чувства станут сильнее страха, ты поймешь, как поступить.

Ведь и Сережа боялся, но доброта, достоинство, долг побеждали страх.

Пожалуй, не хуже меня Саше К. может ответить его тезка — Саша Н. из Амурской области. Он рассказывает о своей стычке с великовозрастным хулиганом по кличке Циба. Циба — из тех, кто любит помыкать слабыми. Вот и с Сашей он решил обойтись, как с прислугой. Саша пишет: «И тут мне пришли на память слова Сережиного папы: «Эти подонки бывают храбрыми, только когда перед ними дрожат». И я как врезал Цибе в глаз!.. А вечером, после уроков, Циба меня подкараулил и свинчаткой голову разбил. Но все равно я не считаю, что проиграл бой».

Нет, Саша не проиграл бой. Он впервые понял, что главное не тупая сила, а смелость и чувство собственного достоинства. И едва ли в этом случае справедливо утверждать, что драться нехорошо и хулиганов надо воспитывать словами. Есть такие цибы, которые не понимают слов, пока не почувствуют хороший отпор. Плохо только, что сам Саша пострадал. И в этом (я уверен!) виноваты его товарищи.

Одноклассники Саши из города Райчихинска! Ваша совесть не заговорила, когда вы узнали о подлом поступке Цибы? И разве вы не догадывались, что он способен на такой поступок? Где вы были, почему не подняли тревогу? Ну, а сейчас-то вы хоть что-нибудь поняли?

Рассказывая об этих письмах, я не хочу, конечно, сказать, что все споры, все сложности жизни можно решить силой. И Сережа Каховский оказывался в положениях, когда выход был не в ударе клинка или кулака, не в быстроте реакции, а в твердости духа, доброте, самоотверженности. Порой главным оружием бывает сила собственного примера.

Читать письма о том, что герой повести кому-то помог, кого-то научил, конечно, очень приятно. Я, по правде говоря, не очень верю, что одна книга может враз перестроить характер человека. Но дать толчок, разбудить хорошие чувства и мысли, а значит, направить человека в нужную сторону, может. И хорошо, конечно, узнавать от ребят, что «Мальчик со шпагой» этому помог.

Лена Морозова, четвероклассница из Архангельской области, написала в редакцию: «Я всегда всего боялась. А когда прочитала о Сереже, о его смелости и доброте, то сразу перестала бояться».

Еще одно письмо — от Роберта Разитулина из поселка Лозьва на Урале: «Мне очень понравился Сергей Каховский — честный, смелый, решительный Сережка, которому есть до всего дело... И, может быть, это смешно, но мне почему-то захотелось вдруг помочь малышу, вроде Стасика, и тоже построить замок...» Это совсем не смешно, Роберт. Это здорово! И пусть твое желание не останется просто желанием. Всегда есть малыши, которым нужна помощь или просто дружба старшего и сильного товарища. И всегда можно построить что-нибудь хорошее.

ПОНЯТЬ СЕРЕЖУ МОЖНО

Есть письма, в которых ребята не просто пишут отзывы о повести. Они кое с чем не соглашаются или пытаются что-то выяснить, уточнить.

Катя Мишенина спрашивает, например: «Обязательно ли хорошему человеку быть отличником и можно ли лупить мальчишек, если они лезут?»

Мне кажется, Катя в глубине души сама знает ответы на эти вопросы. Поэтому я отвечу кратко. Хорошему человеку не обязательно быть отличником. Не у каждого, даже хорошего человека получается отличная учеба. Но стараться нужно, разумеется, обязательно. Лупить мальчишек, «если они лезут», можно. Только не лезь первая.

А вот вопрос посерьезнее. Лена Пассова из Норильска пишет: «Я хочу с вами немного поспорить... Олег в своем телефонном разговоре с учительницей Андрея утверждает, что нельзя мальчику запрещать ходить в клуб даже на время, пока он не исправит двойку... Я посоветовалась с папой, он сказал, что Олег, конечно, неправ, что даже есть закон и т. д.».

Что за «и т. д.», я не знаю, а закона, чтобы выгонять человека за двойку из товарищеского коллектива, нет. Впрочем, все зависит от того, где этот человек занимается. Бывают секции и кружки, в которых стремятся только к одному: привить ребятам спортивное мастерство или профессиональные навыки. А воспитание заменяют регулярной проверкой дневников. Получил двойку — брысь со двора. Но таких коллективов не так уж много.

В отряде, о котором я пишу, во многих клубах, командах, секциях и отрядах, которые я знаю, главное не спортивное мастерство, не умение строить модели или играть на сцене. Главное — человеческие отношения, воспитание характера. В таких коллективах ребята связаны узами товарищества. Они простонапросто не захотят терять товарища. Они постараются помочь ему, а не отталкивать. Иначе выходит так: «Мы тут хорошие, а ты, двоечник, иди от нас». Можно возразить, конечно, что иногда такие вопросы решают не ребята, а взрослые. Но в хорошем коллективе взрослый руководитель — товарищ ребят и руководят они вместе.

Кстати, я довольно давно знаком со школьной жизнью, но не знаю ни одного случая, когда мальчишка начинал лучше учиться, если его лишали любимого дела.

Ты, Лена, и сама пишешь о своем однокласснике, который «совершенно не делает домашние задания». «Классная руководительница Наталья Юрьевна запретила ему ходить на тренировки. Он не ходит, но... и до-

машние задания тоже не делает...». Вот вам и мера воспитания!

Передо мной письмо еще одной девочки, которая не во всем согласна с повестью, вернее, с ее главным героем. Это Алла Евсеева из Орла. Алле понравился Сережа Каховский, но его поступок с дневниками кажется ей «не совсем правильным». «Из-за него у Нелли Ивановны могло сорваться родительское собрание».

Ну что же, поступок был, конечно, не очень обдуманным. Можно было найти и более разумный выход. По крайней мере постараться. Это Сережа и сам признал. Но надо все же помнить, почему он убрал дневники неуспевающих ребят с витрины. Он спасал маленького товарища от беды. Если не забывать об этом, то, наверно, понять Сережу можно.

ОН ВСЕ РАВНО БЫЛ БЫ МАЛЬЧИКОМ СО ШПАГОЙ

Целая пачка писем об одном: где достать книги о приемах фехтования, как записаться в секцию фехтовальщиков, как самим организовать клуб?

«Напишите, где есть такие клубы...»

«Пришлите книги...»

«Пожалуйста, поговорите со взрослыми, чтобы у нас открылся клуб «Эспада».

Уважаемые мальчики и девочки, в которых проснулось стремление к «мушкетерской романтике». Вы хотите заниматься замечательным делом, прекрасным спортом. Но для начала проявите смекалку и настойчивость. Попробуйте поговорить с руководителями спортивных обществ, организаций, секций сами. Ведь вы не пробовали, верно? Книг о фехтовании много, они часто продаются в магазинах, есть в библиотеках. Там написано, кстати, и о том, как самим организовать клуб.

Очень вероятно, что взрослые не сразу вас поймут и будут несговорчивыми, а в библиотеке скажут, что таких книг у них нет. Требуйте, ищите, добивайтесь. Сами! Потому что вы хотите организовать коллектив фехтовальщиков, а не кружок художественного вышивания. Фехтовальщик — это боец, и он должен уметь бороться с трудностями не только на спортивной дорожке.

Что касается «Пионера», то он в 1967 году в нескольких номерах печатал серию материалов об искусстве фехтования на рапирах. Это довольно давно, однако, если не полениться, можно разыскать комплекты журнала в детских библиотеках.

И еще об одном: не думайте, что смелость, решительность и благородство приходят лишь к тем, кто берет в руки клинок. Дело в характере, а не в виде спорта, не в оружии. Сережа мог и не стать фехтовальщиком. Но он все равно был бы Мальчиком со шпагой.

ЭТО ДОЛЖНЫ РЕШИТЬ ВЫ

Пожалуй, больше всего писем о том, что вы, ребята, не хотите расставаться с героями повестей «Всадники на станции Роса» и «Мальчик со шпагой». Многие спрашивают, можно ли купить отдельные издания этих повестей. Просят полный текст и музыку песен, которые пел Генка Кузнечик. Советуют снять фильм или поставить спектакль о Сереже Каховском. И, самое главное, просят (а порой даже требуют) продолжения повести.

Мне самому очень не хочется расставаться с Сережкой и его друзьями, поэтому я рад, что всем читателям могу пообещать новые встречи с героями «Мальчика со шпагой».

Студия «Орленок» Центрального телевидения уже закончила съемки телеспектакля «Всадники на станции Роса» и начинает четырехсерийную постановку «Мальчик со шпагой». С экранов телевизоров прозвучат все песни, слова и музыку которых вы просите.

А пока в этом номере печатается полностью «Испанская песня». По просьбе ребят музыку к ней написал композитор Михаил Протасов.

Отдельные издания повестей «Всадники на станции Роса» и «Мальчик со шпагой» выйдут в этом году. Первая повесть — в Москве, в издательстве «Детская литература», вторая — в Свердловске. Она будет напечатана в сборнике «Летчик для Особых Поручений» вместе с другими моими повестями. Если эту книгу вы не найдете в магазинах, можно будет заказать ее в Свердловске через магазин «Книга — почтой» по адресу: г. Свердловск, Д-42, ул. Уральских рабочих, д. 53А.

А полностью книга «Мальчик со шпагой» будет напечатана в 1976 году в Москве. Я пишу «полностью», потому что будет еще и третья часть — «Флаг-капитаны». Эта повесть начнет печататься в «Пионере» в ближайших номерах. Мне хотелось рассказать вам, как Сережа Каховский в самые трудные минуты остается верным званию пионера, верным чувству товарищества, верным шпаге, которую вручили ему друзья.

Мне, конечно, трудно судить самому, удалась эта повесть или нет. Это должны решить вы, читатели «Пионера».

Дети горняков медного рудника в Эль-Волкано. Эта фотография была сделана два года назад, когда ребята были свободными и счастливыми.

ОНИ СНОВА БУДУТ СЧАСТЛИВЫМИ!

Консепсьон — город на юге Чили. Сюда каждый месяц мы посылали «Пионер». Отсюда я получала письма. Воздушная почта регулярно и буднично проделывала гигантский путь в Южную Америку — чилийские друзья были будто рядом. И вдруг... Словно тюремной стеной уперлись в небо Кордильеры, словно вздыбился между нами тяжелый океан. Власть в Чили захватила фашистская хунта. Убит президент. Убиты, замучены, брошены в концлагеря тысячи борцов Народного единства. Все наши связи с друзьями оборвались. Я не знаю, что стало с Ренандо, Хильберте, Энрике, Ксенией, Карменситой... Жив ли отец Андреа и Педро?

Я взвешиваю на ладони маленький желтый слиток. Его подарил мне в Вальпараисо пожилой докер с темным усталым лицом — Филипп Торо. Услышал, что я из СССР, из «Пионера», заулыбался, вынул из кармана куртки кусочек меди с рудника имени Сальвадора Альенде, протянул мне. У Филиппа в семье четверо коммунистов, одна из дочерей возглавляла районную пионерскую организацию...

Рассматриваю красивый значок, тоже из чилийской меди. На значке слово: «Chile», национальный флаг, гитара, шпоры, сомбреро. Это подарок Альберто, студента Консепсьонского университета... А вот ракушка с песчаного океанского пляжа — от девятилетней Цецилии.

Остались еще у меня фотографии. Самые дорогие из них перед вами: рисунки чилийских школьников на бетонном заборе.

Был канун Нового, 1973 года. Летнее солнце ослепительно сияло на листве вековых деревьев, цветах, ворохах рождественских подарков и игрушек — их продавали почти на всех тротуарах Консепсьона. Но самым нарядным, самым праздничным в городе был этот забор, огибавший в центре целый квартал. Картинная галерея под солнцем!

Юные живописцы — ими были победители школьных конкурсов — радостно славили своим искусством новый путь Чили. Дети рыбаков, текстильщиков, шахтеров Лоты [1], они хорошо знали, как работают люди. На их картинах — горняки с отбойными молот-

[1] Лота — шахтерский город неподалеку от Консепсьона, оказавший фашистской хунте героическое сопротивление.

Фашисты хотят, чтобы ничто не напоминало народу о свободе. Они сжигают книги и картины прогрессивных писателей и художников. Но свободу нельзя задушить.

ками и шахтерской лампочкой, ткачи за станком, рыбацкие катера с богатым уловом, высокие дома, высокие, в снежных шапках горы.

Я не знаю, как изуродовали фашисты эту удивительную галерею, созданную руками восьми—двенадцатилетних художников. Может, закрасили ее черной краской, может, залепили портретами своих генералов. Только, думая об этом, я ободряю себя мыслью о стойкости чилийских ребятишек. И знакомые, и незнакомые мне, и эти художники, и десятки, сотни тысяч чилийских ребят останутся верны своему народу до конца. И вместе с ним они победят фашистов!

И. ВЕЧНАЯ

События в Чили волнуют всех советских ребят. В редакцию «Пионера» идут письма со всех концов нашей страны. В этих письмах боль за народ Чили и вера в то, что народ Чили победит фашизм.

Эти стихи прислали Юра **БОГАТОВ** из хутора имени Крупской Краснодарского края и Лена **ШТЫКАНОВА** из Москвы.

ЧИЛИ

Рассвет золотой скрыли черные тучи,
Луис Корвалан далеко-далеко,
Но голос планеты, наш голос могучий
Дойдет и у смерти отнимет его!

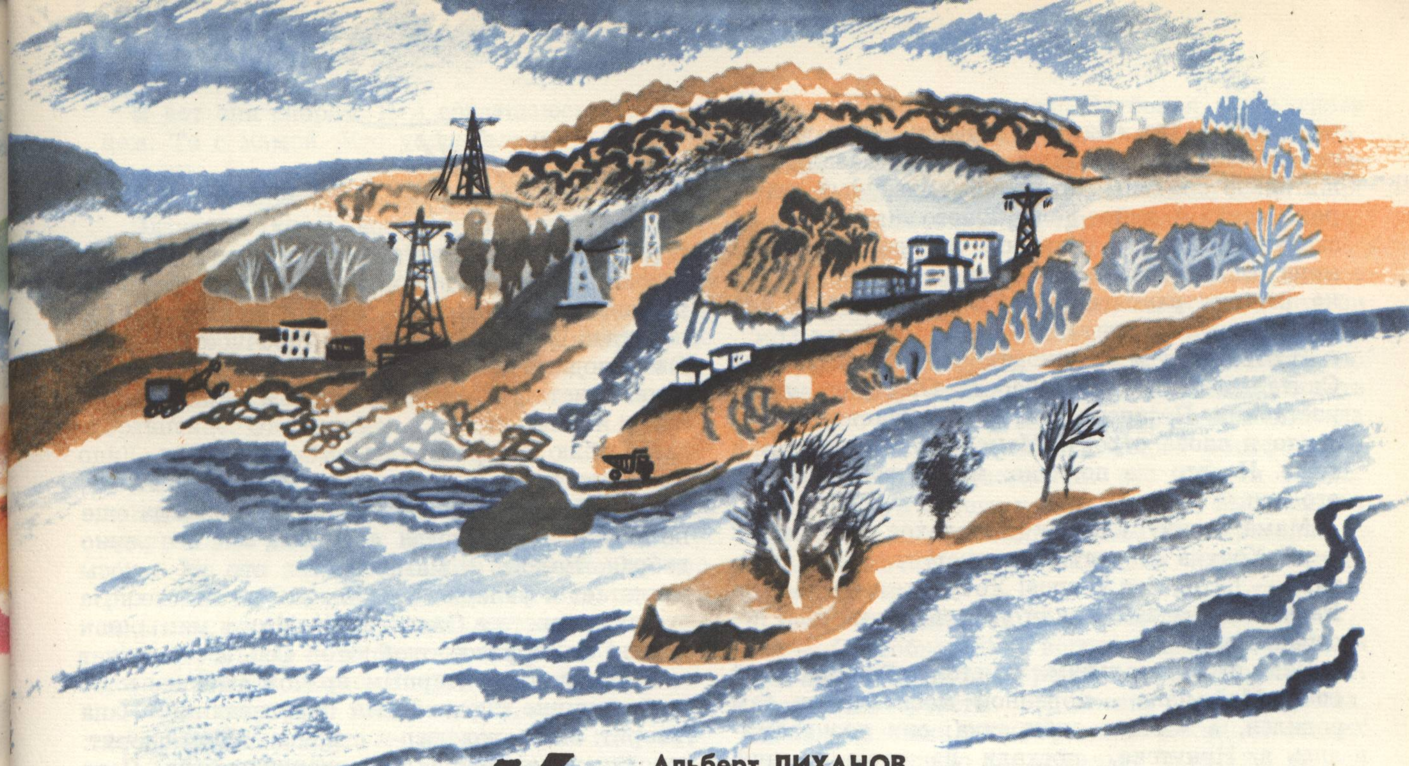
*

Чили! Сегодня эти слова,
Словно удар кинжала.
Чили с кровавого сентября
В огне фашистских пожаров.
Но хунта не сломит чилийский народ.
Жив Сальвадор Альенде!
Луис Корвалан на борьбу зовет:
«За Чили! Вперед! К победе!»
Виктора Хару, певца и бойца,
«Гориллы» не победили.
Песни-призыв зажигают сердца:
«Свободу народу Чили!»
Хунта не вечна. Из рук палачей
Вырвана Гладис Марин!
За ней повторяют сотни людей:
«Венсеремос! Мы победим!»

Посвящаю всем генералам.
Всем полковникам.
Всем подполковникам.
Всем майорам.
Всем капитанам.
Всем лейтенантам.
Всем старшинам.
Всем сержантам.
Всем рядовым.
Посвящаю всем солдатам
минувшей войны,
которым их дети, их внуки,
их правнуки и будущие праправнуки
ОБЯЗАНЫ ВЕЧНО
зеленой травой
голубой речкой,
синим небом,
серебряным воздухом,
всем, что называется
ЖИЗНЬ.

Альберт ЛИХАНОВ

Мой генерал

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Часть первая

Про меня

Будем знакомы: меня зовут Антон, то есть Антошка. Я живу в Сибири. Я и родился там, так что я сибиряк.

Учусь в школе, как все. Бывает, двойки получаю, а про тройки даже и не говорю. Способностей, что ли, не хватает?

Я над этим вопросом часто задумываюсь. Мама меня критикует. «Ты бы, — говорит, — меньше философствовал, а больше учил».

«Где уж тут философствовать! — думаю я. — Философствуют ученые или там выдающиеся люди. Просто я обыкновенный».

— Обыкновенным, — спорит мама, — или необыкновенным человек сам себя делает. Это не делается по щучьему велению.

Ну, что еще про себя сказать? Да, пожалуй, нечего.

Учусь я в четвертом классе, а соседа моего по парте зовут Кешкой, то есть Иннокентием, мы с ним дружим.

Мы оба больше всего земляничное варенье любим и кино про шпионов. Зимой любим, когда деревья стоят заиндевелые, а летом любим купаться. Отцы наши — Кешкин и мой — оба на строительстве работают.

Вот и все про меня.

Про папу

Мой папа — Великий Кочевник. Так его мама называет, когда она в хорошем настроении. Папа тогда улыбается, кажется, вот-вот и он замурлычет от удовольствия, как котенок. Зато когда у мамы настроение плохое, она называет его Несчастным Скитальцем. Отец смотрит на нее напряженно, испуганно и напоминает первоклашку, у которого пятиклассник хочет портфель отнять. И мне тогда жалко папу, потому что Великий Кочевник и Несчастный Скиталец прежде всего Заместитель Главного инженера.

Я даже слышал за спиной, как двое взрослых сказали про меня:

— Это Замов сын.

Поначалу я не понял, какой такой «Замов сын», а потом догадался: мой отец — Заместитель, сокращенно — Зам, а я сын его, значит, Замов сын.

Вот так. И зря мама бушует, обзывает его Несчастным Скитальцем, потому что те двое

взрослых слово «Замов» сказали очень уважительно. Получилось даже, что они сказали уважительно обо мне, хотя я обыкновенный четвероклассник и, ясное дело, ничего такого пока не заслужил. Просто уважение к папе как бы на меня распространилось. И на маму, оно, конечно, распространяется. Если я Замов сын, то она Замова жена. Ведь так?

И отец совсем не виноват, что он Несчастный Скиталец. У него такая работа. Он строит электростанции. Построит одну, переезжает в другое место и снова строит. Мама ездит с ним. И я тоже. Но это же понятно: мама его жена, а я его сын.

Мама ворчит, когда у нее плохое настроение:

— Хочу в Москву, там пустует такая квартира — пятьдесят метров! Хочу в театры ходить! Разве мы не заслужили? Третью станцию достраиваем!

Папа стучит пальцами по столу. Это сложный спор. Мой папа — коренной москвич, он там родился, а мама — сибирячка, они познакомились в Иркутске, поехали на свою первую стройку, а на второй я родился, но дело не в этом, дело в том, что коренной москвич папа в Москву не рвется, а вот мама рвется.

— Сколько раз звали тебя в министерство! — говорит она. — И потом нельзя же всю жизнь строить, строить, строить! Ездить, ездить, ездить! Нужно стать когда-то мэтром, руководителем, консультантом! Учить других. Советовать! Писать книги. Защитить диссертацию.

Но папа не хочет быть мэтром и защищать диссертацию. Он хочет строить, строить, строить! Ездить, ездить, ездить!

Он лохматит белобрысые, как у меня, волосы, хмурится, молчит.

— Почему ты молчишь? — восклицает мама. — Опять думаешь о прочности бетона?

— Нет, — улыбается папа, притягивает маму к себе и целует ее в висок. — Я думаю не о прочности бетона. Я думаю о прочности любви. И я знаю, что ты думаешь совсем другое, нежели говоришь. Ты думаешь, как хорошо, что мы живем не в шумном городе, а здесь, в глубине Сибири! Ты думаешь о том, что мне здесь хорошо и я чувствую себя здесь человеком, без которого нельзя обойтись! Ты думаешь, что в Москве в прокуренных кабинетах я бы прокоптился и зачах, потому что я не курю и не выношу табачного дыма! И еще ты думаешь, что прибирать квартиру в пятьдесят метров гораздо дольше и хлопотнее, чем нашу, двухкомнатную в тридцать метров, а московские спектакли можно прекрасно смотреть по телевизору!

На маму папины слова производят впечатление. Теперь на котенка похожа уже она. Вот-вот замурлычет.

Мама кладет голову папе на плечо, прикрывает глаза, улыбается.

— Ну ладно, — говорит она, — мне-то не привыкать, я же сибирячка, посмотрим, как ты, коренной москвич...

Коренной москвич хмурится. Вот теперь я знаю: он думает о прочности бетона.

Про маму

Когда папа действительно думает о прочности бетона, мама ему никогда не мешает. Ходит на цыпочках, подносит ручку и бумагу. Папа хочет написать книгу об испытании прочности бетона. Он выводит какие-то формулы, что-то считает, записывает на бумаге каракули, а мама штопает носки и улыбается.

Я люблю смотреть, как мама улыбается. Лицо у нее круглое и ямочки на щеках, а глаза ясные, синие. Мама моя добрая, я ее злой никогда еще не видел. Даже когда сердится, она все равно добрая. Волосы у мамы русые, она их в косы заплетает и укладывает кольцом на голове. За это папа зовет ее Солнышком. Имя у мамы, как и лицо ее, круглое, доброе — Ольга. Работает она главным санитарным врачом района, и по этой причине с папой они поругиваются. Папа говорит: всему голова — стройка. Мама спорит: стройка находится на территории района. Папа говорит: судьба района зависит целиком от стройки. Мама настаивает: стройка — для людей, которые живут в районе...

С Кешкой и его дедом Иннокентием Евлампиевичем мы отправились на неделю в тайгу.

И вот они спорят. И я соглашаюсь. То с отцом. То с мамой. Кто убедительней в этот раз говорит.

И в самом деле: как тут быть?

Электростанция, которую папа строит, — самая мощная во всей Сибири. Такую речищу перегородить надо — ого-го! Даст станция ток — и заработают заводы, которые уже строить начинают вокруг. И в нашем поселке и в районе, где мама главным санитарным врачом работает. И во всей Сибири. Мне нравится это папино сравнение. Он говорит:

— Наша ГЭС — как ромашка. Станция — это желтая серединка, ядро, а лепестки — это заводы, колхозы, леспромхозы. Лепестков без центра быть не может. Это верно!

— Но что за ромашка без лепестков! — спорит мама. — Ободранная какая-то. Ведь станция твоя — для людей, для заводов, колхозов, леспромхозов, про которые ты говоришь! Значит, о людях думать нужно. Вперед глядеть!

Мама сердится, когда спорит, но лицо у нее по-прежнему доброе, и папа смеется.

— И как это, — удивляется он, — тебя все в районе боятся? Да и наш начальник — гроза грозой, с министром ругается, так, кажется, без телефона его голос в Москве слышат, а как узнает, что ты к нам едешь, сразу команды по телефону раздавать начинает — чтоб прибрались, чтоб соблюдали... Ко мне приставал не раз: мол, смягчи по-родственному свою Ольгу Николаевну!

Мама улыбается, а я с папой соглашаюсь. Вон у нас в школе какая чистота. В поселке грязюка — весной и осенью не проберешься, но в классах чистота, потому что по маминому указанию возле школы сбили деревянные корытца и наш санпост никого в грязных сапогах не пустит. В первом — самую грязь отмывать надо, во втором — сапоги домываешь, а в третьем — начисто ополаскиваешь.

Как мы живем

Ну как мы живем? Нормально!

В семь часов за мамой ее «газик» приходит с красным крестом на дверце. За папой — другой «газик», обыкновенный, с брезентовым верхом. Иногда папа просит дядю Колю, шофера, за ним не приезжать, и тогда мама подвозит папу к управлению строительством, потому что за мамой машина всегда приходит — она по району носится как угорелая, везде ей поспеть надо. Машины есть у мамы и у отца, и шоферы к машинам прикреплены, но и мама и отец сами прекрасные водители. Особенно мама. Она заправский шофер. Любит одной рукой руль держать — это уж высший шик, особенно у нас в Сибири, на наших ухабистых дорогах.

Мама папу до работы подвозит, меня же в школу — никогда, хоть я и просился. Только в первом классе, когда распутица весной была, мама меня подвозила. Я тогда маленький был и набрал грязи сапогами. Глубокая была грязь в ту весну, я перейти ее не мог, а попросить, чтобы взрослый какой-нибудь перенес, постыдился и набрал в сапоги грязи. Мама тогда меня к школе подвозила дня три. Пока не придумала, как меня спасти.

Спасла все-таки. Достала сапоги взрослого размера, тридцать восьмого, кажется, а внутри мои тапки вмонтировала, обшила их сверху старыми носками, чтобы ноги внутри не болтались. Голенища у взрослых сапог высокие, ходить неудобно было, так мама надрез сзади сделала треугольный. Получились такие «ботфорты». Как у Петра Первого. На картинке я видел: идет Петр, а сапоги у него намного выше колен спереди, а сзади свободно. Вот так и у меня.

Папа смеялся над маминым изобретением. Говорил ей:

— У тебя инженерные способности.

— Способности! — ворчала мама. — Нажали бы лучше по министерской линии куда следует. Надо же учесть обстановку строительства. Шлют сапожки для городских детей. В этаких сапожках только по асфальту шлепать. А для Сибири голенища-то надо повыше делать!

Папа посмеивался, а мамин почин тут же распространился. Стихийно. Без всяких нажимов. Вон поначалу сколько ребят у нас в одном сапоге приходило! Ревут — сапог утонул. Мамино изобретение сразу понравилось. Мои сапоги чужие мамы в школе разглядывали, удивлялись. Потом чуть не все малыши во взрослых «ботфортах» щеголять стали.

А мама сама же свое изобретение отменила. Положили на улицах асфальт по ее требованию. К школе добираться легко стало. И хотя в ботинках по весне и осени никто у нас не ходит, «ботфорты» исчезли, потому что грязь теперь не по колено, пониже.

Ну так вот. В семь часов «газики» у подъезда тарахтят. Мы выходим втроем.

— Приеду поздно, — говорит отец.

— Антон, суп на плите, второе в холодильнике, не забудь выключить газ, — говорит мама.

— Оревуар вам! — говорю я.

«Газики» разъезжаются в разные стороны, я шлепаю в школу и думаю опять про этот французский.

Мама, когда о Москве говорит, считает, что там я бы многое получил. Например, изучил французский.

— Там есть специальные школы, — восклицает она, — где все предметы преподают на языке!

— И русский? — спрашиваю я ехидно. — Русский тоже преподают по-французски?

Мама сердится на меня и требует, чтобы я поусердней занимался у старушки Анны Робертовны.

Анна Робертовна — фигура в поселке выдающаяся. Всю жизнь прожила в городе, преподавала французский в Смоленском пединституте, а когда вышла на пенсию, приехала со своим сыном Гришей в Сибирь. Ребята потихоньку дразнят ее «ля мадам», и я с ними в душе согласен.

Анна Робертовна — длинная и тощая, а ножки у нее тонкие, и, когда она идет по весенней грязи, широкие сапоги громко хлопают. Будто два петуха крыльями хлопают. Но Анна Робертовна на шум внимания не обращает, голову держит гордо, независимо поглядывает вокруг сквозь очечки из толстого стекла в серебряных ободках.

Я хожу к француженке три раза в неделю, тоскливо слушаю, как повторяет она склонения — «же парль, ву парле», — гляжу на лысоватого инженера Гришу, который, вернувшись с работы, жует сосиски, и мне его очень жалко: мне кажется, что он всю жизнь ест только сосиски, но не потому что они нравятся ему, а потому, что «сосиски» — французское слово...

Как же мы живем?

Впрочем, я отвлекся. Начал рассказывать, как мы живем, и застрял на Анне Робертовне. Французский — это не жизнь, что и говорить. Жизнь — это совсем другое.

Жизнь — это зима, например, а среди зимы замечательные актированные дни. Каждый знает, в календаре есть красные дни. Это праздники и выходные. А у нас в Сибири есть еще актированные дни. Они бывают зимой. Встанешь утречком пораньше и скорей вкручиваешь радио на полную громкость. В половине седьмого это бывает. Не раньше, не позже. Я-то знаю, все мальчишки в поселке у радио торчат в половине седьмого. Потому что в полседьмого диктор скажет температуру воздуха. Когда минус сорок объявит, — это пустяк. Можно, конечно, не идти в школу, малыши и не ходят, а нам как-то неудобно. В сорок мы учимся. Сорок — никто за мороз не считает. А вот когда пятьдесят дунет! Или пятьдесят пять!

Я отца спрашивал. Он ведь в Москве учился, раз коренной москвич. И он говорит, что там в тридцать градусов в школу не ходят. Хэ! Тридцать. Тридцать у нас считай что жара. Кешка, например, в тридцать по улице идет, шарф на плече болтается, горло открытое. Да в тридцать у нас мороженое у клуба продают, и мы его вовсю лопаем. Но вот в пятьдесят!..

В пятьдесят от мороза лопаются траки на тракторах — железные звенышки, из которых гусеницы получаются. Я видел, Гриша мне показал, как на таком морозе шестеренка, — стукнул по ней молотом, — в крошки рассыпалась. Пятьдесят — это холод! В пятьдесят у нас «красные дни», актированные.

Я выяснил у отца, почему так называется — «актированный день». Он говорит, от слова «акт». Собираются люди и составляют акт, такой документ. Так, мол, и так, температура минус пятьдесят по Цельсию, железо не выдерживает, работать нельзя.

Да и вообще зима у нас — самое лучшее время. Зимой дышится легко и свободно. Зимой мы гоняем с горы на лыжах, и, когда влезешь на высоту, видно насыпь плотины, частокол подъемных кранов и разводы черной, студеной воды, от которой валит холодный пар.

Это стройка. Стройка нашей ГЭС.

Почему я говорю нашей? Ведь я не работаю там. Я только учусь. Но так у нас говорят все ребята, ведь они все только учатся, а не работают. Так говорят наши учителя, хотя они тоже не работают на стройке, а учат нас. Так говорят продавцы в магазине, киномеханик Андрей из поселкового клуба, мороженщица Зинаида Ивановна и все-все, кто живет в поселке. Стройка наша, мы ведь живем тут и хотя пока ничего не строим, знаем все про стройку и гордимся тем, что живем вот тут, на крутом берегу буйной реки, где строят знаменитую нашу ГЭС. Стройку называет нашей даже Анна Робертовна, которая всю жизнь прожила в Смоленске, и это мне нравится. Это мне помогает переносить французский язык.

Летом на стройку можно смотреть и с другого места. С Кешкой мы ходили летом за кедровой шишкой — его дед Иннокентий Евлампиевич взял отгул, выстрогал деревянную колотушку, и мы отправились на неделю в тайгу. Кешкин дед ударял по кедрам, а мы собирали упавшие шишки. Возвращаясь, мы поднялись на вершину горы. Прямо под ногами обрывалась отвесная скала, а с другого берега, наполовину разрезав реку, лежала плотина, по которой похожие на муравьев двигались люди. Я никогда не видел нашу стройку с такой высоты и так близко. Сердце обмирало от страха, и что-то еще подкатывало к горлу.

Что это было?

Не знаю. Прежде такого никогда не случалось со мной. Зато случалось позже...

Позже...

Вот я рассказываю вам про себя, про маму и про отца, про наш поселок, и как я черпал сапогами грязь, рассказываю про Анну Робертовну и «ву парле», перебираю всякую ерунду и боюсь — боюсь начать о самом главном... О том, что было позже... Хотя зачем обгонять время? Пусть будет как было, и я стану вспоминать все по порядку.

Часть вторая

Какой был дед

Короче говоря, у меня есть дед. Дедушка. У каждого человека есть дедушка, а то и два. Вот у Кешки есть два дедушки и две бабушки. Матери и отцы его матери и отца.

А у меня один дедушка — папин папа. Когда я ходил в детский сад, у меня была и бабушка. Но она умерла. Я помню, как плакала мама, как торопливо, дрожащими руками собирал чемодан папа, как они отвели меня к Кешкиным родителям и улетели в Москву, на похороны.

Остался один дедушка. Отец писал ему, чтобы он ехал жить к нам, но дедушка говорил, что пока не имеет права. Он был военный, мой дедушка. Он был генерал и, наверное, командовал войсками. Я думал так тогда, в детском саду, а когда подрос, стал твердо знать, что дед еще служит в армии, живет в Москве и обещает, выйдя в отставку, приехать к нам.

Я его не видел ни разу.

Вернее, видел, когда мне и года не было. Но, конечно, не помнил. Мама и отец приезжали в Москву специально меня показывать. Какой я уродился. В кого. В кого я уродился, тогда установить не удалось, но назвали меня Антоном. Как и деда. Отец меня иногда кличет Антон Второй. Это мне нравится. Был там когда-то Карл Двенадцатый, а я — Антон Второй. Тоже подходяще.

Дедушка жил в Москве, мы жили в Сибири и часто думали друг о друге. Я знал, что дедушка думает о нас. Что он не может не думать. Папа был его единственный сын, а я единственный внук. А он был у меня единственный дедушка, и мы вечерами говорили о нем.

Дедушкин портрет висел у нас в большой комнате, над папиным столом. Дедушка был там совсем молодым, на гимнастерке, на углах воротника, сверкали шпалы, и глаза у дедушки тоже сверкали на этой фотографии, как и пряжка с пятиконечной звездой. Дедушка был снят не один. На плечо ему положила руку девушка с пушистыми косами. Я все никак не мог понять вначале, как это девушка может быть моей бабушкой.

Мы часто говорили про них. Папа говорил, что мама — его мама — была с дедушкой всегда и везде, где бы он ни служил — на Дальнем Востоке или на Кавказе, на Украине или в Мурманске. И, слушая папу, можно было подумать, что дедушка служил везде. Когда папа говорил про это, он всегда смотрел на маму, будто звал ее. И она подходила к папе, гладила его по голове, словно маленького, потом клала ему руку на плечо и спрашивала меня:

— Антошка, правда, мы с папой похожи на бабушку и дедушку?

Я смотрел на фотографию, вглядывался в маму и отца и кивал головой.

Правда, они были похожи.

Письма из Москвы

Я часто думал о дедушке, я хотел его увидеть.

Но он все не выходил в отставку. И не приезжал в отпуск. Может, отпуск не брал — как отец.

Отцу вот все некогда. Все что-то у него на стройке горит. Все без него обойтись не могут. Только соберемся вместе в Москву поехать, чемоданы укладывать станем, папа какой-то виноватый с работы является. Вздыхает. Хмурится. Мама на него строго поглядывает. Молчит. Да что там, даже я понимаю, в чем дело. Опять отец не может в отпуск поехать: какой-нибудь «важный этап работ», как он говорит.

Мама помолчит, потом на меня посмотрит.

— Ну что, Антошка, позагораем дома?

Я надуюсь — хочется в Москву съездить. Потом подумаю. Успокоюсь. Ясное дело, позагораем, не бросать же Великого Кочевника? Он все-таки Зам, и хотя главный инженер и сам начальник стройки его в отпуск просто прогоняют, никуда он не уедет. Такой уж мой отец.

Ну, а дедушка?

Наверное, мой папа в своего папу пошел. Одинаковые характеры. Работают и оторваться от своей работы никак не могут.

Я часто думал, какая же такая работа у деда. Когда война — дело ясное. Военные воюют. Генералы направляют войска, производят маневры, обороняются и наступают. Но вот когда мир? Он всегда писал нам: «Работы невпроворот». А что за работа у него — ничего не писал.

Дед присылал веселые письма. Только после бабушкиной смерти он не писал месяца три. Папа и мама волновались. Слали ему телеграммы. Просили взять отпуск и приехать к ним. Дед молчал. Изредка отвечал телеграммами: «Все порядке не беспокойтесь». Потом стал писать бодрые письма. Про то, как он ездил в воскресенье на пляж. Или про то, что теперь по Москве молодежь ходит нестриженая, с длинными волосами, и он спросил однажды у девушки, который час, а оказалось, у девушки усищи, как у таракана, и деду чуть худо не сделалось.

Папа читал письма из Москвы и говорил нам:

— Плохо ему одному. Надо, чтобы он приехал.

Мы усаживались за стол и сочиняли дедушке письмо. Описывали сибирские красоты. Нашу реку. Тайгу. Поселок. Заманивали к себе.

Дед отвечал одинаково. Писал, что подал рапорт, но ему отказали. А когда мы обещали сами явиться в Москву, он извинялся за негостеприимство и писал, что лучше не надо. Приедете, отвечал он, а потом удерете, а я опять один останусь. Лучше потерплю до отставки. А там к вам махну.

Получая дедушкины письма, папа качал головой, вздыхал, мама тоже вздыхала, и я вздыхал, потому что все вздыхают. Я тогда про деда думал, как, например, про Чапаева из кино... У нас в классе сочинение было: «Мой любимый герой». И я про Чапаева написал, потому что кино о нем раз десять видел. Вот я и про дедушку тогда тоже мог бы сочинение написать. И пятерку заработать. Когда человека не знаешь, про него всегда легко писать.

Потрясающее известие

В общем, дед слал нам веселые письма, и папа с мамой отвечали ему тем же. Рапортовали, как мы живем, как строим электростанцию, как у нас хорошо и здорово. А я должен честно ска-

зать, что незаметно для себя перестал верить, будто дед когда-нибудь к нам приедет. И, хуже того, перестал верить, что дед вообще у меня есть.

И вот как сейчас помню: пришел я от Анны Робертовны, с французского языка. Она меня еще изъясняться приучала, как могу. «Вдруг, — говорит, — к нам в поселок французы приедут, делегация какая-нибудь. Или, допустим, ты во Франции оказался. И тебе надо про себя рассказать. Давай, мол!»

Я пыхтел, изъяснялся. «Жабит дан Сибир». Дескать я живу в Сибири. «Мон пэр этэн инженер». «Мой отец — инженер». И так далее. Я еще спросил тогда Анну Робертовну, как по-французски «дедушка». «Гранпэр», — сказала она. Большой отец, значит, в буквальном переводе. Я засмеялся.

— Говорят, у тебя дедушка — генерал? — спросила Анна Робертовна.

— Ага, — ответил я.

— Такого слова — «ага» — в русском языке нет, — наставительно сказала Анна Робертовна. — «Ага» — это по-татарски — «барин», «хозяин». Никогда не говори так — «ага», — если хочешь быть по-настоящему воспитанным человеком. Отвечай: «Уи!». Пардон, отвечай: «Да».

Ну, эта Анна Робертовна! Мама говорила, она в каком-то институте до революции училась. Благородных девиц, что ли. И что за институт — смехота!

— Уи, — ответил я ей, — мой дедушка — генерал.

— Во французской армии, — затуманив глаза, сказала Анна Робертовна, — есть такое военное выражение: если офицер обращается к младшему по чину, тот откликается по специальной форме. Не «да» или «есть», а «мой лейтенант!», «мой капитан!», «мой генерал!».

Анна Робертовна все мечтала о чем-то, а я молчал, думая, как это сказать по-французски: «мой генерал». «Мон» — «мой», это я знал, а вот как будет «генерал»?

— Мон женераль! — сказала тогда задумчиво Анна Робертовна. — Мон женераль! Ах, как это звучит!

Ну вот я пришел домой в тот день, разогрел на плите суп, поел холодных котлет, и вдруг загремел звонок. Долго, протяжно. Я разозлился, думал, опять Кешка. Забыл задание в дневник записать, а теперь трезвонит, как сумасшедший, — это с ним часто случается. Закричал ему еще из кухни:

— Тихо! А то как дам!

Открыл дверь, а на пороге отец. Никогда я его таким не видел. Шарф из пальто выбился, шапка на самой макушке, того гляди свалится, глаза сияют, дышит тяжело — мчался, наверное, по лестнице: ясное дело, не про бетон сейчас он думает. Но про что?

— Где мама? — крикнул отец.

Я плечами пожал. На работе, наверно. Отец меня боком двинул, по комнате в грязных сапогах пробежал прямо по ковру — вот от мамы достанется! — и за телефон схватился.

— Станция! — закричал. — Станция! Соедините с районом!

Потом на меня взглянул, словно только что увидел, и закричал, будто в пятый раз мне команду подает, а я не слышу:

— Собирайся! Живо! Дед летит! Только что звонил!

Мама за рулем

Мама сидит за рулем, крутит баранку, хватается за рычаг, которым переключают скорость, и причитает:

— Ну как же так, господи! Стыдища-то какая! Ждали-ждали, а дома пусто! Хоть бы пельменей навертеть!

На нее забавно смотреть: модный берет на голове, красивый шарфик, накрашенные губы, а баранку вертит, как заправский лихач.

Дорога до города, где аэропорт, ухабистая, с глубокими лужами, полными желтой, глинистой воды. Мамин «газик» рычит на подъемах, нас с папой подбрасывает на рытвинах, но мы молчим — оба в полной маминой власти. Погодка сегодня как назло. Ветер бросает в ветровое стекло пригоршни дождя, «дворник» не успевает его чистить, и дорога и деревья рядом сквозь водяную муть видны искаженно, неясно, но мама газует на полную скорость. Ну, мама!

— Вот видишь, Несчастный Скиталец, — кричит она, — какие у вас дороги! А если человек заболеет и такая погода, что вертолет не вызовешь? Не довезут ведь! Садовые вы головы!

Папа на мамину критику не отвечает. Молчит. Он весь напряжен. Его взгляд устремлен вперед, хотя впереди, кроме размытой дороги да грязи, ничего не видно.

— Наверное, аэропорт не принимает! — говорит он и спрашивает маму: — Что тогда? Возвращаться?

— Возвращаться! — возмущается мама. — Столько ждали, так мчались — и возвращаться! Будем ждать!

Ждать! В аэропорту нам говорят, что надо ждать. Что самолеты задерживаются из-за метеорологических условий.

Папа отходит от окошечка, где дают сведения о самолетах, и пожимает плечами. Лицо его растерянное.

— В суматохе, — говорит он, — я не спросил подробностей. Он сказал только, что его подбросят знакомые летчики. Друзья. Чтобы мы просто сидели и ждали. Но как же ждать?

Мама резко вскакивает, исчезает, потом появляется.

— Ну вот, — говорит она, — самолет идет на посадку.

Мы бежим к выходу, и сердце у меня колотится. Еще бы, я же не видел своего деда. Вернее, не помню. Но это все равно, что не видел. Вот сейчас мы его встретим в генеральской фор-

А такими были мои дед и бабушка.

ме, весь в орденах, и все будут оглядываться на нас.

Я смотрю вокруг. Аэропорт маленький и тесный, а приходится пробираться между людей и тюков, потому что погода нелетная и народу набралось полно. Вон эвенки узкоглазые с трубочками во рту. Вон геологи в походных сапогах с десятками ремешков и застежек. Вон солдаты с мешками и без погон — эти, я знаю, просто ждут машину, а приехали они к нам на стройку после армии.

Вздрагивают стекла в окнах от гула самолета, вздрагивает и народ, думает, нелетная погода кончилась. Но она не кончилась. Это просто прилетел мой дед.

Мы втроем выбегаем на бетонную полосу и мчимся под проливным дождем к самолету.

Мы бежим по лужам к этому удивительному самолету, который привез, наконец, моего деда, я вглядываюсь в темный провал открытой двери и жду, как сейчас, вот сейчас, сию секундочку дед появится на пороге.

Я обгоняю маму и отца, я жму во все лопатки и вижу, как по шаткой лесенке спиной ко мне спускается мужчина в летчицком шлеме. Я поддаю газу и проношусь мимо какого-то маленького старика в коричневом пальто и кепке. Старик что-то говорит мне, кажется, но тут уж не до него. Я подлетаю к мужчине в летчицком шлеме, сам думаю: зачем это артиллеристу такой шлем? Но все равно говорю, улыбаясь во весь рот:

— Мон женераль!

Человек оборачивается, я вижу молодое лицо, белые зубы.

— Вон твой женераль! — говорит человек и показывает рукой.

Я растерянно улыбаюсь и вижу, как вдалеке от самолета мама и отец обнимают по очереди того старика, мимо которого я пронесся.

— Какой же он генерал? — говорю я растерянно.

— Генерал что надо! — отвечает летчик и хлопает меня по плечу.

Я иду к маме и отцу и к тому старику, который мне, кажется, что-то сказал.

Иду медленно, не понимая сам, что произошло, как я мог ошибиться и почему он в коричневом пальто и кепке, а не в генеральской фуражке с кокардой и шинели с золотыми позументами. Я иду, а мама и папа, обняв старика, смотрят на меня, смотрит на меня и старик, и незаметно для себя я прибавляю шагу, а потом бегу к нему и тычусь лицом в холодное, пропахшее табаком пальто.

— Не признал! — говорит дед. — Вот беда-то, не признал!

Мы возвращаемся в аэровокзал, пробираемся сквозь толпу, и никто не обращает внимания на деда. Демобилизованные солдаты непочтительно стоят к нему спиной, а не вытягиваются по привычке — пусть им и не обязательно — перед моим генералом!

Какой же он все-таки?

И вот я сижу рядом с дедом и разглядываю его.

Он теперь в парадном мундире — я заставил надеть. На каждом погоне по две звезды. На груди ордена — вон тут их сколько!

Лицо у деда морщинистое, стариковское, на голове гладкие волосики. На того дедушку, который над папиным столом, на фотографии, совсем не похож, усики щеточкой сбрил. Глаза одни и похожи. Блестят, смеются. Дед и сам все смеется, надо мной подшучивает:

— Что же ты! Мимо деда пробежал!

Я пожимаю плечами. Вот уж сколько мы сидим тут, за праздничным столом, а я все не могу избавиться от неприятного чувства неловкости. Действительно, шляпа. Разогнался.

Дед ерошит мои волосы, утешает:

— Ну, я тебя тоже не узнал, ежели бы встретил на улице.

Голос у деда густой, рокочущий, громкий. Когда он говорит, висюльки в нашей люстре по-

Это надо же! Генерал моет пол!

звякивают, и в комнате будто бы тесно становится.

— Это я на войне глотку разработал, — говорит дед, — кричать много приходилось, понимаешь-ка? И по телефону, да и возле орудий — грохот там стоит, вот и приходится. В артиллерии вообще голос нужен.

Дед втягивает в себя воздух, лицо у него вдруг багровеет, и он кричит так, что наш дом того и гляди рассыплется:

— О-о-о-огггонь!

Это выходит так неожиданно, что мама даже бледнеет от испуга. А папа хохочет. Вот какой голосище у деда! Я тоже смеюсь и хочу попробовать, как он:

— Оггонь!

Но у меня получается пискляво, негромко. Мама в ужасе — ночь ведь уже, но дед успокаивает ее:

— Ольга! Это я один раз. Надо же внуку доблести свои показать. А то он на аэродроме мимо меня пробежал, да и сейчас вот разглядывает мои волосенки, мои дряблые щеки и думает: ну, что за генерал! Вон одни звезды и спасают.

Дед смотрит на меня пристально, в упор, и я чувствую, что краснею. Пусть не так я немножко думал, но ведь думал...

— Товарищ генерал, — зовет отец деда, — а теперь признавайся: за что в отставку отправили? Сам бы не ушел — я ведь знаю.

— За что, за что, — ворчит дед, вылезает из-за стола и ходит по комнате из угла в угол, как отец. Вопрос ему этот не нравится. — Хватит уж, сколько можно: в девятьсот пятом родился — так, в двадцать третьем в армию взяли. Вот считай, пятьдесят с гаком в армии. Сколько можно? Молодые растут. Им место уступать надо.

— Ну так вот, товарищ генерал-лейтенант, — говорит медленно папа, — в отставку вас вывели по состоянию здоровья, из-за сердца, это мне известно, так что здесь у нас отдыхайте, отдыхайте наконец. Слава богу, за свою жизнь наработался!

— Чего это ты, товарищ лейтенант запаса, учишь старшего по званию? — спрашивает дед.

Он остановился в углу комнаты — невысокий, темноглазый. Ни на кого из нас он не похож — брови черные, кустистые, строгие. И глаза черные тоже. Того и гляди крикнет сейчас отцу: «Смирно!»

Но дед устало снимает мундир, кладет его на стул, а сам медленно опускается на краешек дивана.

— Отдыхать так отдыхать, — говорит он глухо.

Дедушкина отставка

Утром начинается непонятная суматоха. Уже пора уходить, уже «газики» ждут под окнами, уже все мы одеты, и вдруг папа — в пальто и в шапке — начинает метаться по комнате, ищет субботнюю газету с телепрограммой.

Вначале я ничего не понимаю. Папа, наконец, победно размахивает газетой, красным карандашом подчеркивает в ней какие-то строчки, объясняет деду, как включается наш телевизор, и тут начинает суетиться мама. Она роется на книжной полке, вынимает стопку книг, спрашивая при этом деда, что он предпочитает: фантастику, детективы, исторические романы?

Один я стою у порога без дела. Теперь мне ясно, отчего такая суета. Это, конечно, правильно. Деду будет скучно. Работал-работал всю жизнь, на войне сражался — и вдруг нате вам! Сиди спокойненько, без всякого дела. Я поднатужился, пособображал, что бы такое и мне деду предложить, но ничего не придумал. Просто ему позавидовал. Эх, вот бы мне! Взять и просто так, без всяких уважительных причин, не пойти в школу. Сидеть дома, как дед, и чем хочешь заниматься! Я киваю деду, вздыхаю с завистью и замечаю, что дедушка грустный. Он улыбается, но сам невеселый: глаза у него не смеются.

Какие-то настороженные глаза. Тревожные, печальные.

— Хорошо, хорошо! — говорит он маме и папе. — Телевизор обязательно посмотрю. Книги непременно почитаю. Счастливо вам! Поработать. Поучиться. — Но не выдерживает все-таки. Произносит бодро: — А я ведь первый день. Безработный-то... — И снова смеется: — Ух, отосплюсь!

Мы прикрываем дверь, молча спускаемся по лестнице. У машин мама и папа озабоченно переглядываются. Смотрят на меня.

— Переживает, — говорит отец.

— Антошка, — вздыхает мама, — ты из школы сразу беги домой, нигде не задерживайся. Погуляй с дедушкой. Покажи ему поселок. Стройку. Шефствуй, в общем, до нашего прихода.

«Газики» разъехались, я пошел в школу. Ничего себе задачка! Шефствуй над дедом. Это сказать легко. А как шефствовать-то? Я весь день задумчивый в школе был. Кешка даже удивился. Думал, я заболел. Но я не заболел. Я все думал, как мне быть. Как я шефствовать должен.

Голос учительницы как будто издалека откуда-то слышался: бу-бу-бу... После математики меня даже похвалили за внимательность. Вот дела! За внимательность хвалят, а я ни одного слова не слышал.

Так я ничего и не придумал. Как это шефствовать над дедом? Вообще-то можно было бы в магазин сходить за хлебом, за молоком, дрова поколоть, воды наносить, как тимуровцы у Гайдара. Но дрова колоть ни к чему: у нас ведь центральное отопление, вода по водопроводу течет, а за хлебом и молоком я и так хожу, без всякого шефства.

Нет, ничего я не придумал. Но домой помчался сразу. Ведь мы с дедом еще как следует и не говорили. А у меня к нему вопросы. Целая куча. Про войну. Про артиллерию. Про всякое такое.

Еще на лестнице я услышал вкусный запах. А когда дед мне дверь открыл, запах этот прямо в нос ударил. Но я этого удара не заметил. Я открыл рот. Вообще-то рот у меня сам открылся. Автоматически.

Еще бы!

Дед стоял в залатанных старых штанах и в калошах на босу ногу — где их он только выкопал! Редкие волосики на голове торчали в разные стороны. В одной руке он держал тряпку. А сам испуганно улыбался.

— Слава богу! — воскликнул он совсем не по-военному. — Я думал, родители!

Как загипнотизированный, я положил портфель, разделся, обошел квартиру. Все было перевернуто вверх дном. Ковер лежал, свернутый в трубу. Диван сдвинут со своего места. Стулья торчали пирамидами, друг на друге.

Дед окунул тряпку в ведро с водой, наклонился — и я снова поразился. Он мыл пол быстро, ловко, умело. Будто всю жизнь не в армии командовал, а только полы и мыл.

Оторопь моя постепенно проходила. Сначала я хотел возмутиться. Хотел сказать, что пожалуюсь маме и папе: не для того дед летел в такую даль, чтобы полы мыть. Но потом представил, как Кешке расскажу про эту сцену. Как он меня за такую фантазию обхохочет, и сам фыркнул. Потом засмеялся. Потом захохотал. Это надо же! Генерал моет пол!

Дедушка строго взглянул на меня, не отрываясь от дела. И сам засмеялся. Тоже захохотал.

— Давай-ка, — сказал он мне, — тащи вторые калоши! Бери вторую тряпку!

Вторых калош, конечно, не нашлось, я шлепал босиком по мокрому полу, двигал диван, расставлял стулья, протирал мебель влажной тряпкой. Голову я повязал полотенцем на пиратский манер, заставил сделать то же самое и деда. Мы походили на двух матросов, на двух разбойников, прибирающих каюту одноглазого ка-

— О-ой, дедушка!

питана. Хриплым голосом я распевал строчку из какого-то фильма:

«Эх, мы разбойники! Разбойники!
Разбойники!
Ох, мы разбойники! Разбойники!
Разбойники!
Ух, мы разбойники! Разбойники!
Разбойники!»

Других строчек я не знал и повторял одну эту. Только междометия менял: эх, ох, ух, ых. Песня была простая, и дедушка стал мне подтягивать. Получилось у нас весело, в лад.

«Ух мы разбойники! Разбойники!
Разбойники!»

— Чем это так вкусно пахнет? — наконец спросил я.

Дедушка странно всхлипнул, бросил тряпку и побежал в кухню.

Оттуда раздался грохот, дедушкин стон. Я кинулся ему на помощь, и снова рот у меня открылся. Автоматически.

Из газовой духовки тянулся легкий дымок, а на тарелке, посреди кухонного стола, возвышалась пирамида поджаристых, аппетитных пирожков.

Вот так дедушка! Вот так генерал!

Дедушкино шефство

Вот ведь как выходит! Не мы над ним, а дедушка над нами шефство взял.

Утром мы теперь выходим из дому вчетвером. Мама и папа садятся в машины, а мы с дедушкой расходимся в разные стороны. Я — к школе, он — в магазин.

Время от времени я останавливаюсь и гляжу, как дед не спеша шагает по улице и как поблескивают у него в авоське молочные бутылки.

Дед оборачивается тоже, машет мне рукой, а у меня сердце сжимается от жалости к нему.

Нет, нет, все-таки я не согласен с этим!

Боевой генерал, пусть в отставке, и в магазин с бутылками идет. Пол моет. Пирожки печет.

Я думал, это один раз. Я тоже один раз в третьем классе пол помыл. На Восьмое марта. Хотел потом все время мыть, да никак собраться больше не смог. Все дела, дела... А вот дед каждый день по хозяйству возится. Если пол не моет, так еще чего-нибудь придумывает.

Мы деда не раз ругали. Но наши атаки всегда неудачными были. Дед говорил, посмеиваясь:

— Что же мне делать прикажете? У вас тут такая скучища! Средний возраст населения — двадцать пять лет. Позор! Стариков не имеете! В Москве, например, их сколько! На лавочках сидят, в домино режутся. Должен же я чем-нибудь заниматься!

Мама в отчаянии была. Пока дед на кухне курил, папе шептала:

— Что же делать теперь? Какой стыд! Генерал пол моет! Ковры вытряхивает!

— А ты забудь, что пол моет именно генерал, — посоветовал отец.

Но мама все-таки придумала. Прибиралась потихоньку утром. Вставала в полшестого и тихонько пол мыла, посуду драила. На цыпочках ходила, чтоб нас не разбудить. Дед ее маневр разгадал. Сказал за завтраком:

— Ольга, ты это брось!

— Чего, Антон Петрович? — прикинулась мама.

— Я тебе покажу, Антон Петрович! — сказал грозно дедушка. И после маминой приборки все равно пол сам вымыл. Будто она ничего и не делала.

В тот день, когда он пирожки первый раз испек, мама едва не заплакала.

— Антон Петрович! — воскликнула отчаянно. — Ну что вы делаете! Вы же меня в ужасное положение ставите!

Дед к ней, шаркая тапками, подошел. В руке самый румяный пирожок. Откусить заставил. И пока мама жевала, сказал:

— Оленька! Ты ведь у меня передовой человек, правда? Ну так и плюй на всякие предрассудки! Я же живой еще, верно? Или ты меня для музея бережешь? Выдающихся личностей? Генерал такой-то! — Дед скрестил руки на груди, задвигал смешно бровями. Сам засмеялся: — Так генералов-то ведь полно! — Вдруг рассердился: — И давай разговоры эти прекратим!

— Папа, — сказала она, — какой же ты чудной!

Дедушка ее по плечу погладил.

— Ну вот, — сказал, — и лады. Давайте пирожки есть.

Стали мы пирожки есть, дедом испеченные. И молоко пить, которое он покупал. И по полу ходить, который он вымыл.

— Какие вы странные люди, — сказал дед, — сами работаете, учитесь, а я, хотите, чтобы в стороне сидел? Не за этим я сюда ехал! Ясно?

Мама вздохнула. Сдалась.

Секретный способ

Мама сдалась, а я не сдавался. Слова деда я запомнил. Про стариков. Что их у нас нету. «Как же нету? — думал я. — А француженка Анна Робертовна?»

И вот я собрал денег, пошел в клуб и купил у продавщицы Зинаиды Ивановны шесть порций мороженого. Съел их по специальному методу. Не лизать надо мороженое, а глотать прямо кусками. Этот способ проверенный, мне его Кешка рассекретил. Причем у нас такой способ только весной и осенью действует. Ну, летом иногда, в жару. А зимой — никогда. Зимой у нас мороженое хоть килограммами ешь — ничего с тобой не сделается. Я думаю, это потому, что и на улице мороз и в животе мороз. Равенство температур. Холодное равновесие. А вот осенью — другое дело. Осенью на улице — ни то ни се. Дождь моросит, пузырится в желтой грязи. И вот осенью Кешкин способ помогает.

Была осень как раз. Я взял у Зинаиды Ивановны шесть мороженых по девять копеек и, не разжевывая, кусками прямо, их съел. Весь вечер тихонько за голову себя трогал. Не началось ли? Не началось. Вот обида.

В школе я Кешке про свое несчастье сказал.

Кешка — человек опытный, настоящий кержак. Я, например, просто сибиряк, потому что в Сибири родился. А Кешка — кержак, значит, из сибиряков сибиряк, все его предки — и родители, и деды, и прадеды — тутошние и жили всегда в тайге, промышляли таежными промыслами: охотились, шишку добывали, таежный мед, рыбачили, лес сплавляли. Когда реку плотиной перегораживать начали, Кешкин отец на стройку пошел. И Кешкин дед — Иннокентий Евлампиевич. Мы с Кешкой еще в детсаду подружились. А теперь в школе на одной парте сидим.

Говорит Кешка, как и отец его, немного, кратко. Когда на уроке отвечает, слов даром не тратит. Поэтому по математике у него круглые пятерки, а вот если до истории, или географии, или литературы дело дойдет — дело швах. Тут говорить надо. Словами блистать. Приводить примеры. А Кешка скажет: «Колумб открыл Америку в 1148 году» — и молчит. Его учительница спрашивает, мол, подробней. Как Колумб плыл, что видел и так далее. А Кешка с ноги на ногу переступает, плечами пожимает, не понимает, чего от него хотят: самое главное, дескать, я же сказал.

— Ну, плыл, — говорит, — как все... Только не в ту сторону.

— Да, — вздыхает учительница, — тебя, Евсеев, под пресс, наверное, класть надо, чтобы слова выжать.

Кешка не любит такие уроки. Возвращаясь от доски, бурчит под нос:

— Факты-то я сказал! Чего еще!

Но по истории и географии, по литературе и природоведению одних фактов, оказывается, мало. Не понимают Кешку эти учителя, а зря. Кешка — он вон какой. Чего только не знает и не умеет! Костер запалит с одной спички. Даже в дождь. Не каждый взрослый может, а он вот умеет. Определить в тайге, где север, где юг — без всяких компасов, по деревьям. Где север, на деревьях, оказывается, мох растет. Да что там! Кешка все грибные места знает. Знает, где ягоды растут.

Вот вам Кешка. Так что его учителя недооценивают.

Ну, еще какой Кешка?

Черноволосый и чернобровый. Лицо у него широкое и скуластое. И руки — будь здоров. Кешка — чемпион в классе. Кого хочешь на локотки пережмет. Или ладонь сдавит так, что слезы из глаз брызнут. Но Кешка этим не гордится и зря свою силу не показывает. Это мне нравится. За это я Кешку уважаю.

Но прежде всего я Кешку уважаю за умные советы. По-моему, он все знает. Вот я ему и пожаловался, что «секрет» про мороженое не выходит. Кешка подумал и сказал:

— Оно, конечно, есть еще способ.

Потом оглядел меня пристально, словно прикинул: выдержу ли? Я его локтем двинул: давай, мол, о чем речь.

— Ладно, уж, — сказал Кешка. — Возьми простыню, смочи в холодной воде, завернись в нее и стой, пока зубы не застучат. Десять минут зубами стучи. Но не больше. Понял?

Я понял.

Вечером температура поднялась к тридцати восьми.

Наши разговоры

Утром мама оставила меня в постели, обещала звонить, а дед, надев сапоги, убежал в магазин.

«Не хватало ему,— думал я,— еще ухаживать за больными!»

Но что делать? Искусство требует жертв.

Может быть, для того чтобы подбодрить меня, а может, это он всегда так делал тут в одиночестве, когда мы уходили, дед начал петь. Вернулся из магазина, погремел кастрюлями, поставил молоко кипятить и стал петь:

— Дан приказ — ему на запад,
Ей в другую сторону!

Я его поддержал:

— Уходили комсомольцы
На гражданскую войну!

Дед принес кружку горячего молока с содой, заставил выпить. Пока я морщился и потел, он впечатлениями делился.

— Странный у вас поселок,— говорил дед,— днем магазины закрывать можно. По-моему, один я по поселку и хожу.

Он приоткрыл форточку, курил в щелку, думал про наш поселок. А я про него думал.

— Что ты там делал? — спросил я.— В Москве? Что генералы делают, когда войны нет?

Дед рассмеялся.

— Работы у генералов невпроворот. Это ведь кажется, что войны нет. Где-нибудь она да и есть. То во Вьетнаме воюют, то в Камбодже. То еще где-нибудь. Воюют другие, а нас это касается. Вот если станут бить при тебе маленького да слабого, разве ты в стороне стоять станешь?

Я головой мотнул. Конечно, нет.

— А тебе страшно на войне было? — спросил я.

— Было. Только солдату на войне страшней, чем командиру. Командир командует, он на наблюдательном пункте или в штабе, а солдат под пули идет. Так что командир обязан на войне бояться. Не за себя. За солдат, которые по его приказу воюют.

— А хорошо генералом быть? — спросил я.

Дед на меня покосился. Помолчал, подумал.

— Конечно, идешь по улице, звезды блестят, вроде приятно. Солдатики тебя приветствуют, прохожие оборачиваются. Но это все ерунда. От этого дела устаешь.

— Как ты говоришь! — сказал я.— Будто ничего в этом особенного нет — генералом быть.

— Особенное есть,— ответил он серьезно.— Это ответственность. Ты вот только за себя отвечаешь, за свои отметки, за свое поведение. А командир отвечает за людей, за их выучку, за их умение воевать. И за то, чтобы они были сыты. Чтобы были обуты. Чтобы настроение у них было хорошее. За все и за всех отвечает. А это не легко и не просто.

Позвонила мама. Спросила, как я себя чувствую. Дед сказал, хорошо. Когда поговорил, пошел в кухню.

— Пора варить курицу,— сказал мне.

— Подожди варить курицу,—попросил я.— Достань свой мундир. Повесь его на стул. Я пока погляжу.

Дед хмыкнул, но мундир повесил. Ушел.

Я смотрю на генеральскую форму, на дедовы ордена. Эти два я знаю, да их всякий знает — ордена Ленина. И орден Боевого Красного Знамени я знаю. Их у деда три. А такой я первый раз вижу. Орден Александра Невского. Еще один — орден Кутузова третьей степени. А медалей-то, медалей...

Я встаю потихоньку с дивана, надеваю дедов мундир, подхожу к зеркалу. Шевелю бровями, как он, протягиваю руку вперед: я видел такую картинку — Кутузов с протянутой вперед рукой. Я нравлюсь сам себе. Вот бы тоже генералом стать! Почему молодых генералов не бывает? Лет в пятнадцать? Ну, ладно, хотя бы в двадцать? Идешь, а тебе все честь отдают. Стоят по струнке.

Я сам себе честь отдал. Потом мундир снял. Опять ордена разглядывать принялся. И не заметил, когда заснул.

Проснулся я от звонка. Мама опять узнавала, как я себя чувствую.

— Мама,— сказал я,— пригласи к нам Анну Робертовну. А то у нас сегодня занятие. Боюсь пропустить.

Мама удивилась. Ничего не ответила, но я чувствовал, как на том конце провода вопросительный знак светится. И даже не один. Три.

Мама ничего не сказала, а вечером приехала вместе с Анной Робертовной. Деда они врасплох застали. Все в тех же домашних тапочках и в спортивных шароварах. Он смутился, оттирал руки кухонным полотенцем, а Анна Робертовна порозовела и сказала по-французски:

— Мон женераль!

Фу ты, господи, разве для этого я ее сюда зазывал и даже мокрой простыней оборачивался, чтоб температуру поднять? Для кокетства этого?

Но ничего. Дед не растерялся, шлепнул друг о друга пятками, выпятил грудь, поцеловал ручку Анны Робертовны и прогромыхал:

— Мадам!

Серьезный разговор

Мы позанимались немножко, но Анне Робертовне не до того было — я ясно понимал. Я эти глаголы спрягал, как в голову приходило, а она все кивала, соглашаясь, мол, правильно.

Я, конечно, торжествовал. Ага! Ей хочется с дедом поговорить.

Тут мама чай принесла. С кексом. Пока я глаголы спрягал, испекла. Они за стол уселись, я на диване своем чай пью. Все-таки больной.

— Ну что ж, мадам,— сказал дед,— пожалуйста, поведайте, как тут пенсионерам живется? Среди молодых-то?

— Трудно, генерал,— сказала Анна Робертовна.— Как поется в старинном романсе — «И скучно и грустно».

— Ну, ну,— улыбнулся дедушка,— что грустно, поверить могу, а скучно — это увольте. Как же скучно-то?

— А так, — ответила Анна Робертовна, — им тут интересно, они строят, у них план, плотина, кубометры, переходящие знамена, а у меня? Весь день жду, когда Гриша мой с работы придет. Поговорить хотя бы. Он придет, поест и тут же засыпает. Прямо сидя. Представляете?

Дед ложечкой в стакане с чаем поболтал. Задумался.

— А может, и правильно это, — сказал, — может, тут и не должно стариков быть?

— Эх вы! — воскликнула мама. — Странно слушать мне вас! Да будь моя воля, я бы по комсомольским путевкам пенсионеров сюда посылала! Они нам как воздух нужны! Во-первых, у нас младенцев полно. А яслей не хватает. Молодые матери дома сидят, с детишками возятся. Вот и приехали бы в эти семьи бабушки, как бы нас выручили, сколько бы женщин освободили. Да что говорить, — мама рукой махнула, — бабушки — великая сила!

— А дедушки? — спросил я.

— С дедушками, конечно, труднее, — наморщила лоб мама, — с младенцами нянчиться они не умеют. Но и им дело найдется.

Дед расхохотался. Люстра опять тихонечко зазвенела.

— Ну, Ольга! — воскликнул он. — Ну, государственная деятельница!

Мама покраснела, смутилась и говорит:

— Извините, папа, я же размышляю о проблеме дедушек вообще. Не о вас лично. Вы должны отдыхать.

Дед снова расхохотался.

— Вот, Анна Робертовна, — сказал он грустно, — мы теперь уже не только бабушки и дедушки, а проблема!

Мама совсем сконфузилась и растерялась, стала собирать со стола, а Анна Робертовна проговорила:

— Все жду, жду, когда мой Гриша женится, да дождаться не могу. Так что я даже и не бабушка. Просто так... Старуха...

Дедушка посмотрел на нее пристально, молча, задумчиво разгладил скатерть, вздохнул.

— Ну что вы, Анна Робертовна, — сказал он тихо, — что вы... У каждого времени года своя прелесть. Зима, весна, лето, осень... И у человека так же. Старость — это же осень человеческой жизни. И в ней — свое очарование. Свои достоинства...

— «Если бы молодость знала, если бы старость могла», — продекламировала Анна Робертовна, чуть порозовев.

— Да, да, — сказал дед, — всему своя пора, и надо, чтобы старость не была отмечена унынием, тоской, простым доживанием дней. Мы же люди...

Они говорили негромко, и у деда и у Анны Робертовны глаза как бы покрылись легким туманом — они словно ушли из этой комнаты, не видели маму и меня, они жили в каком-то своем мире, далеком и непонятном мне, и разговор их был очень спокойным, неторопливым, глубоким...

Но все кончилось. Анна Робертовна засобиралась домой, дедушка с достоинством молвил: «Позвольте вас проводить!», — переоделся в генеральскую форму; увидев его в этой одежде, Анна Робертовна затрепетала, покрылась пунцовыми пятнами, заохала, запричитала.

— Прошу, мадам! — сказал дедушка, подал француженке свою руку калачиком, Анна Робертовна взялась за нее, они ушли.

— Видишь, — сказала мама, — какой галантный у нас дедушка, бери с него пример.

Я улыбнулся.

Я был рад, что все так получилось.

Может быть, они и не будут резаться в домино, дедушка и француженка, конечно, нет. Но разве в домино дело! Все-таки вдвоем веселее, легче. И хотя дедушка не один ведь живет — у него же мы есть, — все-таки веселее, когда есть знакомая старушка.

Будут ходить друг к другу чай пить. Разговаривать станут, как сегодня...

Работа

Папа пришел с работы, когда деда еще не было.

— Ну! — воскликнул он. — Генералу — сюрприз! — Но как мы его ни допытывали, ничего не сказал.

Дедушка вернулся розовый, пока снимал шинель, крякал, отдувался.

— Поднялся, — рассказал, — на горку, посмотреть вашу стройку, а там ветер, мороз!

Он оживленный был какой-то, веселый. Подул в кулаки, согрелся, воскликнул:

— Это стройка, я вам скажу! Сколько кранов, сколько машин, сколько света! От воды пар, будто дым, — поле сражения, да и только.

— Еще бы! — обрадовался отец, торопливо вытащил карту из шкафчика, усадил деда рядом. — Гляди сюда! Вот наши масштабы! Сто пятьдесят тысяч гектаров водохранилища, когда плотина реку перегородит. Тут много леса. Организованы специальные леспромхозы, чтобы тайгу вырубить!

Мама рядом подсела, отца перебила:

— Деревни, Антон Петрович, переносятся на новые места. Надо построить тысячи новых домов! Вот тут протянутся линии высоковольтных передач. Здесь будет железная дорога. Тут автомобильное шоссе.

— А народу сколько к нам едет! — воскликнул отец. — Пока на стройке десять тысяч человек, будет еще больше.

Дед крякнул от удовольствия, покачал головой, потом положил руку отцу на плечо, взглянул на маму, хитро прищурился и сказал:

— Это вы куда клоните, признавайтесь!

— Никуда, — растерянно ответила мама.

— Нет, куда! — сказал отец. — У меня к тебе предложение. Не от себя. От начальника стройки. Узнал он о тебе, хотел немедленно в гости мчаться, да дела задержали. Так вот предлагает он тебе пойти на работу. Начальником отдела кадров. Представляешь?

— Представляю-у! — протянул дедушка и замолчал.

— Текучка у нас есть, понимаешь, — говорил отец взволнованно. — Люди текут, как река. Одни приезжают, другие уезжают. Особенно молодежь. Придут из армии, поработают немного, а потом — по домам. С ними поговорить надо, убедить остаться, в общем, дело большое — обеспечивать стройку рабочими кадрами. Давай, батя! Нам как раз такого человека и не хватает!

Дедушка молчал, опустив голову, и поднял ее, когда мама напустилась на папу:

— Ты сам себе противоречишь. То говоришь, чтобы папа отдыхал, то находишь ему работу...

— Да нет, — сказал дедушка, — не в этом дело...

Он встал, прошелся по комнате. Вид у него какой-то усталый был, угнетенный.

— Это он, Оленька, мне работу подыскал утешительную, что ли... Чтобы я не переживал, чтобы при деле себя чувствовал, чтобы лишним сам себе не казался.

Он остановился, посмотрел пристально на отца. Отец нервничал, карандашом по карте стучал, глаза прятал.

— Но я, сынок, свадебным генералом быть не умею, а работать как следует — сам понимаю — уже не смогу... Да и поздно...

Папа карту сложил. Улыбнулся. Сказал дедушке: «Что же, на нет и суда нет», — а мама на папу набросилась, дедушку поддержала: «Правильно, Антон Петрович, надо отдыхать, какая еще работа, вы уже наработались», — но дед переживал, маялся, я это хорошо видел.

— А как это понимать, — спросил я, — свадебный генерал?

Дедушка повернулся ко мне, скрипнул раскладушкой.

— Тоже не спишь?

— Не сплю, — шепнул я.

— Позорное звание это, Антоша! Свадебный генерал! На свадьбу, например, зовут генерала. Чтобы было торжественней. Чтобы все говорили потом: «Это да, это свадьба! Даже генерал был!» А генерал к свадьбе отношения не имеет. Ни сват, ни брат. Вот и я не хочу быть таким генералом.

Мы молчим.

— Так то свадьба!

— Да никогда нельзя быть свадебным генералом! — возмущается дед. — Нигде! Разве не понимаешь! Или работаешь, как все, или...

Дед так говорит, будто я его обижаю. Задеваю своими вопросами. Я вздыхаю. Дедушка вздыхает тоже.

— Как думаешь, Антошка, — спрашивает он, — обиделся на меня папа?

— Не знаю, — отвечаю я. — Он же хотел как лучше!

— В том-то и дело, — говорит дед, — он для меня старался, а я отказываюсь. Но ничего. Пообижается и перестанет. Поймет — умный мужик.

Он тяжело дышит в темноте.

— Чего ты? — спрашиваю я.

— Да сердце что-то прихватило, — шепчет дед. — Встань тихонько, накапай мне из флакончика, который на подоконнике стоит. Но только — чур! — родителям ни гугу.

Мне нравится такое доверие. Я шлепаю по полу. Капаю в стакан из флакончика. Наливаю воды. Даю лекарство деду. Он выпивает.

— Хорошо, — говорит, — теперь полегче.

Молчит. Я думаю, он заснул. Закрываю глаза. Думаю про деда. Про то, какой он вдруг оказался. А дед говорит:

— Ну хорошо, а без простыни ты меня с француженкой познакомить не мог?

— Как же, — отвечаю я. — Ведь на занятия я к ней домой хожу, — но тут же спохватываюсь: — Как ты узнал?

— Военная тайна, — отвечает дед.

Я тихонько смеюсь.

— А настоящая военная тайна у тебя есть? — спрашиваю я. — Взаправдашняя?

— Еще какая, — говорит он, тяжело дыша.

— Расскажешь? — прошу я.

— Придется, — отвечает генерал, — не помирать же мне со своей тайной.

Злой демон

Есть такое выражение — Злой Демон.

Я когда про него думаю, Демон мне представляется лохматым, с человечьим лицом. За спиной у него перепончатые крылья с острыми углами, как у летучей мыши. Бр-р-р...

В то утро я проснулся, как обычно, — ни о каком Злом Демоне не думал. Пошел в школу, сунул в парту портфель, о чем-то заговорил с Кешкой, и все было обыкновенно, как всегда.

И тут это случилось!!!

Тут хлопнула дверь, и на пороге класса возник Злой Демон со своими редкими зубами, захихикал, пустил через весь класс портфель в угол и заорал:

— Э, народ! Знаете, кого я вчера видел! Генерала!

— Во сне, что ли? — спросил Кешка, и класс по обыкновению грохнул.

— Нет, — ответил он, ни чуточку не смутившись. — Перед сном. Пошел прогуляться — и вдруг навстречу он. Две звезды на погонах! Лампасы на штанах!

— Ну барон! — поразился Кешка.

— Какой барон? — не понял Злой Демон.

— Мюнхгаузен! — воскликнул Кешка, и все опять покатились со смеху.

Над ним всегда смеялись, над этим Злым Демоном. За привычку врать. За его дурацкие выдумки. И я всегда над ним хохотал. Но тут у меня сердце сжалось. Злой Демон говорил правду, и я тогда еще ни о чем не подозревал, ничего такого не думал, и человек этот никаким Демоном для меня не был, а был просто Кириллом Пуховым по прозвищу Газовый Бал-

лон. Звали его так все за то, что был Кирилл самым толстым в нашем классе.

Ребята смеялись над Пуховым, он таращил глаза и говорил, что не врет на этот раз ни крошечки, а я краснел, и меня распирала обидная досада на всех. И тогда я сказал:

— Прекратите глупый смех. Генерал — мой дедушка.

Тут уж Газовый Баллон постарался: захрюкал. Это у него смех такой. Не как у нормальных людей. Он, когда смеется, то хрюкает. И это всех смешит. Все в классе так и покатились. Может, покатились из-за баллоновского хрюканья, но я решил, что смеются надо мной.

Я покраснел еще больше. Даже слезы у меня навернулись. Вот тебе и на! Вот тебе и сюрприз: я ведь хотел сюрприз устроить. Как мне хотелось про деда рассказать. Ну, хотя бы Кешке, а я молчал, крепился. Действительно, что значат слова? И я придумал. Придумал здорово, а вышло как... Я уже решил: наденет дедушка форму, и мы вместе в школу придем, вот все ахнут. А вышло — смеются, будто я какой-нибудь редкозубый враль Кирилл Пухов.

Кешка меня локтем в бок толкнул, буркнул недовольно:

— Чего ты-то?

Это последней каплей было. Гордость моя взбунтовалась, что ли? Или, может быть, Злой Демон именно в этот момент первый раз меня дернул. Я вскочил и сказал, едва сдерживаясь от злости, Газовому Баллону:

— На спор!

— Не промахнись, Асунта! — воскликнул Пухов, и все покатились снова.

— Имей в виду — на «американку», — сказал я, дрожа от нетерпения. Немедленно, да, да, немедленно надо мчаться домой... Привести дедушку... Нет, это неудобно. Он обидится... Тогда... Надо повести всех, кто не верит, к дому. И попросить дедушку выйти на балкон. А перед этим он должен надеть мундир.

Я едва дождался конца уроков. Каждую переменку мальчишки подзуживали то меня, то Пухова. Подзуживать было легко, требовалось только сказать: «Да брось ты, мало ли что, погорячился», — и мы с Кириллом по очереди краснели и надувались, как воздушные шарики.

Наконец прогремел последний звонок. Толпа собралась порядочная. Почти весь класс.

Мы с Пуховым шагаем рядышком. Сзади понурый Кешка. Дальше — зрители. В толпе мелькает зеленая шапочка Альки.

Алька — это одна девчонка из нашего класса, независимый человек, и вообще... Но это к делу не относится.

К делу относится то, что и Алька идет вместе со всеми. Шапочка ее мелькает. И тут мне на секунду становится жаль Кирилла Пухова. Ведь он проиграл «американку» — три желания в любое время. Проиграл, бедный Газовый Баллон, — Алька увидит моего дедушку.

Что-то такое во мне происходит. Какие-то мурашки ползут у меня по спине, как будто я сейчас пятерку получу и уверен в этом на сто процентов. Ребята стоят возле дома, я мчусь по лестнице домой, звоню долго, лихорадочно, потом открываю квартиру своим ключом, заглядываю в кухню, в комнаты, в ванную.

Деда нет.

Что же делать? Вот позор...

Сказать, чтобы ждали? Засмеются и уйдут.

И тут приходит гениальная идея.

Я скидываю пальто, открываю шкаф, натягиваю на себя дедов мундир с орденами, подгибаю рукава, подумав, надеваю на макушку генеральскую фуражку и выхожу на балкон.

Я вижу глаза, устремленные на меня, — восторженные, пораженные, радостные. Я отыскиваю зеленую шапочку, Альку и улыбаюсь ей одной. Потом я протягиваю вперед руку, как фельдмаршал Кутузов, и мне кажется, что мундир сидит на мне впору, будто сшит на меня, и ордена на груди вручены в торжественной обстановке тоже мне, и что вообще генерал-лейтенант — это я.

Злой Демон Кирилл Пухов потерянно улыбается.

— Ой! Точно! Генерал!..

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Боевой листок

★ ПОИСК ★

Она была одной из тех тимуровцев, кто помогал стране в тяжелое военное время. Сейчас Анна Алексеевна Бровко — учительница, руководитель тимуровской работы в ульяновской школе-интернате № 16. Она вспоминает:

«Тимуровское движение у нас в Ульяновске зародилось, когда появилась книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Как только началась Великая Отечественная война, тимуровцев в городе стало в два раза больше — все хотели помочь взрослым бороться с врагом. К началу 1942 года у нас действовало около тысячи тимуровских команд. Вот что писал корреспондент газеты «Ульяновская правда» в октябре 1942 года о тимуровцах средней школы № 3: «В этот день пионерская комната превратилась в магазин готового платья. На столе лежали шарфы, шапки, теплая одежда. В комнату то и дело входят мальчики и девочки со свертками в руках. «Все, что соберем, отправим детям Сталинграда, — так они решили на школьном собрании.— Это будет нашей помощью ребятам, пострадавшим от фашистов».

Пионеры четвертого класса этой школы вместе со старшей пионервожатой Надеждой Игнатьевой собирали деньги на постройку самолета. Тамара Фролова внесла семь тысяч рублей на строительство танковой колонны. В Ульяновском Дворце пионеров хранится телеграмма Верховного Главнокомандующего на ее имя: «Спасибо вам, товарищ Фролова, за вашу заботу о Красной Армии». Таня Чекулаева из Сурского района внесла девять тысяч рублей на строительство танковой колонны «Юный пионер».

В нашем Дворце пионеров хранятся письма тимуровцев воинам Красной Армии и ответы красноармейцев ребятам. Бойцы благодарят их за помощь в тылу, за подарки: «Мы храним их, как память о вашей дружбе. Она согревает нас в походах и помогает нам в бою».

ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Съездили в Арзамас, посетили памятные гайдаровские места. Показали ребятам нашей школы фильм, снятый во время поездки. **Казань, школа № 66, 6-й класс «Г».**

●

Наш отряд имени Аркадия Гайдара шефствует над молочной фермой. Мы помогаем ухаживать за телятами. Нам это дело нравится, телятам, кажется, тоже.

с. Тополево, Хабаровский край, школа № 2.

●

Проводим «Рейд непримиримых». Хотим, чтобы у нас в школе никто не отставал в учебе. Остаемся после уроков и помогаем ребятам, у которых плохие оценки.

г. Львов, тимуровцы школы № 34.

●

Помогаем Обществу слепых нашего города: людям, потерявшим зрение, читаем газеты, журналы и книги.

г. Ухта, Коми АССР, школа № 1.

●

Подвели итоги за прошлый год: посажено 3 000 деревьев, выращено 2 000 саженцев, собрано 4 тонны шишек и хвои, 97 тонн металлолома, 23 тонны макулатуры.

Тимуровцы Льговского района, Курской обл.

Патентное бюро «Боевого листка»

Изобретения бывают разные. Нам больше по душе те, которые помогают людям создать хорошее настроение. Именно такими изобретениями поделились с нами наши друзья, чехословацкие пионеры.

«Как узнать, кому из престарелых жителей нашего города требуется помощь?» — этот вопрос нас очень волновал. И мы сделали вот что: склеили из цветной бумаги большие красные цветы, такие, чтобы издалека было видно, и раздали всем старым людям. Когда кому-то нужна наша помощь, на окне появляется цветок. А уж за нами дело не станет.

Гелена Бусовска, г. Кладно, Чехословакия.

Или...

«...Всем известно, что дорожные знаки на шоссе нужны для безопасности движения. Но зимой их заносит снегом, а в весеннюю или осеннюю распутицу не видно из-за грязи. Значит, в опасности водитель и пешеходы. Поэтому мы по очереди обходим трассу и очищаем дорожные знаки, чтобы они были видны водителям автомашин».

Милош Малек, г. Подибpоды, Чехословакия.

Вот такие полезные изобретения мы будем рады от вас получить и напечатать под новой рубрикой «Патентное бюро «Боевого листка».

Это рисунок-документ. Художник сделал его 9 января. В это утро он был в Академии художеств. Окна выходили на Дворцовую площадь. Вдруг тишину рассек резкий звук трубы, и казаки с шашками наголо бросились на людей. Валентин Александрович Серов взял карандаш. Рисовал он нервно, неровно. Но в рисунке присутствует главное: гнев художника, его страстный протест против свершившегося.

НУЖНО БРАТЬСЯ ЗА ОРУЖИЕ

Холодным выдался этот январский день в Петербурге. Дул с Невы ледяной ветер, тучи низко-низко опустились над городом — того и гляди повалит крупными хлопьями сырой, тяжелый снег.

По улицам Петербурга идут колонны людей. Все празднично одеты, несут портреты царя, иконы, украшенные бумажными цветами. Медленно, торжественно двигаются люди к Зимнему дворцу.

«Их были тысячи,
Они молитвы пели
И шли сказать царю,
Сколь горек их удел,
И шли просить царя,
Чтоб твердым царским словом
Признать права народные велел».

Они пока верят, что царь их выслушает, облегчит их невыносимую долю. Но что это? Навстречу людям несутся на лошадях казаки с саблями наголо. Свистят над головами нагайки. Зимний ощетинился ружьями. Падают люди от пуль, гибнут под копытами лошадей женщины и дети, кровь заливает Дворцовую площадь. Видно, крепко готовился царь к встрече с рабочими. Вон какое угощение приготовил! Правильно большевики говорили: «Не верьте царю!»

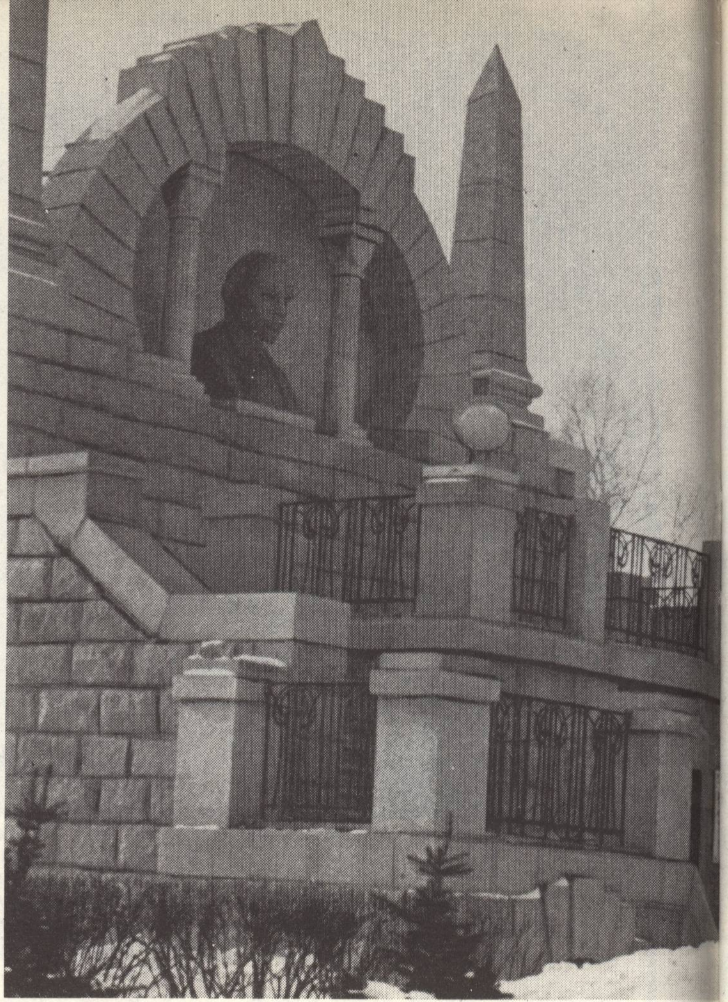
«Нет у нас больше царя!»—раздаются крики в толпе. «Нужно браться за оружие! Нужно бороться! Хватит унижаться и страдать!»

9 января 1905 года «рабочий класс получил великий урок гражданской войны»,— писал Владимир Ильич Ленин.— «Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России».

Трудовой народ поднялся на борьбу с царизмом. 9 января 1905 года стало началом первой русской революции.

В ПАМЯТЬ О ВОЖДЕ РЕВОЛЮЦИИ

А. СЕМИНОГ

Фотография С. СИРОТКИНА.

Первый памятник В. И. Ленину на Алом поле в Челябинске.

В 1924 году, когда умер В. И. Ленин, рабочие Челябинска решили: «...Построить памятник и разбить сад в память о дорогом и любимом борце за лучшие идеалы рабочих и всех трудящихся».

27 января к Алому полю (площадь так назвали в память о стачке рабочих города в 1905 году) стали сходиться челябинцы. Выстроились на площади воинские части. В шесть часов вечера по уральскому времени печально запели заводские и паровозные гудки. В эти минуты страна прощалась с вождем революции, и в эти минуты был заложен первый камень первого на Урале памятника В. И. Ленину.

Скульпторы Ленинградской Академии художеств разрабатывали проект памятника — было решено построить его из гранита челябинских каменоломен в виде мавзолея с трибунами. В нижней части — комната для Ленинского уголка.

Каменотесы кололи камень для памятника в челябинских карьерах. Каждый челябинец помогал этому строительству чем мог.

Как-то в горком комсомола вошел старик. Сел к столу. Не спеша достал из кармана вчетверо сложенный лист бумаги. Разгладил его, положил на стол: «К открытию памятника Ленину предлагаю огромную шаровидную тую в хорошей новой кадке, свежепересаженную и хорошо одетую хвоей, одну из первых на Урале по величине и красоте, просто-напросто редкостную тую. Садовод Чеботарев».

Памятник Ленину был открыт 15 июня 1925 года. На многотысячном митинге уральцы поклялись продолжать дело Ленина.

★

Магнитогорск стоит на реке Урал у Магнит-горы. Одна часть города на левом берегу, другая — на правом. На левом берегу — памятник Ленину.

Магнитогорск начинался здесь, на левобережье. Для будущих домен, мартенов, прокатных станов нужно бы-

ло очень много воды. Только для одной доменной печи ее требовалось столько, сколько для всех жителей Москвы тех лет. Там, где шло строительство, река Урал была мелководной. В некоторых местах ее можно было вброд перейти.

26 июля 1930 года начались земляные работы. По проекту железобетонная плотина длиной около километра в те годы должна была строиться год. Строители знали, что весной река станет полноводной и может прорвать плотину. И тогда все придется начинать заново. Выход был один — закончить строительство до паводка.

«Все на плотину!», «Все для плотины!» — объявил Магнитострой. Плотину начали воздвигать сразу и с левого и с правого берегов. Планы строительства комсомольско-молодежные бригады перевыполняли вдвое, вчетверо.

Строители решили построить плотину без тепляков. Тепляки — это тесовые или фанерные щиты для защиты бетона от мороза. Работа эта дорого стоит и отнимает много времени. Началось соревнование двух берегов, его тогда называли «поединком берегов».

...Бригадир Нурсулла Шайхутдинов взял обязательство выполнить задание за 36 часов! Бригаде нужно вырыть несколько котлованов для того, чтобы укрепить бетоном «бычки» плотины. Тяжелая работа. За неделю ее не закончишь. А тут 36 часов! Землекопы работали без отдыха. Мороз пробирал до костей. Одеревенели пальцы. Нурсулла посмотрел на товарищей. Они очень устали, но работают. Вдруг лом Нурсуллы ударился о камень, выскользнул из рук и утонул в ледяной воде.

— Ух, шайтан железный! — опешил от неожиданности Нурсулла.

Бригадир разделся и бросился в ледяную воду. Все ахнули, а когда пришли в себя, Нурсулла уже вылезал из воды со злополучным ломом. Оделся и с таким азартом начал работать, что только пар шел от ватника. Работа была сделана за 36 часов.

...В необычно короткий срок — за 74 дня — построена километровая плотина! Это было настоящим чудом.

Начался митинг, и рабочие предложили из того же самого бетона, который укладывался в плотину, соорудить памятник Владимиру Ильичу Ленину. Его автором стал рабочий Левочкин.

Демонстрация в честь годовщины Великого Октября в 1930 году на Магнитострое была проведена на плотине, у только что открытого памятника Владимиру Ильичу.

На знамени Челябинской области два ордена Ленина. Эти награды всем трудящимся Урала. Златоуст — родина первой в стране ударной комсомольско - молодежной бригады.

Первая Всесоюзная ударная комсомольская стройка родилась в Магнитогорске. Первый трактор сверх плана выпущен комсомольцами на Челябинском тракторном заводе.

В Севастополе, Волгограде, Минске, Бобруйске, Смоленске, во Вроцлаве, Праге, Вене, Берлине и во многих других городах на перекрестках бывших военных дорог стоят на постаментах танки, выпущенные на Урале.

А сталь Магнитки! После войны американские журналисты писали: «Весь мир явился свидетелем драматической борьбы металла Магнитки с металлом всей Европы, мобилизованным Гитлером для ведения войны на Востоке». Магнитка победила в этой борьбе.

...До сих пор стоит на плотине памятник Владимиру Ильичу Ленину. Будто только вчера его установили. Отсюда, с левого берега, виден весь Магнитогорск, панорама крупнейшего в мире металлургического комбината. Он носит имя Владимира Ильича Ленина.

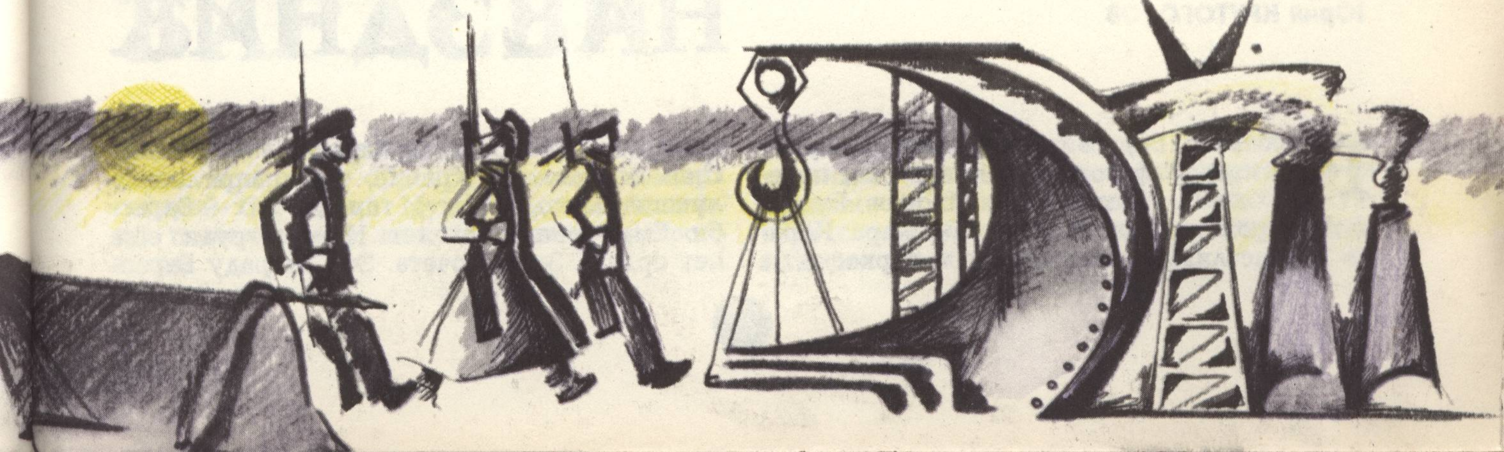
★

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Когда подумаю о том,
Как безошибочно и строго
Он
человечеству дорогу
Крылатым прочертил пером,
Тебя, меня
беря в расчет...
Как только вспомню я об этом,
Признательность к нему растет
И душу наполняет светом.
С годами
все его черты
Все ярче, необыкновенней.
И он для нас не только гений,
Но воплощенье доброты...
Чтоб изменить удел наш темный,
Он отдал жизнь,
сгорев дотла.
Как коротка она была!..
Какой она была огромной!..

Перевела с калмыцкого Юлия НЕЙМАН.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

ПИОНЕРЫ — ГЕРОИ

Юрий КРУТОГОРОВ

НАЕЗДНИК

Рассказ о Барасби Хамгокове я начну со старой фотографии — вот она, передо мной. Семен Михайлович Буденный, герой гражданской войны Кара Караев и счастливый мальчишка в черкеске, с кинжалом на поясе, в барашковой папахе. Снимок сделан в Кремле, куда пригласили лучших наездников. И среди них — Барасби. Ему тринадцать лет. На его груди еще нет ордена Знак Почета. Эту награду Барас-

Рисунки А. БОРИСОВА.

БАРАСБИ

би вручат через несколько дней — сам Калинин прикрепит орден к черкеске, поверх газырей. Он пожмет руку молодому джигиту, пожелает ему легкого коня и быстрого ветра.

Снимок будет напечатан во всех центральных газетах. И новое имя, гортанное и протяжное, как горное эхо — Барасби, — узнает страна. И песня о нем впечатает в память его ровесников слова:

Посылай в мишени пули,
На скаку лозу руби.
Будут звать тебя в ауле
Пионером Барасби.

Через несколько лет сверстники Барасби и он сам наденут шинели и уйдут на фронт защищать Родину от фашистов. Но в те, теперь такие далекие дни, в ответ веселому пареньку с фотографии улыбнутся миллионы мальчишек и девчонок, а многие по его примеру придут на конезаводы, на фермы, в кошары, чтобы выращивать скакунов для Красной Армии, телят и овец для колхозов. И еще мне хочется сказать, что знакомству с ним порадуется Гуля Королева — я хорошо помню страницы из моей любимой книжки «Четвертая высота».

«— Так ты Барасби,— обрадовалась Гуля, вспомнив, что она читала о нем в «Пионерской правде»,—Барасби Хамгоков.

Во все глаза смотрела она на этого стройного, худощавого, остроглазого пионера, которого никак не ожидала встретить.

— Я тоже лошадей люблю, — сказала она.— И верхом ездить умею...»

Сколько лет прошло с тех пор? Целая жизнь... Я пошел тогда в первый класс, и мы смотрели фильм «Наездник из Кабарды». Помню мчащихся коней по предгорным долинам, мальчишек, вбитых ветром в кожаные седла.

Старый, довоенный фильм. Но кони все мчатся и мчатся по белому экрану...

Я приехал в Нальчик в один из теплых дней, когда на улицах города отцветали каштаны. Деревья точно молодым снегом были обсыпаны, сладковатый дух бродил по городу.

Со мной рядом шагал Барасби, невысокий, почерневший от горного солнца. Он сказал:

— Зови меня просто Барасби. Не люблю, когда по имени-отчеству.

В голосе его звучали мальчишеские нотки, он непоседлив, вездесущ, его здесь все знают. Пройдешь немного — кто-то к нему с объятиями бросается, восторженная кавказская встреча: «Как жив-здоров, Барасби?» «А-а-а, старина, привет, рад видеть, рассказывай про чогемскую родню!»

Мальчишки издали: «Здрав-ствуй-те, Барасби!» Он, узнавая, смеется: «А, ваш отряд хочет видеть жеребят». В мою сторону: «Выступал я у них недавно, просят на конезавод повести». В сторону мальчишек: «Поведу, поведу, вот только освобожусь».

Мы выходим на центральную площадь Нальчика, постовой милиционер приветственно машет Барасби жезлом, и темнолицые шоферы-кабардинцы, как по команде, поворачивают к нему головы. Барасби становится центром внимания, как светофор; он поднимает сомкнутые ладони: привет всему честному народу. Совсем недавно на всех центральных магистралях города остановилось движение транспорта. По улице Ленина шествовали на конях пятьдесят всадников, все они были в черкесках — это был праздничный коннопробег по всей республике. Командиром коннопробега был Барасби Хамгоков. Он восседал в седле крепко и недвижно, ощущая торжественность минуты; конь его царственно ставил копыта на асфальт. Город принимал парад лучших, знаменитых джигитов Кабардино-Балкарии.

Сейчас Барасби Хамгоков — журналист. Сколько у него дел! Где только не надо побывать на неделе: на заводе, в совхозе, в школе, но каждую выкроенную минуту он отдает конному спорту, наездникам, лошадям. Тут уж ничего не поделаешь — это не проходящее увлечение, это его вторая жизнь, которой никогда не суждено состариться. Барасби — один из руководителей республиканской федерации конного спорта. Он очень ответственно относится к этой своей общественной должности.

В один из вечеров я рассматривал семейный альбом Хамгокова. Короткие мгновения, схваченные фотоаппаратом, рассказывают почти о пятидесяти годах.

...Уже позади детство... Мы видим Барасби осенью сорок первого года. Он спешит из Нальчика в Ростов-на-Дону (Барасби сказал: «Украдкой от мамы уезжал, не хотел ее расстраивать, все равно потом все узнает»). Хамгокову семнадцать лет, его не берут на фронт, а он не хочет оставаться в ауле, ждать. И вот он уезжает потихоньку из дому; в руке чемоданчик, в нагрудном кармашке фотография, на которой он снят с Буденным. Барасби узнал, что маршал в Ростове, снимок напомнит Семену Михайловичу о кабардинском джигите.

Барасби определят в конный корпус, он будет драться с фашистами под Джанкоем в Крыму. Гитлеровцы узнают, как молодой кавалерист владеет саблей. Но убьют под Барасби коня, и он попросится в разведчики. В полку увидят: джигит — вот кто может быть лучшим разведчиком, кто незримо умеет пробраться в расположение неприятеля, бесшумно, словно на скаку, взять «языка». Однажды он первым ворвется в немецкий дзот — четырнадцать фашистов будет уложено наповал.

Когда генерал вручал ему боевой орден, он вспомнил:

— Барасби? Хамгоков? Наездник из Кабарды?

— Из Кабарды,— кратко ответил боец.

Вот мы видим Барасби участником парада Победы в 1945 году на Красной площади. Он шагает в составе родной 129-й Орловской дивизии, с которой прошел войну. Барасби чуточку хромает — в одном из боев ему перебило ногу. Ему двадцать два года, скоро после долгой разлуки он вернется домой. Профессиональным наездником

Барасби, правда, не станет (нога), но разве мало на свете других профессий и занятий? Главное, он в это твердо верит, чувствовать себя в жизни уверенно, как в седле.

Вот мы видим Барасби с сыном Сережкой, семиклассником. (Барасби сказал: «В меня парень — лошадник. Будет джигитом — во!»)

Так семейный фотоальбом приводит нас в день сегодняшний. А сегодня, как журналисту и руководителю конноспортивной федерации, Барасби нужно ехать в Урванский район. Там построена детская школа конного спорта. Нынче ребятишки сдают первые уроки верховой езды. Разве обойдешься без Хамгокова? И разве сам Барасби обойдется без этого? Кто-нибудь, может, обойдется, но только не Барасби. Его пригласил Мусаби Ахметов, первый секретарь Урванского райкома партии, друг детства, тоже заядлый джигит.

Вот они встретились, два верных товарища, одногодки, чем-то похожие друг на друга. «Э, Мусаби, ты еще больше загорел, где тебя носит?» «В горах был, на пастбищах». «Все мотаешься, покоя не знаешь?» «А, какой покой! В пять утра встаешь, в одиннадцать ложишься».

Мы едем в «газике». Мусаби и Барасби вспоминают друзей детства.

— Как там Хашбикир наш?— спрашивает Мусаби.

— Книжки пишет. Джигит от литературы,— смеется Барасби.

— Володю Бекулова встречаешь?

— Да... С лошадьми родился, с ними умрет. Круглые сутки на ипподроме. И сын Арсен тоже жокей.

— Оч-чень хорошо,— говорит Мусаби Ахметов,— больше нам нужно наездников, как бы автомобили не вытеснили скакунов.

— Ну, в Урванском районе, кажется, хватает джигитов.

— Стараемся. Молодые руки должны знать уздечку.

Мы подъезжаем к конноспортивной школе. По кругу просторного поля, высоко поднимая ноги, неторопливо шагают лошади. На них в жокейских курточках мальчики и девочки. Вечерняя прогулка скакунов. Ребята не смущаются. В центре круга — тренер, он придирчиво приглядывается к питомцам.

— Люба, повод подбери. На рысь переходи. Бери шире, Аслан, во-о-т так.

У Ахметова светлеют глаза, он здесь всех знает — каждого наездника, любого коня по имени. И поясняет нам:

— Впереди на Экстракте Аслан Каров, пятнадцать лет парню. Толк будет! Повадку видите?

— Хара-ашо сидит! — радуется Барасби.

— За ним на Гданьске Алик Тохов. А вон на Огоньке Люба Ефимова. Любому парню не уступит.

— Ах, красавица! — прищелкивает языком Барасби.

— Вот наша самая молодая наездница Люда Новикова,— показывает Ахметов.— Девочке, учтите, двенадцать лет. Уже галоп освоила, бедовая. Упадет, отряхнется: «А ну, мальчики, подсадите».

Таким удалым джигитом был Барасби в тринадцать лет.

— Ай, молодец! — восторгается Барасби. Молодые наездники, один за другим, промчались мимо нас.

Барасби нетерпеливо трет ладони. Его понимают. Его ведут в конюшню. Он выбирает рослого скакуна чистокровной английской породы, снимает со стенки уздечку, утыкается носом в шею коня — жест непроизвольный, какой-то очень мальчишеский. Барасби седлает скакуна — привычно, сноровисто, так, чтобы между подпругой и обхватом груди палец нельзя было просунуть.

Барасби, пружинисто упираясь ногами в стремена, легко держит пальцами поводья,

и лошадь, чувствуя опытного всадника, слегка подбрасывает челку, покусывает удила, готовая рвануться вперед, как из катапульты.

И Барасби, пришпорив, пустил коня в вольный, неудержимый бег — он только чуть осел в седле, как пилот при взлете, и я подумал о том, что судьба навсегда наградила Барасби Хамгокова щедрым и нечастым своим даром — легким конем и быстрым ветром.

Его первого коня звали Костик. Он сам ему придумал такое красивое имя, хотя в младенчестве Костик напоминал скорее гадкого утенка. Старый конюх Кербач, глядя на жеребенка, уныло качал головой:

— Э, не будет доброго коня. Один такой родился в табуне.

Кербач как будто оправдывался. Неказистый был жеребенок — это верно. Тонкошеий, с рахитичными ножками, он с трудом поднимался, копытца дрожали от напряжения. Он беспомощно оседал и заваливался на бок, устало вытягивая шею на подстилке. Костик целыми днями лежал, забракованный табунщиками. Ему хотелось в табун, на прогулочную площадку молодняка, в лошадиный детский сад, где резвились

«Ну, что, мой хороший, ну, что, мой маленький...» — приговаривал Барасби.

его братья и сестры, неутомимые, опьяненные зеленым лугом, запахами мушмулы, которые ветер приносил с гор. Глаза у Костика всепонимающие, просящие ласки. А про него всем, кто приходил в конюшню, говорили: «На выбраковку пошел». И Костик словно понимал свою печальную участь — прикрывал глаза, подтягивал копытца к животу. Забежал однажды Барасби в конюшню, открыл дверцу денника, и они остались вдвоем: тринадцатилетний мальчишка и жеребенок, забившийся в уголок.

— Ну что, мой хороший, ну что, мой маленький?! — сказал Барасби (Он всю жизнь так обращается к лошадям — к малышам и взрослым,— такая у него манера).

Жеребенок не поднял головы, только глаза скосил в сторону мальчика. Он, наверно, удивился, что не услышал привычного слова — выбраковка. Барасби погладил его. Шерсть была влажная, мягкая. Жеребенок навострил ухо, перламутровое с внутренней стороны, словно морская раковина.

— Ну что, мой маленький, плохо тебе, да?

Костик (он не знал еще, что он Костик) ответил глазом: «Плохо». Барасби подоткнул под бока маленькой лошади свежую солому, погладил пальцами гриву, ворсистую щеточку, и сунул к губам жеребенка кусок рафинада. Костик не взял сахар, он еще не знал, что это такое, но теперь уже два глаза следили за мальчиком.

Потом на Костика пришли поглядеть товарищи Барасби — Мусаби Ахметов, Хашбикир Хавпачев, Володя Бекулов.

Джигит растит себе коня с малолетства.

— Не поднимется, — сказал Мусаби,— я сам слышал.

— Да,— согласился Володя, — ветеринар говорил.

Конюх Кербач, старший житель аула Кенже, где выросли мальчики, развел руками.

— Из ста коней аллах выбирает одного, самого слабого, и посылает на него хворь.

А Барасби молчал. Ему просто было жаль жеребенка. Он был уверен, что жеребенок понимает все, что о нем говорят, и хотелось уберечь Костика от жестокого мальчишечьего приговора.

— Пойдемте! — сказал Барасби. Он вытолкал мальчиков плечом из тесного денника.

У Мусаби, Хашбикира и Володи были свои подшефные жеребята. Они ухаживали за ними. Джигит должен растить себе лошадь с малолетства, тогда лошадь станет ручной, поймет своего наездника по одному движению руки, по взгляду, даже по настроению. Конь по своей природе вольное животное, в его жилах кипит кровь диких скакунов, храпящих от узды. В нем живет неосознанно яростный нрав бегущего табуна, от топота которого дрожит земля и трава прилегает от ветра.

Настоящему джигиту, независимо от того, сколько ему лет, и во сне снятся кони: кони, жующие траву, и с губ у них свисают густые зеленые слюни, горьковатый, вкусный сок земли; кони, резво бегущие на водопой, к каменистой горной речке Кенже — они медленно входят в воду по колено, а дальше остерегаются, потому что вода ледяная, шумная и пахнет она не мятлицей, а форелью; кони, застывшие на стартовой линии ипподрома в ожидании, когда можно будет сорваться с места — и не побежать, нет! — взлететь над переполненными трибунами.

А Барасби видел во сне больного жеребенка. Потому что если ты настоящий джигит, то твое сердце открыто и беде и горю, и в нем шевелится жалость ко всему, что нуждается в твоем участии.

В шесть часов утра вскакивал Барасби с постели и несся на конюшню; он только один знал, что Костик ждет его: скрипнет решетчатая дверца денника — и в проеме возникнет фигура мальчика. Костик ждет прикосновения ладони мальчика к шее, сладких

Таким хотел видеть Барасби своего Костика.

от рафинада пальцев, таких успокаивающих слов: «Ну что, мой маленький!» Ветеринар дал Барасби разных снадобий. Но лекарство что? Разве только лекарства могут поднять коня? Он отпаивал жеребенка парным коровьим молоком, кормил Костика только что срезанной травой, мокрой от росы. Подстилка у Костика всегда была свежая, она не пахла навозом, лошадиным пóтом. Старый Кербач сразу обратил внимание: самый чистый денник — у Костика! Родниковая вода в корытце — у Костика! Самая отборная кучка овса, перебранная, как пшено,—у Костика!

Кербачу нравился Барасби. Выбракованного жеребенка на ноги хочет поставить! Старых табунщиков не стал слушать — наперекор им пошел. Какая в нем уверенность, в этом мальчике! Пионер он, говорят. Будто Кербач пионеров не видел. Разные пионеры есть, а этот на большой перемен-ке — куда? В конюшню... Очень любит Костик бутерброды с вареньем из мушмулы, да и какой конь не любит сладкое — нет такого коня.

— Какого коня ты хочешь вырастить? — просто так однажды спросил Кербач.— Он будет бегать?

И Кербачу понравилось, что Барасби не стал хвастать. Барасби ничего не сказал. Правильно, зачем попусту слова тратить...

Старики в ауле так говорят: кабардинская лошадь в горах — лань, на равнине — быстра, как заяц, силой медведю не уступит, а вынослива, как бык. Вот что такое кабардинская лошадь! Таким хотел видеть Барасби своего Костика. Конюх Кербач знал отца Барасби — коневода Бека Хамгокова. Это был кенженский коневод. Кабардинцы знают, что такое Кенже — аул в долине Бзууко. Здесь коням дают крылья птиц. Да, Бек

Костик понял, что больше не увидит хозяина.

Хамгоков был настоящим коневодом, похоже, и сын его будет таким же.

Выхаживать Костика помогал Барасби его верный товарищ Мусаби Ахметов. Денник Прагера — за ним Мусаби ухаживал — находился рядом. Прагер был дивным жеребенком — резвым, голосистым, не ноги — пружинки. И Барасби радовался, что Мусаби Ахметов поверил в Костика. Потом Володя и Хашбикир поверили. Костик и вправду сил набирался, будто Барасби поил его не речной водицей, а настоящей живой водой. Бывало, Барасби задержится утром, прискочит в конюшню, а уж Костик на новенькой, мягкой травяной перинке нежится. Мусаби постарался. Верный друг Мусаби. А вот в денник вбегают Хашбикир и Володя, карманы сластями набиты. Костик грыз рафинад с превеликим удовольствием — раскусил, что это такое. И однажды еще издали Барасби услышал некрепкое ржание — жеребенок учуял своего хозяина. Барасби сразу узнал Костика, даже непонятно, как выделил голос свого любимца в шумной, длинной конюшне, полной звуков.

Костик стоял у дверцы на своих четырех ногах, он помахивал хвостом, его темная

челка была похожа на мальчишечий чубчик. Еще слаб был Костик, чуть подрагивали его острые коленки, и тогда Барасби взял щетку и начал осторожно проводить ею по бокам жеребенка. Костику понравилось. Он ткнулся мордой в плечо мальчика. Бока Костика становились глянцевитыми. И в этом по-детски угловатом жеребенке, вставшем на ноги, Барасби увидел своего единственного коня, о котором мечтал. И Прагер за перегородкой заржал приветственно. В это утро Костик вместе с Прагером скакал на речку. Прагер торопился, он оборачивался к своему соседу по деннику, приглашал в игру наперегонки, но Костик только учился бегать.

Кербач издали следил за жеребятами. Он был рад. Он улыбался: «Подумать только, какая сила подняла выбракованного жеребенка? Коровье молоко? Лекарства? Росистая травка? Разве скажешь...»

Да он ничего не стал говорить.

Пройдет год—второй, Костик подрастет, и Барасби выведет его на скачки, которые проводятся в ауле с давних пор. Кенже разделен речкой надвое. Наездники левобережья соревнуются с наездниками правой стороны аула. Беговые дорожки разделяются горным потоком. В этот день в Кенже праздник. Все хотят знать, чей конь самый быстрый, кто из всадников самый ловкий, умелый. Кенженцы — горячие болельщики, они волнуются, шумят, спорят, как при перетягивании каната.

В один из заездов правобережье выставило самого легкого своего джигита Мусаби Ахметова на Прагере. Левый берег Кенже дал ему в соперники Барасби Хамгокова на Костике. Такие состязания для Барасби были не в новинку: впервые он сел на лошадь в семь лет. Но сегодня он всему аулу хотел показать, что не бывает негожих лошадей. Есть только такие коневоды, которые больше себя любят, чем скакуна.

Костик легко шел. Он не нуждался в шенкелях.

Рядом шумел, разбивался о камни поток, напрасно он хотел поспеть за Костиком и Прагером. Барасби не слышал речку, ветер заложил уши, мальчик спружинивал тяжесть тела на стременах. Костик ровно, без рывков, набирал скорость. Он невесомо касался земли, опережая дробный стук копыт,— так самолет оставляет позади себя звуковой барьер.

То Костик вперед вырывался, то Прагер. Но к финишу пришли одновременно. Аул торжествовал. Правда, находились болельщики, которые утверждали, что Костик на четверть туловища скорее пришел к финишу, но к ним не стали прислушиваться. Главное, Костик не уступил. Кто же не знал о его грустном детстве! И вот, пожалуйста...

В ту пору Барасби и его друзья выращивали уже новых стригунков, но со своими первыми конями они не расставались.

Их было четверо: Барасби Хамгоков, Мусаби Ахметов, Володя Бекулов, Хашбикир Хавпачев. Они всегда были вместе. Но больше всего судьба сблизила Хамгокова и Ахметова, соперников по скачкам, мастеров джигитовки, друзей, которые пришли однажды в правление колхоза и сказали, что хотят подарить выращенных лошадей Красной Армии. Всего двенадцать коней. Мальчики ручаются за них—краснеть за кенженских скакунов не придется.

— А мы новых вырастим,—сказал Барасби.

— У нас много хороших жеребят,—заметил Мусаби.

С ними согласились. Верно, Красной Армии нужны были выносливые и быстрые кони. Но еще лучше, когда подрастают вот такие ребята,—они думают не о себе, они стараются помочь Родине.

Их было четверо, и они были первыми в Кабардино-Балкарии, кто начал пионерский «поход дозорных», добрых и верных помощников чабанов и животноводов, хлеборобов и механизаторов. Дозорные поднялись на горные пастбища—пастухи им порадовались, молодые руки всегда требуются. Дозорные пришли на животноводческие фермы — доярки им спасибо сказали: за телятами присмотр особый нужен, ребятишкам найдется дело. Дозорные отправились на поля, и земледельцы тоже нашли им работу.

Вот какое славное движение начали кенженские мальчишки! А пока они прощались со своими конями. Грустное это было прощание. Наверно, и Костик понял, что больше никогда не увидит своего хозяина. И Прагер тоже понял. Но мальчики так решили и не собирались отказываться от своих слов.

Барасби прижался лицом к теплой шее Костика, стоял так несколько минут...

Кенженские кони верно служили на самой южной пограничной заставе нашей страны—на Кушке. Об этом свидетельствовало письмо, которое написали пограничники в аул: **«Спасибо, дорогие ребята, за выращенных вами коней. Это наши настоящие друзья. Они помогают нам охранять границу Союза Советских Социалистических Республик».**

Сколько лет прошло с тех пор? Целая жизнь...

Но и теперь по ночам Барасби снится ладный, красивый, самый любимый конь—ловкий, как лань, быстрый, как заяц, и сильный, как медведь, выносливый, как бык. Костик. Костик... Он смотрит откуда-то издали на своего первого, теперь уже взрослого всадника и мчится по предгорной долине, перемахивая реки, горы, годы в свое детство, в детство кенженского мальчика с руками, пахнущими свежей травой. ★

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

И. ГОЛУБЕВА

ИЗА

Иза стоит у окна и смотрит, как на ржавой пожарной лестнице сидят под дождем птицы и ежатся. Смотрит на серый фонарный столб, мокрый и толстый. Смотрит на школьный стадион, весь в лужах и листьях. Смотрит, как будто прощается.

Уже девять часов двадцать минут, и класс понемногу наполняется.

«Если урок начнется и я останусь стоять у окна, наверное, никто и не заметит», — думает Иза и проводит пальцем по своему неясному отражению в стекле — по длинному носу, бледным щекам и бесцветным (по-маминому, пепельным) волосам.

Но теперь это не имеет никакого значения! Дома у нее в маленьком чемодане лежат зубная паста «Мэри», эмалированная кружка, гольфы (теплые носки без мамы не нашла) и консервы «Рыбный завтрак туриста». Изе страшно, что мама нечаянно откроет этот чемоданчик и увидит, что там нет ни одной тетради и ни одного учебника.

Рита Петровна вешает карту полушарий и начинает вызывать к доске. Соломин, как обычно, копается в парте. Почувствовав, что Иза смотрит на него своими очками, поднимает голову и значительно ей кивает. У Пломбира безнадежно испуганный вид. Он суетится, трет себе лоб и щеки, вздыхает и старается не смотреть на Соломина и на Изу. Для этого ему приходится смотреть на доску так пристально, что Рита Петровна беспокоится.

Географичка Изе нравится. Рита Петровна двойки ставит очень спокойно. Поставит, и все. Без нравоучений. Чего объяснять? Если пара, и так все ясно. Еще Рита Петровна приносит на уроки настоящую морскую карту с розой ветров.

— Пожалуйста, Соломин, расскажите нам о Северном Урале.

Соломин водит пальцем по карте, говорит медленно и плохо. Он вообще отвечает так, будто ему в классе все очень надоели. И этим надоевшим людям он должен что-то объяснять!

А Иза любит поговорить. Если есть человек, который ее слушает и к которому она привыкла, то она может говорить очень долго, и смешно, и даже умно. Но таких людей почти нет. И теперь Иза совершенно предана Соломину за то, что с недавних пор он стал именно таким человеком.

— Спасибо, Соломин, больше не стоит,— говорит Рита Петровна.— В классе считают, Игорь, что вы блестящий географ. Если бы вы однажды подтвердили это мнение на уроке...— И Рита Петровна кивает Соломину, как королева, заканчивающая аудиенцию.

«Ну разве можно с ним так?!» — думает Иза. Ей, честное слово, жалко, что Рита Петровна совершает такой промах. Правда, теперь это не имеет никакого значения. Потому что...

Соломин бледнеет, потом краснеет и, независимо задрав голову, идет к своей парте. Вытаскивает дневник и спокойно кладет его на учительский стол. Это верх нахальства. Рита Петровна, конечно, поняла! Если человек так спокойно выкладывает дневник, словно ему хотят поставить пятерки за всю четверть... Значит, ему совершенно наплевать на эту двойку! Весь класс смотрит на Соломина с восхищением... Впрочем, как всегда, как обычно.

Соломин — самый сильный и самый умный человек в классе.

«Но умных и сильных в шестом «Б» много,— думает Иза.— Соломин еще самый независимый человек в классе. Он как суверенная республика посередине колонизированного материка».

Больше всех Соломин дружит с Пломбиром — Вовой Левченко. Это оттого, что с Левченко Соломину проще, чем с другими. Другие в классе, хоть и считают Соломина выдающимся человеком, все-таки иногда спорят с ним, говорят: «Ну, Солома, ты загнул...» А Пломбир не спорит. Он Соломину предан, как Пятница Робинзону.

Теперь у Соломина еще один друг — Иза. И даже, может быть, больше друг, чем Левченко. Вова — удачный ребенок. Отметки у него приличные, с родителями и учителями не ссорится. Соломин — неудачный. Иза — ребенок «так себе». А «так себе» дети все-таки ближе к неудачным, чем к удачным.

Но сейчас не важно, кто с кем больше дружит, а кто с кем меньше. Теперь они все трое заодно. Вчера Соломин, Иза и Вова Левченко ездили на вокзал, долго стояли в трех разных очередях в кассы и, наконец, взяли три билета на один и тот же поезд «Москва — Архангельск», но в разные вагоны. Для этого Соломину пришлось извлечь из кармана баснословную сумму в тридцать рублей. Деньги они выручили за проданный фотоаппарат. Фотоаппаратура им в экспедиции еще как пригодилась бы, но делать нечего: быстро скопить такую уйму деньжищ невозможно!

Иза сказала кассиру, что мама заболела и ее отправляют к бабушке и что завтра ее проводит на поезд соседка. Кассирша нерешительно смотрела на Изу и на билет. Но длинная очередь стала кричать, и кассирша, не переставая сомневаться, вручила Изе билет. Все трое взяли в тот вечер билеты без неприятностей.

Началось все это в сентябре. Они успели проучиться всего неделю. Иза, дежурная по классу, ходила на перемене между партами и подбирала фантики, разные промокашки. Возле соломинской парты она споткнулась о портфель, хотела поднять его, чтобы положить на парту. Но портфель приоткрылся, и вместе с учебниками и начатым яблоком на пол выпала, зазвенев, как кастрюля, квадратная железная коробка из-под карамели, перетянутая изоляционной лентой. Изе даже жарко стало, она быстро начала запихивать все обратно. Не хватало, чтобы в класс влетел Соломин и принялся кричать, что трогают его портфель... Или, еще хуже, кричать не будет, посмотрит исподлобья и скажет спокойно: «Брысь отсюда». И все в классе засмеются.

Коробку Иза задержала. Секунду подумала... и стала быстро срывать синюю изоляционную ленту... И в ее руках оказался желтый костяной нож. Весь в зазубринах, и на гладко обточенной рукоятке процарапана глубокая надпись «Петръ». Вместе с ножом лежала карта Архангельской области. Населенные пункты помечены жирными чернильными точками, и рукой Соломина написано: Архангельск, Мезень...

Еще в свертке был бумажник — заношенный, словно его уже однажды выбросили, но, вид-

но, предназначавшийся когда-то для больших денег. Теперь в нем лежали не тридцать копеек, данные Соломину на завтрак, и не рубль, припасенный в кино, а сумма в семь рублей и еще мелочи едва ли не на рубль!

Соломин учился плохо, то есть сперва он учился, как почти все в классе, а потом вдруг стал получать двойки. Сначала он краснел, а потом... Начался шестой класс, и все удивились: Соломин, самый образованный человек в классе, стал получать двойку за двойкой. Причем получал их спокойно, методично. Учителя — Иза один раз слышала — говорили между собой, что мать Соломина вышла замуж и «мальчик это очень переживает». Отец Соломина погиб давно, когда Игорь еще в школу не ходил. Он был летчиком, работал на Севере, и Соломин очень любил рассказывать про это в классе. Раньше Соломин вообще со многими дружил. Теперь ходил только с Пломбиром. И говорил только с ним.

Однажды Иза по дороге из школы вдруг вспомнила, что забыла в раздевалке пальто. Утром было холодно, а когда Иза выбежала после уроков на улицу, солнце так жарило сквозь шерстяную форму, что ни о каком пальто и думать-то было невозможно! Мимо школы шла Лена, взрослая девочка из Изиного дома. Она была в летнем розовом платье и несла белый пластиковый бидон с квасом. Темный квас колыхался в полупрозрачных боках бидона, и Лена не шла, а неслышно плыла по желтым листьям, устилавшим улицу перед школой. Иза смотрела, смотрела и пошла за ней домой. Потом вспомнила, что забыла пальто.

Когда она вернулась, в раздевалке было пусто, висело только несколько учительских плащей. И там, в углу, за плащами, сидели Соломин и Левченко. Иза узнала их по голосам.

— Она приехала из больницы, — говорил Соломин, — и от этого ребенка не отходит. На меня наткнется и так посмотрит... с досадой, что ли... А с ним все агукается. Я ей, видно, мешаю.

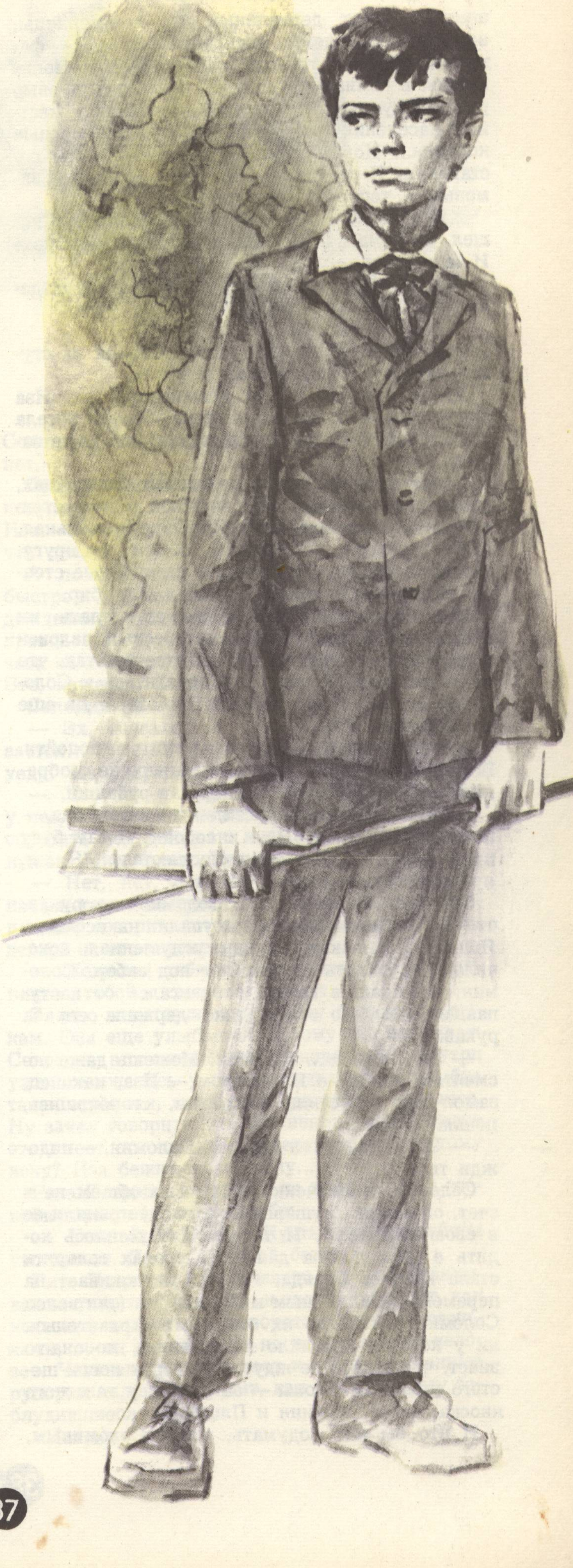
Иза вспомнила, как несколько дней назад, когда Соломин не пришел в школу, она заходила по просьбе Риты Петровны к нему домой. Соломина не было. Его мама все не отпускала Изу, поила ее чаем и расспрашивала про Соломина, как он учится, как ребята к нему в классе относятся. Она держала на руках ребенка. А ребенок этот крошечный, красный, голова вытянута, в черных волосах, лоб у него маленький, сморщенный. Под конец она совсем почему-то расстроилась и сказала, что сын, то есть Соломин, ничего ей не рассказывает.

Левченко слушал Соломина, вздыхал, сопел, поддакивал.

— Что делать! — говорил он. — Это жизнь.

Иза сразу представила Вовкину маму, полную и добрую. Она всех всегда жалела и приговаривала вечно: «Что делать... Это жизнь».

— Надо ехать, Пломбир, — сказал Соломин. — Вот денег накопим... Я отцовский дневник читал... А мы сами все это увидим: старые

зимовья, крест деревянный, из лиственницы, весь от снега и дождя посерел. На кресте — фамилии. «Упокой, господи, раба божьего». Понимаешь, в семнадцатом веке появились первые русские купцы на Севере. Выменивали у местного населения ценные шкурки на бусы, медные копейки... Новые пути открывали. Карты составляли. И погибали. Оставались забытые зимовья. А теперь их отыскивают.

...Я нож, который отец на таком зимовье нашел, из дома забрал. Ей-то, маме, все равно... И не заметит.

Иза попятилась к двери, выбралась из раздевалки...

Она ждала уже сорок минут. Сидела на ступеньках соломинского дома и ждала.

Дверь открылась так неожиданно, что Иза вздрогнула и прижалась к стене. Словно хотела спрятаться. Она так долго ждала, что даже забыла, чего ждет.

Соломин, в шортах и резиновых шлепанцах, вышел из подъезда. Под мышкой у него стеклянная банка с ящерицей. Ящерица, маленькая, вздрагивающая, коричневая, бегала по кругу, как сумасшедшая, и билась о стеклянные стенки. Вслед за Соломиным вышел Пломбир.

Иза чувствовала, что не может сделать ни шага. Она, Иза, самый неинтересный человек в классе. Она даже на уроках отвечает так, что ее не слышно. И решилась обратиться к Соломину! Да еще в присутствии Пломбира. Да еще с такой просьбой.

Она испугалась, что не решится подойти. Вскочила со своих ступенек и, ничего не соображая, потянула Соломина за рукав рубашки.

— Соломин, пожалуйста, — говорила она, — пожалуйста, возьми меня с собой!.. Я вам буду пищу варить, меня звери слушаются.... Я... я, ну, пожалуйста, возьми!

Она так сильно тянула Соломина за рукав, что банка выскользнула и упала на асфальт. Ящерица, полежав секунду, оглушенная, вскочила и бросилась со всех ног под забор. Соломин, вытаращив глаза, отодвигался от наступавшей Изы, но она крепко держала его за рукав.

— Ну, хорошо... Не бери. Можешь даже посмеяться вместе с Пломбиром. — Иза, наконец, замолчала, отпустила Соломина, сгорбившись, пошла по улице.

— Эй, — закричал вдруг Соломин, — подожди ты...

Соломин и Левченко (Вовка в общем не в счет, он всегда слушался Соломина) приняли ее в свою компанию. И теперь Изе хотелось ходить в школу. Она даже на уроках говорить стала громче. Правда, Иза не расхаживает на перемене с Соломиным и Пломбиром (так велел Соломин, чтобы до их отъезда в Архангельск ни у кого не возникло подозрения), но она-то знает, что теперь ее ждут... Выходит после шестого урока из школы — за углом, у газетного киоска, стоят Соломин и Пломбир.

И кто бы мог подумать, что с Соломиным, с которым хотел бы дружить любой человек в классе, будет дружить Иза! Которая не кричит на перемене, не рассказывает смешные истории, не умеет уходить с шестого урока и даже не записана в баскетбольную секцию.

Иза водила Соломина и Левченко в зоопарк. Показывала крошечную серую обезьянку, в ладонь величиной, с тонкими, как веточки, лапами, которая (это совершенно видно было по ее глазам) от всех посетителей зоопарка Изу отличала. Верблюда, рыжего, обтрепанного, надменного, он терся о металлическую сетку, шлепал губами и взял у Изы бублик. Иза показывала мальчикам свой альбом с рисунками, в котором был и бамбуковый медведь и верблюд.

Соломин сказал:

— Будешь во время экспедиции наблюдать за северной фауной. Делать зарисовки и записывать в дневнике повадки животных.

Вовка Левченко смотрел на Изу вначале снисходительно и смеялся над тем, как она разбила банку с ящерицей, но после того, что сказал Соломин, начал относиться к ней даже капельку подобострастно.

А Изе хотелось доказать, что она будет нужным человеком в экспедиции. Она рассказывала, что умеет готовить суп из капусты и сыра и заваривать чай сухими веточками, чтобы он был душистый. Ни Соломин, ни Пломбир не понимали, зачем им нужно будет на Севере есть суп из сыра, но соглашались. Изе столько приходилось в школе молчать, что теперь она их совершенно заговорила.

Они сидели на каменной скамейке, во дворе, ели горячие пирожки с горячим повидлом, повидло текло по пальцам, они его облизывали и представляли, как будут у костра в экспедиции поглощать свой скромный ужин. Они говорили и говорили до тех пор, пока старик, читавший рядом газету, не прогнал их.

В день отъезда Иза проснулась от беспокойства. Глаза еще не открыла, а уже проснулась. Над Изой, у красного диванчика, где она спит, стоит мама. Мама уже собралась на работу — она в пальто, в руках у нее сумка и еще какие-то бумажки. Именно эти бумажки и беспокоят Изу.

Мама плачет. Тонкие дорожки слез смазывают со щек мамину пудру. В руках у мамы плацкартный билет на поезд «Москва — Архангельск». Изин билет. Значит, мама нашла его в кармане школьного фартука, когда клала деньги на завтрак. Но мама почему-то не кричит. Обычно она часто кричит на Изу по пустякам, а один раз даже стукнула по чашке с молоком, из которой Иза очень долго вылавливала пенки.

Но сейчас мама плачет.

— Куда ты, Иза, собралась... — говорит она. — Тебе себя не жалко. И меня хочешь погубить. Не думала, что ты меня когда-нибудь бросишь...

Иза никогда не видела, как мама плачет. Это невозможно выдержать, это нестерпимо. Иза то-

же начинает плакать. Просто нет сил смотреть на мамино лицо. Словно Иза с мамой связаны живыми нитками, и за эти нитки какое-то существо дергает, потому что не знает, что они живые.

— Ну, скажи, что ты никуда не поедешь, — просит мама и трет мокрые глаза рукой. — Я совсем этого не ждала. — Она уговаривает Изу так, словно забыла, что дочери тринадцать лет и мама может ей, как говорит их сосед, «всыпать».

Тут Иза вспоминает про Соломина. Он приедет на вокзал к поезду «Москва — Архангельск», а там никого, то есть все пассажиры заняли свои места, а Изино место № 46 пустое. На Пломбира надежды мало. Он, кажется, точно не едет.

— Дай мне билеты, — говорит Иза.

— Нет! — Мама испуганно прижимает коричневые картонки к груди.

— Ну дай, пожалуйста! Я повезу их на вокзал и сдам в кассу.

Хоть Иза и говорит почти правду, у нее еще есть надежда выманить у мамы билет и бежать к Соломину. Но когда мама, немножко подумав, протягивает ей билет, Иза совершенно ясно понимает, что никуда она не поедет.

Мама побежала на работу или в школу к Рите Петровне. Иза ни за что не поверит, что она так просто успокоилась. Мама теперь все сделает, чтобы Иза никуда не делась.

Дверь хлопает. Иза может плакать вволю. Она по привычке делает зарядку, к которой ее приучил Соломин, прыгает, приседает, таскает по квартире стограммовые гантели и плачет, плачет, плачет... Что ей делать?.. Не может она маму оставить, не может Соломина подвести... И если сегодня она не уедет, значит, никогда ей не уехать, потому что получается, она никогда маму не сможет бросить. И никогда она не увидит избу из лиственниц, не найдет в ней клад из медных копеек... Не найдет еще один нож с костяной рукояткой, на котором надпись с буквой «ять» на конце. Не удастся ей раскрыть тайны северных путешественников семнадцатого века.

Дождь все льет и льет. Иза провожает Соломина. Пассажиры вбегают в вагоны, провожающие убегают в метро. Проводник смотрит на Соломина подозрительно: родителей-то с ним нет.

Лицо у Соломина утрюмое, решительное и испуганное. «Бывает так иногда, — думает Иза, — человек очень хочет отказаться от того, что делает...»

А по перрону, стремительно приближаясь, быстро и плавно, как во сне, бежит в блестящем дождевике учительница Рита Петровна. Может, правда это все во сне происходит: Иза ей ничего не говорила. Она не предавала Соломина. Это, кажется, Пломбир сказал... Или мама...

Соломин смотрит на Риту Петровну, на Изу:

— Эх, связался с тобой... — Он поворачивается к Рите Петровне и кричит: — Все равно уеду! Не удержите!

— Что ты... — шепчет Рита Петровна, и вид у нее, словно она хочет Соломина погладить и спрятать под дождевик. — Не уезжай. Ты нам нужен. Мне нужен. Изе нужен...

— Нет, нет, нет, нет, нет... — Соломин топает ногами, наступает на Изу и говорит, специально говорит, потому что видит, Иза не обиделась на его подозрения...

— Пожалел тебя. Потому что некрасивая, никто с тобой в классе не дружит.

Словно хлестнуло что-то Изу больно по щекам. Она еще улыбается, потому что понимает: Соломин это специально говорит. Но внутри уже все сжалось у нее от отчаяния, и улыбка такая странная, как будто Иза сейчас заплачет. Ну зачем говорить, что она некрасивая?.. Разве это имеет отношение к северу и семнадцатому веку? Иза бежит по перрону...

Рита Петровна выливает из туфли воду и спокойно прислоняется к столбу:

— Уезжай, Соломин. Пусть меня с работы увольняют. Зря я за тобой бежала.

Рита Петровна идет к метро. За ней, оглядываясь, тащится Пломбир, и только он видит, как исчезает, вильнув на повороте красными огоньками, поезд и как стоит на перроне один человек. Человек прикладывает к губам сложенные рупором ладони и кричит, как кричат в лесу заблудившиеся люди:

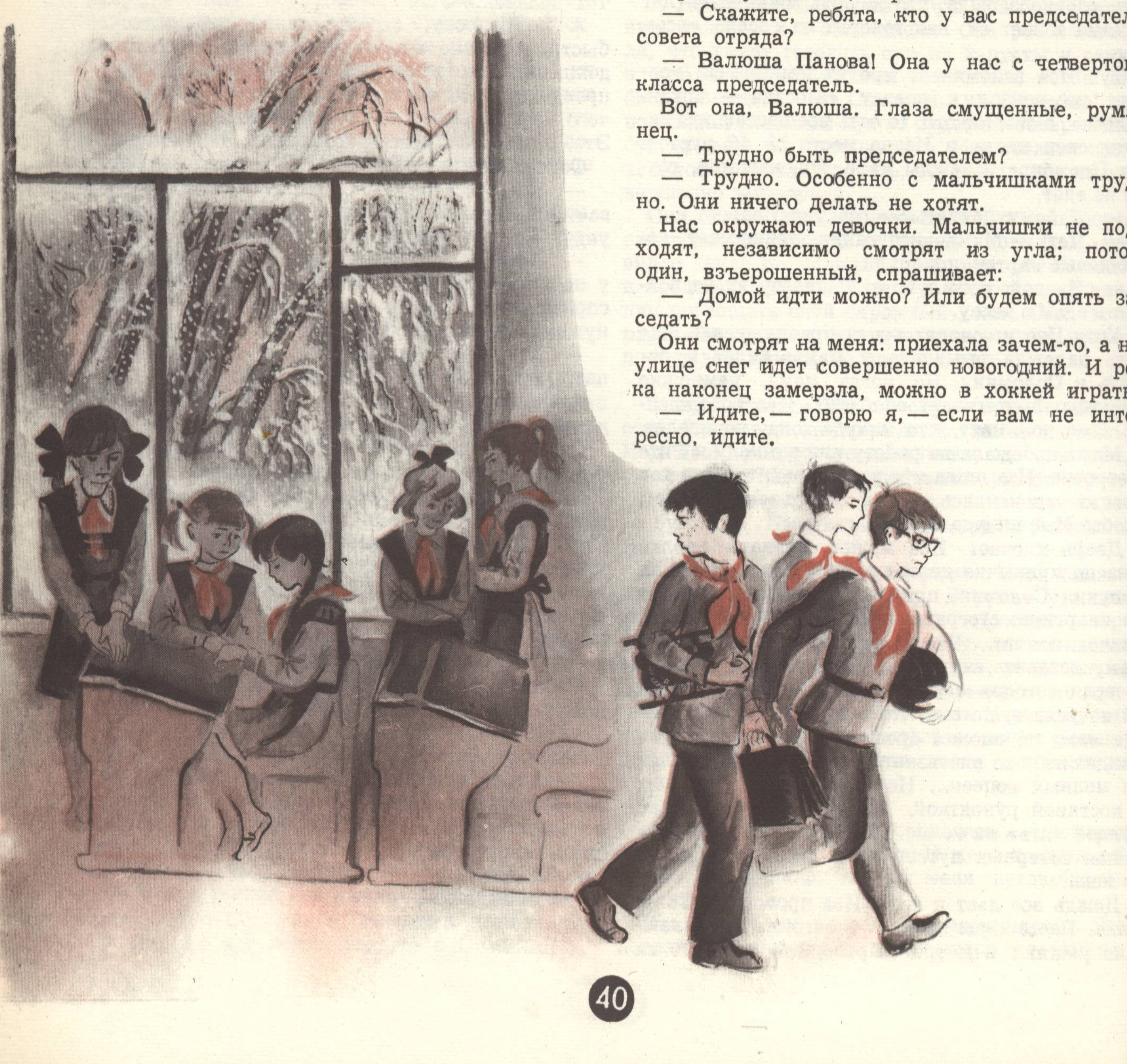
«Иза-а!»

Людмила МАТВЕЕВА

МАЛЬЧИШКИ УШЛИ,

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

ТРУДНО БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ?

Прихожу в класс, спрашиваю:

— Скажите, ребята, кто у вас председатель совета отряда?

— Валюша Панова! Она у нас с четвертого класса председатель.

Вот она, Валюша. Глаза смущенные, румянец.

— Трудно быть председателем?

— Трудно. Особенно с мальчишками трудно. Они ничего делать не хотят.

Нас окружают девочки. Мальчишки не подходят, независимо смотрят из угла; потом один, взъерошенный, спрашивает:

— Домой идти можно? Или будем опять заседать?

Они смотрят на меня: приехала зачем-то, а на улице снег идет совершенно новогодний. И река наконец замерзла, можно в хоккей играть.

— Идите, — говорю я, — если вам не интересно, идите.

Девчонки остались

Мальчишки один за другим выходят. Одни уверенно и даже насмешливо смотрят на нас, другие проходят боком, им неловко поступать невежливо, но все-таки уходят все до одного.

Девчонки обиженно загомонили:

— Почему у нас такие мальчишки неактивные? Сами не поймем.

Неактивные мальчишки! Чепуха какая-то. Все понимающие люди: психологи, педагоги, родители — считают, что с самого рождения мальчики активнее, энергичнее, чем девочки.

Но сидят себе мальчишки в разных городах и селах, в ус не дуют и делают вид, что они инертные, равнодушные люди. С ума сойти, что только эти мальчишки не выдумают!

Давайте вместе разберемся, что здесь к чему, и попробуем решить эту задачу.

Весной прошли выборы, в отряде решали, кому руководить всеми делами. Посмотрели на Валю — чем не председатель? Ученица хорошая, человек добросовестный. Что скажет Лариса Петровна, все выполнит. Чего же еще? За нее подняли руки все. И стала Валя председателем. Может быть, это хорошо. А может быть, и не очень.

Вот первый вопрос нашей задачи.

Не в награду выбирают человека председателем. За хорошую учебу и прилежное поведение человек получает хорошие оценки в журнале и в дневнике. Вот какая награда. А быть председателем — здесь нужны какие-то другие качества. Какие? Наверное, прежде всего умение организовать ребят, повести их за собой. Такое умение есть не у всякого человека. Один это может, другой не может. Тихой девочке Вале Пановой трудно быть вожаком: она от природы человек, которому нужно, чтобы его кто-то вел, направлял. Это характер. И ничего стыдного здесь нет, таких людей очень много, они хорошие люди и хорошие товарищи, надежные, верные. Но когда надо кого-то куда-то звать, поднимать, у таких людей опускаются руки, их тоска берет от непосильности этого труда. Вот и сплотила председатель вокруг себя послушных, хороших, добросовестных девочек. И то еще молодец — их тоже не просто к делу приспособить! Но Валя старалась, видно, изо всех сил.

А ГЕНКА?

Еще вопрос: что за человек тот взъерошенный, который первым спросил, можно ли уйти домой?

— Это Генка, — сказали девочки. — Генка — наше горе луковое. Известный заводила на всю улицу. От него, говорят, даже его мама плакала на родительском собрании.

Я всего несколько минут видела Генку, но на моих глазах за ним пошли мальчишки. Психологи, изучающие законы жизни коллектива, утверждают: за кем идут мальчики, за тем и девочки пойдут. Генка плохо учится и грубит всем. Честно говоря, мне больше нравятся люди, которые хорошо учатся. Что уж, в самом деле, плохо учиться? Школьные учебники рассчитаны на любого нормального человека, что же ты, не можешь одолеть то, что миллионы людей прекрасно одолевают?

Но давайте подумаем вот о чем — почему мы говорим: «Сначала докажи, что ты человек во всех отношениях достойный, а потом мы, так и быть, окажем тебе доверие». Обязательно «во всех отношениях» и обязательно «сначала докажи». А если попробовать рискнуть? Доверить человеку ответственную, трудную, даже почетную работу — глядишь, он и подобрался весь, посветлел, старается, учится, работает. Почему так не может быть? Очень даже может быть и часто бывает. На какие-то дурацкие дела ведет ребят непризнанный командир Генка или Серега — курить в подъезде или колотить стекла в пустых домах дачного поселка. Но дела-то можно заменить — плохие на полезные.

Мальчишкам не интересно идти за девочками, они хотят вести сами. Так уж устроены мальчишечьи головы, ничего с этим не поделаешь. Если спросишь, не признаются, скажут: «Я? Председателем? Нет уж, не хочу». Но они все выдумывают. Просто мальчишки люди самолюбивые, не признаются, что они девчонкам завидуют. Любой заводила-мальчишка хотел бы, чтобы на него были возложены сложные обязанности вожака, чтобы была возможность проявить свою инициативу, реализовать свои великие замыслы.

ИСКЛЮЧЕНИЕ, А НЕ ПРАВИЛО

Бывают и девочки прекрасными командирами в «Зарнице», отчаянными запевалами в самых лихих мальчишеских делах. Я таких девчонок знаю и очень хорошо к ним отношусь. Они умеют лазить по деревьям и не побоятся дать подзатыльник любому парню, если заслужил. Но, во-первых, это — исключение. И еще: зачем же мы предлагаем девчонкам мальчишечью роль? Пусть исполняют свою, девичью, — она же тоже важная. Каждому коллективу нужна сердечность, мягкость, доброта

девчонок, их умение охладить забияку, на полутонах, с юмором разрядить конфликт.

Конечно, никто не собирается жестко распределять роли: мальчики делают свои дела, а девочки — только свои. Жизнь не спектакль, роли не распишешь, складывается по-разному, лучше всего выбирать разумные варианты. Мы ищем ответ. Хотим решить нашу задачу так, чтобы нашим решением могли воспользоваться в разных отрядах.

Если ты скажешь: «А у нас был случай: одна девочка командовала так здорово, что все мальчишки подчинялись, и даже с радостью», — я поверю тебе, я сама таких девочек видела. Но это случай, случайность, а мы ищем правило.

Я утверждаю: отряд живет интереснее, ярче, дружнее, веселее, если председатель — человек активный, с выдумкой, смелый, если он не боится приказывать и задания его хочется выполнять всем — и послушным и не очень послушным ребятам. Мальчишки чаще бывают волевыми, им легче вести за собой.

ЗА КЕМ ПОЙДУТ НЕПОСЛУШНЫЕ?

В любом классе есть никем не выбранный вожак. Иногда, если класс распался на группы, таких вожаков несколько — свой в каждой компании. Часто они между собой не ладят. Но сейчас речь не о том. Какой человек становится вожаком? Волевой, сильный, авторитетный. Сам по себе, без всякого голосования ставший впереди других. Может быть, этим не следует пренебрегать?

Бывают случаи, когда этот не выбранный вожак встает во главе звена или отряда. Мы опасаемся: он поведет, но не туда, куда надо. А мы-то на что? Умный, большой отряд. Что же, мы так и пойдем, не раздумывая? Нет, конечно. Да и мальчишка, получивший признание, доверие, захочет другой жизни — осмысленной, красивой. Ему тоже надоела бестолковая власть над «братвой». Да еще все ругают. Пусть сто раз делает вид, что ему все равно, не поверим ему. Хочет, чтобы хвалили, чтобы признали, чтобы ценили за дело, а не за ерунду.

Значит, так просто решается наша задача? Быстренько провести выборы, поставить во главе отрядов и звеньев мальчиков — все пойдет как по маслу? Эх, если бы так! Простая была бы задача, в один вопрос, как в первом классе. А мы с вами не первоклассники.

В том-то и дело, что мальчишка-то мальчишка, да не любой. Нужно, чтобы умел организовать ребят, и хорошо к ним относился, и болел за отряд, и хотел вывести его в правофланговые. Чтобы было у него чувство ответственности: сказал, значит, сделает. Чтобы умел придумывать интересные дела и мог расшевелить. И умел слушать, что предлагают ребята, и сам загорался не только от своих предложений, но и чужой ум ценил. Каждый из вас назовет еще сто или двести разных черточек, из которых получится портрет хорошего председателя совета отряда. К тому же до выборов еще далеко. Сейчас председатели на местах — им и работать. Значит, там, где мальчишки в обозе, в хвосте, так пусть и остаются? А вот это уж нет. Не годится такое дело никак. Что же это за отряд, если главная активная сила бездействует? Мальчишек надо вытащить на передовую. Пусть воюют, им это на роду написано. Как к ним подступиться? Это еще один вопрос задачи. Ответ опять ищем вместе. Что я думаю, скажу сейчас, а ты свое мнение напиши и пришли в «Пионер».

НЕ ЛЮБОЙ МАЛЬЧИШКА

Если во главе боевого подразделения военной игры «Зарница» стоит даже самая распрекрасная девочка, мальчишки участвуют в игре с меньшим энтузиазмом. А если мальчик? Это еще не все. Не слишком ли он примерный? Не тихоня ли он, над которым посмеиваются веселые и живые ребята? Бывают такие мальчики — не очень мальчишечьи. За такими ребята не идут.

МАЛЬЧИШКАМ НУЖНЫ МАЛЬЧИШЕЧЬИ ДЕЛА

Но предлагают мальчишкам участвовать в самодеятельности, или делать игрушки, или петь в хоре. И они редко соглашаются. Счита-

ют это делами для девчонок. Переубеждать — охрипнешь, а не втолкуешь. Значит, сплотить отряд лучше на таких делах, которые интересны мальчишкам безоговорочно. Только «разогревшись» на таких заманчивых, милых их мальчишечьему сердцу делах, они потом возьмутся и песни разучивать, и картинки клеить, и с малышами играть. Что нужно, то и будут делать, но сначала все-таки надо их привлечь к работе, выманить из обоза, привить вкус к делам.

КАЖЕТСЯ, МОТОРЫ ЖУЖЖАЛИ?

В одном отряде устроили соревнования моделей подводных лодок. Лодки строили сами, а потом пришли на берег Балтийского моря, дело было в Литве, и запустили модели в волну. Модели красивые, яркие, с дистанционным управлением. Кажется, двигатели жужжали, я не слышала, хотя стояла рядом. Очень шумели мальчишки, они ошалели от азарта. Девочки тоже запускали лодки, они не отставали от мальчиков. Почему они должны отставать? Никто не говорит, что девочки хуже. Грустно, когда мальчишки хуже.

Лодки мальчишкам нравятся. Не только модели. Там же, в Прибалтике, познакомилась я с ребятами-яхтсменами. В эстонском городке Пярну совсем небольшие мальчики отлично владеют парусами, знают правила управления яхтой.

И сразу от одного живого дела бежит искорка к другим делам. Только начать, только разжечь мысль, а там и пойдет. А если нет моря? Значит, есть лес или степь, или река, или горы. Походы, охрана лесов, тяжелый рюкзак и холодные ночевки. Есть футбол — не только во дворе, но и отрядная команда. У вас нет? Пусть будет. Мало ли какие дела можно придумать. Даже если их придумывают только девочки, пусть не думают об одних своих девчоночьих пристрастиях.

Мальчишескими делами и девчонкам заниматься интересно. А девчачьими делами мальчишкам часто не интересно. Иногда удается мальчишек переломить, а иногда и не удается. Значит, составляя план работы, думайте об этом. Никто не виноват, что вы заранее не подумали, думайте теперь, пока не поздно.

Вот обо всем этом мы говорили с девочками, когда мальчишки ушли. Мы говорили долго, спорили и даже обижались друг на друга. А потом перестали обижаться, но спорить не перестали. Валюша кивала. Катя несколько раз говорила слово «равноправие». Чудачка какая, как будто я против равноправия! Сама уж сколько лет журналист, а это, между прочим, трудная, вполне мужская профессия. Я ни в коем случае не против равноправия. И очень-очень хорошо отношусь к девочкам и считаю их способными на серьезные дела. Только не годится мальчишкам быть в сторонке, в углу. Мужчины любого возраста, даже двенадцатилетние, даже еще моложе, существуют на земле, чтобы быть главными, ведущими, ответственными.

Когда мы вышли из школы, был уже вечер. Снег все шел, внизу, на реке, играли в хоккей, звенел настойчивый голос:

— Давай! Щелкай! Пасуй!

Мне показалось, что это кричит Генка. А может быть, это был совсем другой человек.

СКАЖИ САМ

Ты прочитал эти странички? Сделано полдела. Теперь вторая половина: возьми ручку, бумагу и напиши нам: как живут мальчишки твоего отряда? Участвуют ли в работе? Или они обозники? Если это так, что вы думаете с этим делать? И вы, мальчики, напишите: как представляете себе жизнь отряда, где всем интересно, где все активно и споро работают?

И еще просьба — напишите: какую роль, повашему, должны играть в отряде девочки?

**19 ЯНВАРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ИСАКОВСКОГО**

Вы когда-нибудь прислушивались к родниковому ручью, без всякой натуги уносящему к поляне ромашек и легкие тени облаков и торопливый шепот осин?
Вот ручей весело пробегает поляну, ныряет в орешник, по овражку скатывается в поле и бежит к горизонту весь в солнечных бликах. Живет ручей под высоким голубым небом, в самом центре России. У ручья отдыхают, шутят, грустя, склоняются над ним, зачерпывают полной горстью холодную воду.
Поэтический голос Михаила Исаковского всегда казался мне родственным такому ручью, с его ничем не стесненным бегом, его неповторимой родниковой свежестью.
Вслушайтесь в журчащий лад слов, когда сердце каждого выстукивает: «Это мои чувства! Мои! Мои!»
Щедра памятью, щедра душой поэзия Михаила Исаковского.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Школьные ночевки

Припомнишь все —
и сердце радо,
И вновь возникнут в тишине
И снег, и школьная ограда,
И перелесок в стороне.

Как хорошо, оставив дроби,
Бежать от грифельной доски
Туда, где месяц на сугробе
Рассыпал звездные пески;

Идти знакомыми местами
Все дальше, дальше от жилья
И в полный голос
петь с друзьями:
«Трансвааль, Трансвааль —
страна моя»;

Подобно путникам усталым,
Кого застигла ночь в пути,
Наметить место для привала,
Охапку сучьев принести;

Извлечь кусок газеты старой
Из-под худого зипуна,
Чтоб не истратить спичку
даром —
Она всегда у нас одна;

Потом стоять у тихой елки,
Глядеть в огонь,
на лунный свет
И ждать —
вот-вот завоют волки,
Хотя волков в округе нет;

Мечтать о радостях
нежданных,
Нагнувшись, руки согревать
И говорить о дальних странах,
Где нам вовеки не бывать...

Но вот костер шипит и тухнет,
Набился в лапти колкий снег.
И мы несемся
к школьной кухне,
Где на полу у нас ночлег;

Где по ночам темно и тихо,
Где нет ни елки, ни костра
И где на печке сторожиха
Ворчит о чем-то до утра.

1924 год.

Детская романтика

На лугу, где раскинулся ясень,
Где по лужам так много воды,
Из коробок построенный
«Красин»
Отплывает в полярные льды.

Все, что нужно — припасы,
пожитки,—
Уложили, и начат поход!
И корабль на коричневой нитке
Капитан за собою ведет.

Он бесстрашно обходит утесы,
Грудь подставив ветрам
штормовым.
И его боевые матросы
Отправляются следом за ним.

Пусть штаны и рубашка намокли,
Но во взглядах решимость легла.
И сверкают на солнце бинокли
Из осколков цветного стекла.

1928 год.

Старик

У вырванных снарядами берез
Сидит старик, а с ним собака
рядом.
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным, невеселым
взглядом.

Ползет туман. Накрапывает
дождь.
Над мертвым полем воронье
кружится...

— Что, дедушка, наверно, смерти ждешь?
Видать, с врагами нелегко ужиться?
Старик помедлил. Правою рукой
Сорвал с куста листочек пожелтелый.
— В мои года не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.

Куда ни глянь — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пес голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года не шутка помереть,
Да нет, нельзя — земля не
принимает.

Она — я слышу — властно шепчет
мне:
«Ты на погосте не найдешь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяйничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом
поджигали;
Умрешь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путем бреду.
Запоминаю — что и где творится,
Злодействам ихним полный счет
веду,—
Он в час расплаты может
пригодиться.

Пускай мне тяжко. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот этою рукой не уничтожу.

1942 год.

Летят перелетные птицы...

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948 год.

Рисунки М. ГАРИНОВА.

«ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ»

А. МАРЕСЬЕВ,
Герой Советского Союза,
ответственный секретарь
Комитета ветеранов войны

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЕРОИ ЖИВУТ РЯДОМ

Как-то обратились ко мне ребята из Донецкой области с просьбой рассказать о войне, о подвиге. Я удивился, что ребята ехали так далеко, когда у них в области столько своих героев. Наверняка живут среди них люди, которые работали в подполье, были связаны с молодогвардейцами, сражались на фронте.

Быть может, они встречаются с ними в одном подъезде, на одной улице, в одном автобусе ездят... Как я, например, живу по соседству с Николовым Тамби Андреевичем уже много лет, а только недавно узнал о его военных подвигах.

Весной 1944 года наши войска вели наступление в Молдавии. Подразделению Николова было приказано продвинуться на шесть километров и занять высоту. Весь день и всю ночь шел тяжелый бой. Гитлеровцы отступили в село, а подразделение Николова укрепилось на заданной высоте. На рассвете командир и двое бойцов пошли в село на разведку. Они постоянно натыкались на воронки, на убитых. Хаты в селе были пробиты снарядами. Стояла жуткая тишина.

Двое пошли на разведку в крайнюю хату, а командир прикрывал их: залег с пулеметом в кустах ивняка. В хате спали фашисты, офицер и двое солдат. Офицера удалось взять в плен. Он говорил немного по-русски. Когда командир узнал, что у противника пять тысяч солдат, даже в лице изменился. Сказал фашистскому офицеру: «Идите и передайте своим, если к двенадцати часам не сдадутся — всем капут».

Слишком велик был риск. У Николова в подразделении всего шестьдесят пять бойцов, но другого выхода он не видел.

Оставалось только ждать. Он тревожно провожал глазами серые облака, то и дело наводил бинокль на деревню. Кажется, прошла вечность. И вдруг: «Идут... Идут...» — пронеслось среди бойцов. Командир посмотрел на часы: было ровно двенадцать. От села потянулись к высотке колонны противника с поднятыми руками.

Потом, позже, целая дивизия подошла на помощь Николову, но в тот момент... Командир дивизии все никак своим глазам поверить не

мог, все приговаривал: «Как же вы это смогли? Пять тысяч фашистов в плен взяли!..»

За этот подвиг старшего лейтенанта Николова наградили первым его орденом — орденом Боевого Красного Знамени.

А еще через несколько месяцев его наградили орденом Красной Звезды.

Было это уже в Югославии. Николову, командиру батальона, приказали занять одну из сопок. Бойцы карабкались по высокой горе, мокрые камни вырывались из-под ног и летели вниз. В лицо била изморозь. Гитлеровцы заметили, что их окружают, и открыли огонь. Загорелся лес, пришлось отступить. Командир предложил открыть огонь из орудий. Первый снаряд не достиг противника, упал совсем рядом с бойцами Николова. Потом снаряды стали попадать в цель, и началось новое наступление. Когда выбили врага с сопки, на другой ее стороне обнаружили селение. Старик югослав бегал по улице, размахивал руками и радостно кричал: «Русски! Русски!» Вскоре в село пришли югославские партизаны. Встретились с советскими солдатами, как с родными братьями.

Утром колонна отправилась дальше по ущелью. А когда брали Белград, Николова в жестокой схватке с врагом тяжело ранило, и он попал в госпиталь...

Я часто вижу, как по утрам Тамби Андреевич Николов спешит на работу. Герой войны, герой труда (у него есть и трудовые награды), отец, дедушка, мой сосед...

Журнал «Пионер» начал интересный и нужный сбор-поиск «Орден в твоем доме». Зачастую ребята не много знают о военных заслугах своих отцов, матерей, дедушек, бабушек, людей, которые их окружают. Надо задуматься над этим серьезно.

Дорогие мои юные друзья!

Посмотрите внимательно вокруг. Герои живут не только в книгах и в кино. Они живут рядом с вами. Узнавайте о них, старайтесь всем, чем только сможете, помогать им. Старым солдатам очень нужна ваша забота, ласка, дружба.

☆

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ СБОР-ПОИСК «ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ»

«ПИОНЕР» получает донесения

В БОЙ С ТАНКАМИ ПОШЛИ ТАНКИ

Я тоже хочу участвовать во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», посылаю вам рассказ об ордене моего дедушки.

Его зовут Василий Петрович Пугвушин. Сейчас ему семьдесят семь лет. На фронт он ушел добровольцем. Его зачислили в 101-й танковый — дедушка был трактористом. Где только не пришлось побывать моему деду со своим экипажем за долгие годы войны! Он мне теперь многое рассказал... Но я напишу про один бой, за который дед получил орден Отечественной войны.

Случилось это на Курской дуге. Фашистские танки шли лавиной. Даже артиллерии трудно было остановить их. В бой с фашистскими тан-

ками пошли наши танки... и дедов 101-й полк тоже. Дед воевал на сто двадцать второй машине, и их экипажу удалось поджечь в том бою вражеский «тигр». И другие экипажи находили уязвимые места у «тигров» и подбивали их. Фашисты начали отступать. И тут, в самом конце боя, снаряд попал в дедушкин сто двадцать второй танк...

Пехотинцы, которые сзади танков шли, помогли экипажу выбраться из горящей машины. Танкистов отправили в госпиталь, долго лечили. Только командира не удалось спасти. Погиб дедов командир.

Он часто его вспоминает. И этот бой. Я понимаю, это очень трудно — терять близких друзей. Еще дедушка вспоминает этот бой чаще других потому, я думаю, что получил за него первую свою награду.

Саша АНИКИН,
г. Гремячинск, Пермская обл.

В МНЕВНИКОВСКОЙ ШКОЛЕ, НА ОКРАИНЕ МОСКВЫ

В Великую Отечественную войну моя бабушка не была на фронте, она учила ребят в мневниковской школе, на окраине Москвы.

Бабушка говорит, время было трудное — холодное, голодное, горькое. Учителя вместе с учениками кололи и пилили дрова — в школе было ужасно холодно. Работали в поле — помогали колхозу. Прибавилось много всяких дел, которых в мирное время не приходится делать. Бабушка в эти годы была и директором, и завучем, и делопроизводителем, и бухгалтером, и еще преподавала русский язык, литературу и историю — оставалось в школе всего четыре учителя, и каждый работал за тех, кто ушел на войну.

После войны бабушку наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Она учила ребят тридцать лет и за свой труд получила орден «Знак Почета».

Все это бабушка рассказала мне, когда мы с ней прочитали 9-й номер «Пионера», и я решил участвовать во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме».

Михаил ВАРЛАМОВ
г. Москва.

СПАСИБО ВСЕМ, КТО ПРИСЛАЛ ИНТЕРЕСНЫЕ РАССКАЗЫ.

МЫ ЖДЕМ И ТВОЙ РАССКАЗ О НАГРАДАХ ТВОИХ РОДНЫХ, БЛИЗКИХ, СТАРШИХ ДРУЗЕЙ.

ПОМНИ! Ты должен прислать его в редакцию не позже 23 февраля 1975 года!

(На конверте пиши: «Орден в твоем доме».)

Красные следопыты, которые хорошо проведут в своем отряде и дружине сбор-поиск «Орден в твоем доме», ПОЕДУТ ЛЕТОМ 1975 ГОДА в АРТЕК на международный праздник «САЛЮТ, ПОБЕДА!».

ВНИМАНИЕ! Всем, кто участвует во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», дает задание Центральный музей Вооруженных Сил СССР

23 ноября сорок первого года в город Ефремов, Тульской области, вошли фашисты. Всех оставшихся в городе красноармейцев они расстреляли. Тяжелораненых бросили в яму около школы. Слава и Володя Горшковы увидели это и рассказали родителям. Горшковы решили спасти раненых. Ребята по ночам, тайком перетаскивали их в подвал школы. Вскоре там собралось пятьдесят два человека: братья приводили в подвал всех раненых, не успевших покинуть город. Через несколько дней фашисты устроили в школе госпиталь, поставили часовых. Тогда Любовь Васильевна Горшкова устроилась в госпиталь уборщицей. Каждый день она приносила в подвал еду, бинты, лекарства. Лекарства Слава и Володя воровали у фашиста-аптекаря. Однажды аптекарь подстерег Володю и зверски избил его. Чтобы прокормить раненых, Горшковы отказывали себе во всем, зарезали последнюю корову. На бинты порвали все постельное белье.

Советские войска освободили город 12 декабря. Приказом Военного Совета Брянского фронта от 24 января 1942 года Любовь Васильевна и Федор Иванович Горшковы были награждены орденами Красной Звезды, а их сыновья, четырнадцатилетний Володя и двенадцатилетний Слава,— медалями «За боевые заслуги».

Попробуйте, ребята, разыскать бойцов, спасенных в годы Великой Отечественной войны семьей Горшковых, запишите их рассказы. Расскажите о людях, которые помогали нашей армии бороться с фашистскими захватчиками.

На этой фотографии семья Горшковых снята в годы Великой Отечественной войны.

Сыны полков

ДОКУМЕНТЫ ВОЙНЫ

С первых дней Великой Отечественной войны плечом к плечу со взрослыми сражались и твои ровесники: юные пехотинцы и артиллеристы, танкисты и матросы, связисты и санитары, сыновья и дочери фронтовых полков.

«Наши дети,— героические, великолепные советские дети, которые с мужеством взрослых, с разумом взрослых борются за Родину. Дети, в крови которых горит любовь к свободе, дети, для которых слово «Родина» не мертвое слово, а сама жизнь, само биение сердца, пламенный призыв, глубочайшая любовь. И их борьба — это самый убедительный документ нашей правды», — так писала о подвиге ребят во время войны писательница Ванда Василевская.

С этого номера мы начинаем рассказывать о ребятах, которые воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

Рассказывает журналист Владимир КАРАВАЕВ. Во время войны он тоже был сыном полка.

Женя Мартьянов

Пропал Женя Мартьянов, ученик шестого класса сочинской школы № 9 имени Николая Островского.

Обыскали весь город, но Женю так и не нашли. Через несколько месяцев он написал матери: «Воюю на Керченской переправе». Шел 1944 год.

Женя Мартьянов (Василенко).

...Женя давно мечтал попасть на фронт, и вот подвернулся счастливый случай. Часто с товарищами по классу Женя приходил в городской госпиталь. Здесь и подружился он с Борей и Костей, своими ровесниками, сыновьями фронтовых полков. Ребята рассказывали Жене о войне, скучали по своим фронтовым товарищам, мечтали скорее вернуться в часть. Когда они выписались, Женя ушел вместе с ними.

На берегу Азовского моря, в поселке Чушка, ребята встретили командующего Азовской флотилией контр-адмирала С. Г. Горшкова. Выходит он из машины и вдруг видит — навстречу компания ребят. У одного на груди медаль и золотая лычка — ленточка, которая говорит о тяжелом ранении.

— Из госпиталя? — спросил Горшков.

— Так точно! — за всех отрапортовал Боря Юдин.

Горшков обернулся к сопровождавшему его офицеру:

— Накормить ребят и отправить на корабли!

Женя и не ожидал, что ему так повезет, что он попадет на тральщик № 117 юнгой. Женя придумал себе другую фамилию (вдруг узнают правду и отправят домой). Так под этой новой фамилией Василенко он и воевал.

Тральщик «проверял» берег—нет ли на нем фашистов, высаживал на берег десант, ставил в море мины. Однажды фашистские самолеты застали тральщик в открытом море. Они начали сбрасывать бомбы, стрелять из пулеметов и скорострельных пушек. Тральщик шел под жестоким огнем. Он должен был во что бы то ни стало прорваться к Керченской земле и высадить десант. Во время одного из обстрелов осколком снаряда сломало мачту. Верхушка ее с флагом рухнула на палубу.

Флаг — честь корабля! От близких разрывов бомб и снарядов тральщик швыряло из стороны в сторону. Женя взбирался вверх по мачте, зажав флаг в зубах. Скоро флаг заалел над советским кораблем.

За храбрость в этом бою Женя Мартьянов (Василенко) был награжден медалью Ушакова,

Володя Синев

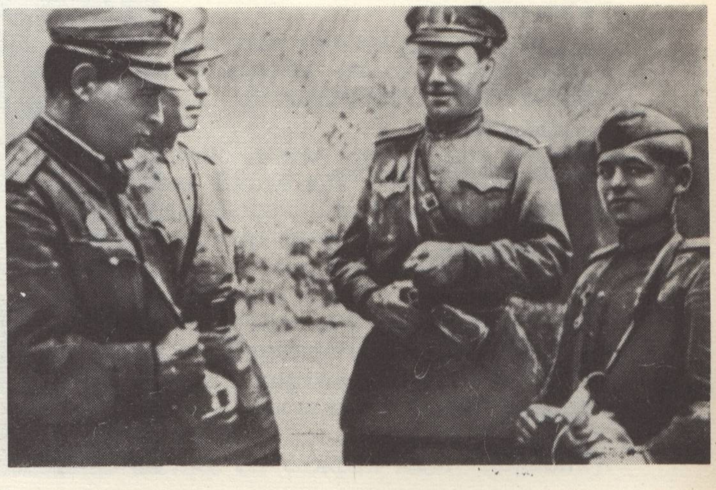
Шла историческая Курская битва. Наши войска гнали фашистов на запад. Враг отчаянно сопротивлялся. Фашисты создавали ударные группировки и наносили с их помощью так называемые «молниеносные удары», пытаясь спасти положение на фронте. Одна из таких группировок появилась на Ахтырском направлении. Четвертая гвардейская армия начала наступление. Нужно было во что бы то ни стало разгромить эту фашистскую группировку, а для этого узнать о ней все: сколько у фашистов орудий, сколько людей, какие у врага планы. Разведчики начали выходить на задания.

Первого пленного захватил пятнадцатилетний Володя Синев.

Володя был сыном воздушно-десантного полка, пятой воздушно-десантной дивизии. Он давно просился в разведку и наконец получил боевое задание — взять языка.

Володя вышел ночью и, когда немного рассвело, ясно увидел фашистский танк. Он осторожно подполз к танку. Рядом стоял здоровенный фашист. Такого случая Володя не мог упустить. Он даже не подумал о том, справится ли с этим сильным солдатом. Ведь они были один на один. Володя бесшумно подкрался к врагу. «Хенде хох!» И ствол автомата уперся в спину опешившего гитлеровца. Пленный оказался ефрейтором. Он дал ценные показания. За выполнение этого важного задания, за смелость и находчивость Володя Синев был награжден орденом Красной Звезды.

В августе 1943 года Володе вручили орден. Его поздравил командир полка гвардии полковник И. Г. Попов.

Юрий КОВАЛЬ

ЧУВАЛ

Из тайги,
из самой глубины ее,
из брусничных болот
и зарослей черемухи,
медленно поднимается,
вываливает к небу
могучий каменный лоб.
Это Чувал.
Горы на Урале называют Камнями.
Денежкин Камень.
Молебный Камень.
А эта просто — Чувал.
Глиняная печь,
в которой пекут ржаные лепешки,
тоже называется чувал.
В морозный день,
вернувшись с промысла,
охотники греют руки
на ее шершавых
и жарких боках.
А кого греет гора?
Гладко обкатана временем
вершина Чувала.
Снизу, из тайги, кажется,
что она заросла мохом
или той мягкой шерстью,
которой
покрываются весною
оленьи рога.
Хочется
погладить ее.

Грибы и золото

Там, за Чувалом, на берегу речки Вишеры, стоит в тайге охотничья избушка. Ее построил Вадим.

— Вот взойдем на Чувал,— говорит Вадим,— потом спустимся, а там до избушки близко.

По тропке, которую проложили золотые старатели, мы поднимаемся на вершину Чувала. Идем в гости к Вадиму.

У тропы под елками есть белые грибы.

Я увидел гриб, потянулся за ним и чуть не свалился в шурф. Когда-то вырубил его старатель в каменистой земле, укрепил стенки толстыми бревнами. Наверно, нашел золото.

На дне шурфа лежала сгнившая от ржавчины кирка. Почему старатель бросил кирку? То ли нашел много золота, то ли отчаялся его найти.

Я внимательно гляжу по сторонам — не блеснет ли что-нибудь в траве или камушках. Но золота пока не видно. А грибов много.

Босой Старикашка

Собаки, которые спокойно бежали впереди, вдруг остановились и злобно заворчали.

— Догоняем Босого Старикашку. Надо собак привязать.

Фотограф Витя привинчивает к аппарату свой самый страшный объектив и выходит вперед. Кажется, он несет в руках что-то вроде миномета. За ним двое с ружьями. На всякий случай. Как бы Старикашка не вздумал понюхать фотоаппарат.

Босоногий где-то рядом. На тропе, которая сплошь заросла дудником, совсем свежие следы. Из переломанных дудок сочится сок. Слышно, как впереди кто-то чмокает. Это, конечно, чавкает Старикашка. Жрет дудки, жует сладкий корень.

Витя осторожно поднимается на скалу, заросшую лишайником, взмахивает рукой и вдруг падает в дудки. Слышен какой-то грохот и крик.

Мы взводим курки, бежим на помощь.

Витя лежит в дудках, рядом с ним огромный и черный фотоминомет. Он разбит вдребезги.

Впереди сочно ломаются дудки, взмахивают шапками. Бурая косматая голова мелькает в кустах. Босой Старикашка убегает, напуганный фотографическим грохотом.

— Оступился, — огорчается Витя. — Все. Не снять нам Босоногого.

Но медведя мы все-таки сняли. Правда, не Старикашку, а Парнишку, медвежонка. И ест он не дудки, а морковку.

Этот босоногий Парнишка живет у одного охотника в поселке Золотанка.

После съемки он сожрал мою ковбойку.

Рисунки автора.
Фотографии В. УСКОВА.

Шикша

Мы всходим на лоб Чувала.

Из кустов вереска, которыми заросла вершина, взлетают длинноносые вальдшнепы и рябенькие дрозды. С криком перелетают куропатки. Так вот кого греет Чувал!

Я сбросил тяжелый рюкзак и упал в траву.

Нет, не в траву. В шикшу.

Маленькие, длиной в два пальца елочки росли повсюду вокруг меня, а на них — черные ягоды.

— Это шикша,— сказал Вадим.— Ешь.

«Шикша» — вот интересное слово. Только лишь переставить две буквы, и получится шишка. К тому же похожа шикша на елочку.

Но нету на шикше шишек. Черные ягоды. Кажется, что они наполнены смолой.

Я набрал пригоршню шикши и сразу отправил ее в рот.

Под черной блестящей кожурой была свежая и сладкая мякоть, а в ней мелкие хрустящие косточки.

Хорошая ягода шикша. Она чуть-чуть пахнет яблоком.

Ягель

Летом и зимой на вершине пасутся олени: летом они спасаются от слепней и паутов, а зимой здесь легче достать из-под снега ягель — олений мох. Копытами разрывают олени снег — «копытят», ищут ягель.

По-моему, ягель — самый красивый мох. Светлый, светло-зеленый, упруго вырывается он из трещин в камнях, и каждый его кустик похож на взрыв.

Ягель — ласковый, мягкий мох. По нему жалко ходить, а уж если пошел — идешь по пуховой подушке.

Говорят, что след человека остается в ягеле на долгие годы.

На склонах Чувала много оленьего моха.

А в одном месте среди ягеля мы увидели бруснику. Она казалась особенно спелой и сочной в его седоватых кустиках.

Бруснику мы съели, а ягель оставили оленям.

Мешок и печка

— Ты знаешь, что такое чувал?

— Печка.

Не только печка. Чувалом еще называют мешок.

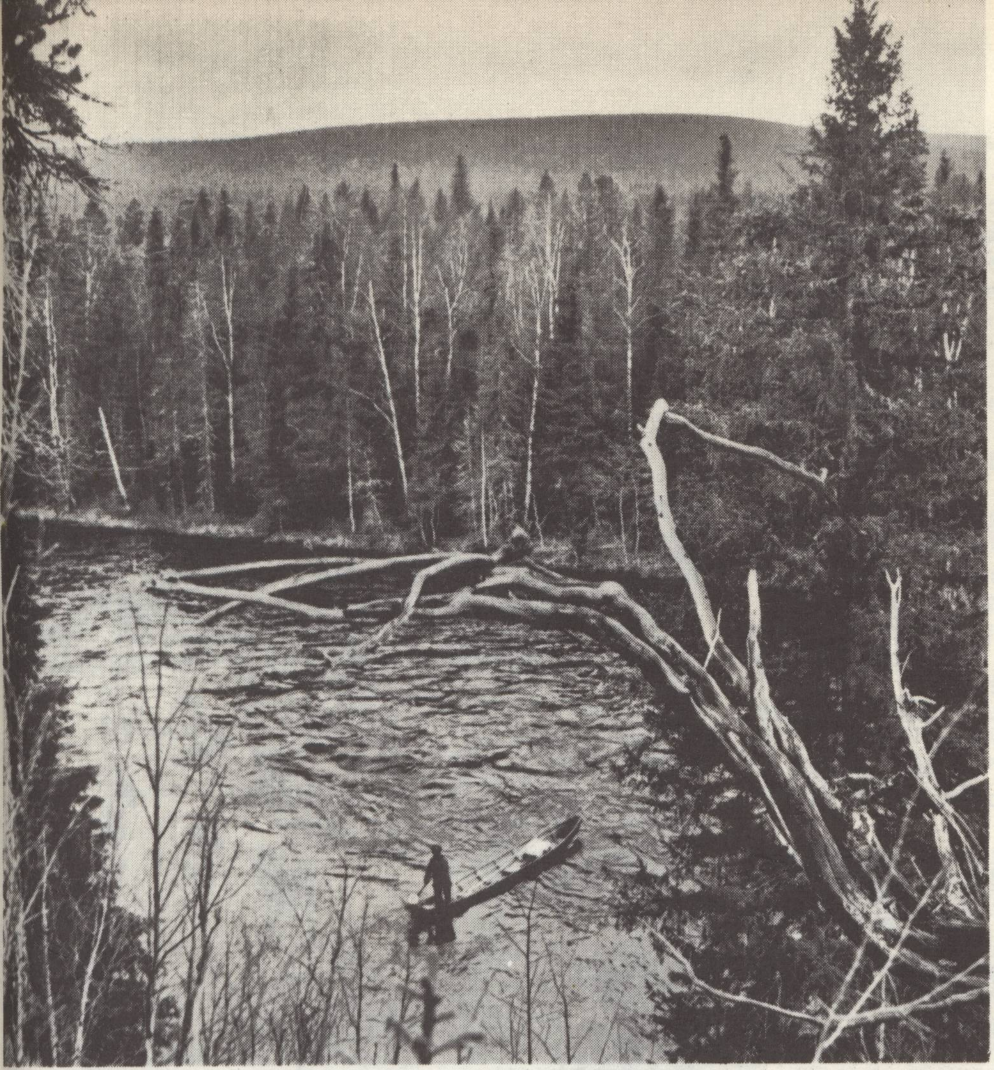
Странная гора. И печка она и мешок.

— Не пойму, почему — мешок? Гора на мешок никак не похожа.

— А под ногами-то у нас что? Под ногами у нас золото. Золотая жила.

Так вот почему мешок! Чувал — это мешок золота.

Чувал золота.

Река называется Велс. Человек в лодке — это Леня Цыбулин, рыбак. Он был нашим проводником.

Как я нашел золото

Что-то сверкнуло в россыпи камней. Я наклонился и увидел мельчайшую крупинку, горящую под солнцем на ребре большого розового камня. Заслонил от солнца рукой, и в тени она звонко, металлически блестела.

— Эй! Давайте сюда! Золото!

— Да это не золото. Какая-нибудь медь.

— Или слюда.

— Золото, золото! Надо расколоть камень. Поглядеть, что внутри.

— Ладно тебе! Ничего там нет. Пойдем скорей!

— Ну нет, в первый раз нашел золото и его не брошу,— сказал я и стал выковыривать камень.— Расколю его. Там, внутри, наверно, много золота.

С трудом вытащил камень из земли, поднял над головой и ударил изо всех сил о скалу. Искры и розовые брызги разлетелись в стороны — камень развалился на несколько кусков. Никакого золота в середине его не было.

Долго перебирал я осколки, но не смог найти и той золотой крупинки.

«Вот незадача!— раз в жизни нашел золото и тут же его потерял. Ну и черт с ним!»

Соболь

День оканчивался. Солнце уходило за вершину Чувала. Освещенный последними лучами, на ветках елки сидел небольшой темно-коричневый зверь, а у подножия ее, в тени, лаяли и выли собаки.

— Соболь! — закричал я Вите.— Снимай скорей, а то убежит!

— Очень высоко!— волновался Витя.— Очень далеко! Мало света! Пускай он спустится пониже.

Собаки лаяли яростно, грызли корни, корябали ствол когтями, как будто собирались вскарабкаться на дерево. Соболь крепко вцепился в еловую ветку и потрясенно глядел вниз, на нас.

— Трясите елку,— просил Витя.— Надо, чтоб он спустился пониже. Не могу снимать.

Вадим и брат Николай уперлись в ствол.

— Раз-два — взяли...

Елка задрожала. С веток ее посыпались шелуха и лишайники. Два таких здоровых лба могли и кедр раскачать.

Соболь, как видно, страшно перепугался. Он дрожал вместе с елкой, но с места не трогался.

— Тряска не помогает,— сказал Николай, обтирая о штаны руки, измазанные смолой.

Солнце уходило за Чувал.

Витя схватил какую-то корягу и запустил ее в небо.

С искренним удивлением глядел соболь, как коряга поднялась в воздух чуть не до самого его носа. Он, конечно, никак не думал, что такие штуки умеют летать.

За корягой полетели в воздух сучки и палки, но соболь никак не хотел шевелиться. У него был твердый характер.

— Делать нечего,— сказал Витя, закинул за спину фотоаппарат и полез на елку. Не на ту, где сидел соболь, а на соседнюю. Мы подбадривали его советами, а собаки лаем.

Такого поворота дела соболь не ожидал. Он взволнованно завертел головой, глядя, как медленно, с треском обламывая сучки, приближается к нему человек.

Витя добрался до середины дерева и наставил на соболя аппарат.

Мы замерли. Собаки замолчали. Соболь уставился в объектив.

— Спокойно,— сказал Витя и щелкнул.

Тут и солнце зашло.

Кое-как Витя слез с елки, мы отозвали собак и пошли к избушке.

А соболь долго еще сидел на елке и вспоминал, как лаяли собаки, кричали люди, как взлетали в воздух сучки и коряги. Только когда настала ночь, он шевельнулся, перепрыгнул на соседнюю елку, потом на другую и — пропал в тайге.

Я думаю, этот соболь на всю жизнь запомнил, как мы его фотографировали.

Это Велс — последний поселок на пути в тайгу. Отсюда уходят на промысел охотники, на поиск — геологи. Поселок стоит в том месте, где речка Велс впадает в Вишеру.

Избушка

Из потемневшей, вечерней тайги мы вышли к Вишере и увидели наконец избушку.

Маленькая, в два окошка, она стояла на берегу в остроконечных пихтах, и стояла так просто и хорошо, как будто выросла здесь сама по себе. Вадим был великий мастер.

В темном окошке что-то блеснуло.

— Огонь,— насторожился я.— Там кто-то есть.

— Это закат,— ответил Вадим. —Никого нету. Но кто-то был.

На крыше избушки сидел коршун. Увидев нас, он закричал плаксиво, поднялся над деревьями и пропал — сгорел в закатном, огненном небе.

Мы скинули рюкзаки и вошли в избушку.

На столике у окна стояла банка сгущенки. Из-под нее высовывался лист бумаги. На нем было написано химическим карандашом:

«Уже месяц идем через тайгу. У нас не осталось продуктов, кроме этой банки сгущенки. Мы случайно вышли к избушке и жили здесь три дня. Мы нашли чай, сахар и сухари. Дорогой хозяин, спасибо тебе. Пей чай с нашей сгущенкой».

Пантелеевы лепешки

Прошлую ночь ночевали мы у деда Пантелея.

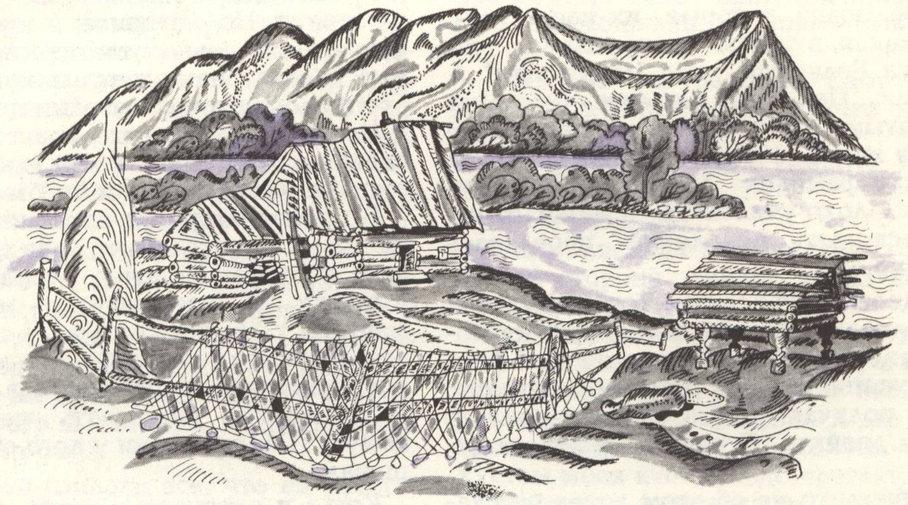
Давно, лет пятьдесят назад, срубил он в тайге дом и живет один, а вокруг тайга на сто километров.

Добрались мы до Пантелея поздно ночью. Он обрадовался гостям, поставил самовар.

Долго мы сидели за столом, разговаривали, пели песни, угощали деда колбасой. Ел он мало, много благодарил и все вглядывался, какие они, городские-то люди. Чудными казались ему наши разговоры и песни, привезенные из города. Одна песня понравилась ему...

«На улице дождь, дождь...»

Утром мы встали пораньше, затемно, а дед уже поднялся. Я заглянул к нему за перегородку. Там, на столе, горела свеча, и при свете ее дедушка Пантелей месил тесто. Видно, собрался печь хлеб.

Взошло солнце. Мы стали собираться в дорогу и на прощание решили сфотографировать Пантелея.

— Вы, дедушка, снимите шапку! Чего в шапке фотографироваться?

— Зачем ее сымать? Она голову греет.

— Ну ладно, тогда возьмите в руки сеть, будто вы ее чините.

Шапку Пантелей снимать не стал, а сеть в руки взял, покачивая головой и улыбаясь затеям городского человека.

Стали прощаться. Дед сходил в дом и вынес что-то завернутое в тряпицу.

Сверток был горячий. Я развернул его и увидел тонкие лепешки из ржаной муки.

— Возьми,— сказал Пантелей.— У вас хлеба мало.

Вечером у костра я достал из мешка Пантелеевы лепешки.

Они высохли и покрошились. Мы стали есть их, размачивая в кипятке.

Ни соли, ни сладости не было в Пантелеевых лепешках. Они были пресными, как вода.

Мы удивлялись: что за странные лепешки, почему в них нет вкуса? Потом поняли, что вкус есть, только уж очень простой — вкус хлеба.

Я часто вспоминаю Пантелеевы лепешки, и сам иногда хочу испечь такие, но ничего не получается. Такие лепешки может испечь только одинокий старик, живущий в тайге.

Мои орехи

Через Вишеру, к вечернему, дремлющему уже Чувалу летела кедровка. Летела медленно и несла в клюве большую кедровую шишку.

— Хочешь орешка?— спросил Вадим.

Мы стояли в кустах на берегу, и кедровка не видела нас.

Когда она подлетела поближе, Вадим выскочил из кустов, хлопнул в ладоши и крикнул:

— Мои орехи!

Кедровка напугалась, уронила шишку. Вишерская волна поднесла ее прямо к нашим ногам.

Среди остроголовых елок и пихт по берегам Вишеры стоят одинокие кедры. На их вершинах, в густых ветвях, тяжело висят зрелые шишки.

Мы с Вадимом еще насшибали орехов и вернулись к избушке. Там горел костер, огненные блики плясали на стволах деревьев. У костра была уже ночь.

В горячей золе Вадим стал печь кедровые шишки, точно так, как пекут картошку.

Мы долго пили чай, из обугленных шишек выколупывали орехи, от которых пахло горячей смолой.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

«АЙ ДА ПЯТЕРКИН!..»

Петр ШЕМАНАЕВ

Рисунок А. БОРИСОВА.

Есть фамилии,которые никак не отражаются на судьбе людей, которые их носят... Ну, например, какая, в самом деле, разница, зовут человека Беляевым или Черняевым? А моя фамилия... Папа, мне кажется, чувствует себя виноватым за то, что преподнес мне ее на всю мою жизнь. Ума не приложу, откуда у нас в роду фамилия Двойкин? Какой-нибудь предок плохо учился? И, наверно, от него через несколько поколений передалась эта черта мне...

Правда, двоек я не хватаю. Тогда вся наша школа веселилась бы: «Двойкин двойку получил!»,«Какое удивительное единство формы и содержания!» Эту остроту я слышу, даже когда получаю тройку или четверку. А уж если бы двойку... Страшно даже подумать!

Но я в общем-то не об этом хотел рассказать.

Однажды нам задали сочинение на тему «Что такое настоящее счастье?». Мы должны были написать его летом, во время каникул.

Если бы меня спросили, что такое несчастье, я бы ответил: «Иметь такую фамилию, как у меня!» А что такое счастье?.. Ответить на это труднее.

Можно было написать, что летние каникулы — это и есть настоящее счастье. Что попасть на футбольный матч, когда решается судьба кубка, или проскочить на фильм, на который люди моего возраста не допускаются, это и есть счастье. Написать так было бы честно. Но я понимал, что тогда отметка очень приблизилась бы к моей фамилии или даже совсем бы с ней совпала. «Разве это настоящее человеческое счастье!»— воскликнула бы учительница литературы.

Вот почему я не торопился отвечать на трудный вопрос. Я даже заглянул в Большую Советскую Энциклопедию, чтобы узнать, что же означает слово «счастье» с научной точки зрения. Но, наверное, и ученые не смогли еще окончательно ответить на вопрос, который задала нам учительница литературы: этого слова в энциклопедии не было.

Не стану скрывать: «настоящее счастье» сделало мои летние каникулы менее счастливыми, чем они могли бы быть.

В пионерлагере я спрашивал у всех своих новых приятелей, что они считают настоящим счастьем. Конечно, спрашивал как бы в шутку... А они отвечали мне абсолютно всерьёз: «Ты что... того?» И только одна девочка, которая случайно услышала мой вопрос, тихо и грустно сказала: «Разве об этом можно рассказать первому встречному?» И больше я ни у кого об этом не спрашивал.

Когда я вернулся в город, до конца каникул оставалось пятнадцать дней. Каждый из этих дней приближал меня... Но тут мама решила послать меня на две недели к своей маме. То есть к моей бабушке, которая жила в маленьком городе на берегу большой, знаменитой реки.

Сперва она хотела послать меня к бабушке на все лето. Но потом сказала, что ее мама ей никогда и ничего, кроме добра, не делала и отплатить ей таким образом было бы черной неблагодарностью. Тем более что у нее «усталое и больное сердце»...

Мама и папа проводили меня на вокзал, а бабушка встретила. Так что меня, как сказал папа, «передали из рук в руки».

У бабушки руки были шершавые, но такие теплые, что назвать их «грубыми» никак было нельзя. Мама рассказывала, что бабушка всю жизнь занималась физическим трудом, который вообще-то очень полезен... И если бы ее сын, то есть старший брат моей мамы, не погиб на фронте, сердце у ба-

бушки было бы абсолютно здоровым. Оно было больным и усталым от горя...

Но на станции я никакой усталости у бабушки не заметил. Она так крепко обнимала меня, так горячо прижимала к своей морщинистой, загорелой щеке, что мне в голову даже пришла неожиданная мысль: встречать такого внука, как я,— это и есть настоящее счастье! Можно было бы написать об этом в сочинении. Но я все-таки удержался...

Бабушкина комната и веранда, казалось, были не просто вымыты, а прямо-таки начищены до блеска. На столе стояла ваза с полевыми цветами, их, как я потом узнал, бабушка сама нарвала. На тарелке лежали яблоки, бабушка их тоже сама собрала. И обед, вкуснее которого я никогда не едал, тоже приготовила она сама.

«В общем, она сделала все, что ей категорически нельзя было делать!» — сказала мама, когда я потом, уже вернувшись домой, рассказал обо всем.

— Мне сегодня так хорошо... Так легко! — повторяла бабушка.

А ночью ей стало тяжело. И совсем плохо... Бабушка боялась меня напугать и поэтому все время говорила, что с ней это бывает часто, что ничего страшного не происходит... Но мне было страшно.

— Бабушка, чем тебе помочь, а? Чем помочь? — спрашивал я.

— Ты только не волнуйся... Это мне и поможет. Я уже приняла лекарство. Ложись спать... И прости меня: ты устал с дороги, а тут...

— Что ты, бабушка! Что ты!— ответил я.

И сделал вид, что заснул крепким сном. На самом деле я следил за бабушкой.

Через минут пятнадцать она тихо позвала меня.

— Извини, пожалуйста... Ты устал, а я... Надо будет сбегать к Матвею Степановичу. Это доктор. Тебе придется идти через овраг,— продолжала бабушка.— Ты не боишься?

— О чем ты говоришь, бабушка?! — воскликнул я. И почувствовал, что спина у меня стала холодной.

— Будь осторожен в темноте. Прошу тебя. В овраге никого нет...

— Ну, конечно...

Она объяснила мне, как надо идти и где на той стороне оврага стоит дом Матвея Степановича.

Я побежал.. А ночь, как назло, была темная. Это я не сочиняю сейчас, а говорю чистую правду: луны совсем не было. Овраг зарос каким-то кустарником. Я два или три раза споткнулся, упал... Казалось, за каждым кустом меня кто-то подстерегает.

Все-таки я выбрался на противоположную сторону оврага. И сразу увидел дом, над крыльцом которого навис деревянный чердак. Постучал в окно... Матвея Степановича, наверно, часто будили, он сразу откликнулся:

— Кто там?

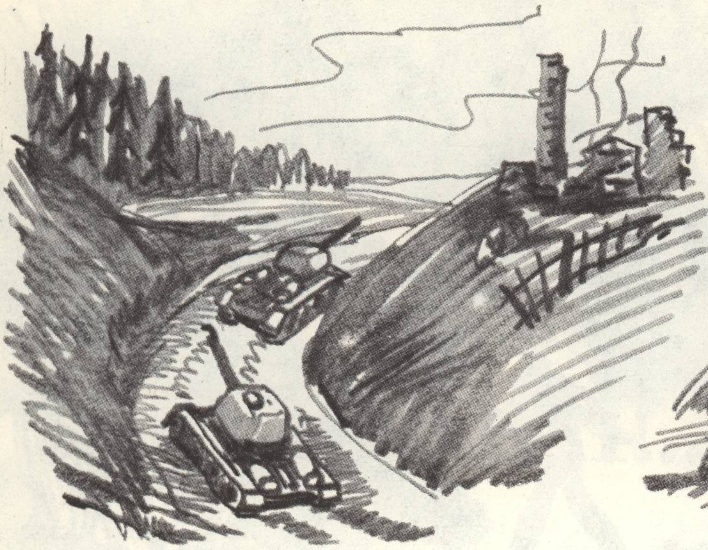
Я ему все объяснил... Он мгновенно оделся, как будто на всякий случай так и спал в брюках и пиджаке.

Мы снова спустились в овраг. Но на этот раз мне уже не казалось, что за кустами кто-то притаился. Луны по-прежнему не было, но ночь показалась мне гораздо светлее.

Матвей Степанович сделал бабушке укол и посидел возле нее... Она скоро заснула.

А я до утра не спал. Потому что вдруг понял, что тот, кто никого не спас, никому не помог, не знает, что такое счастье. А я теперь знаю!

Ну, а папа, узнав о моем, как он сказал, благородном поступке, воскликнул: «Ай да Пятеркин!» ★

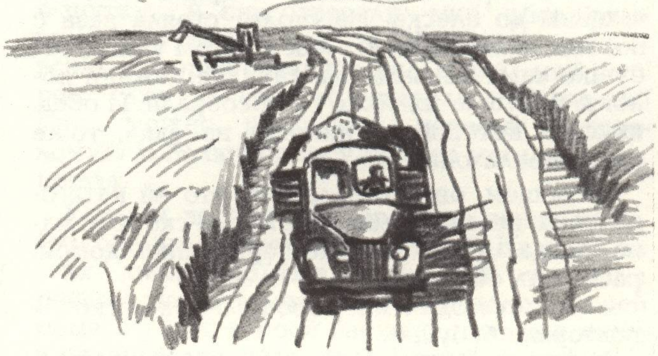
ТВОИ НАСТАВНИКИ

Станислав **КОСТЕРИН**

ДОРОГА К ХЛЕБУ,

или страницы жизни Леонида Картаузова

Летом 1941 года отец отправил Леню из Ленинграда к родным в деревню Стехнево, Калининской области. Соседей по вагону попросил присмотреть за восьмилетним мальчиком. На всякий случай положил Лене в карман бумажку с домашним адресом. При прощании сказал:

— Не скучай. Скоро в отпуск к тебе приеду.

Началась война. Деревню Стехнево заняли фашисты, Лене пришлось остаться здесь надолго.

В блокадную зиму сорок второго года в осажденном Ленинграде умер Ленин отец. Слесарь-лекальщик вагоноремонтного завода, он все время просился на фронт. Но завод выпускал военную продукцию, и Михаила Картаузова не отпускали. Он умер от истощения, упал на улице...

Леня стал разведчиком. По заданию своего дяди, партизана Александра Картаузова, Леня ходил по деревням, собирал сведения о расположении оккупантов.

В 1943 году полк, в котором служил Леня, освободил деревню Стехнево. Партизаны представили командованию десятилетнего разведчика Леонида Картаузова. И Леня стал сыном этого полка. Через несколько дней в подразделениях слышали:

— Связной рядовой Картаузов! Пакет!

А вечером командир в штабе ругал Леню:

— Я вас куда посылал, Картаузов? Отвечайте, как полагается! Правильно, к комбату. А вы где оказались? Мало ли что комбат ушел в окопы! Запрещаю лезть под огонь!

И вдруг ласково:

— Слушай, Ленька, сынок, давай завтра в суворовское отправлю!

— Нет, я хочу с вами остаться!—твердо отвечал Леня.

Дивизия, в которой воевал Леня, с боями подошла к Эстонии. Колонна штабных машин возле Тарту попала под бомбежку. По команде «Воздух!» Леня спрыгнул за борт «студебекера»... на минное поле. Его тяжело ранило. Пришлось ампутировать ноги.

...В городе Соколе госпиталь размещался в доме культуры. Койки стояли в зале и на сцене. По тесному проходу двое выздоравливающих вели Леню, поддерживая под руки. На ноги носками назад были надеты кирзовые сапоги, набитые тряпками. Леня полз на коленях. Он хотел во что бы то ни стало научиться ходить.

Из госпиталя Леня попал в Ейский детский дом. Он хотел все время вернуться домой в Ленинград и однажды убежал из детского дома.

В Ленинграде бабушка упросила принять внука без документов в профессиональную школу инвалидов Отечественной войны. Леня выучился на сапожника. Работал в артели, потом на фабрике «Скороход», потом на обувной фабрике в Каунасе, куда его пригласил дядя. Работал, как все. Ходил в шестой класс вечерней школы, много читал.

В 1955 году многие друзья Леонида уезжали на целину. Он тоже пришел в горком комсомола.

— А что, на целине сапожники не нужны? Там обувь тоже рвется!

— Ладно, бери обходной и на медкомиссию.

Вот тебе на! Да какая же медкомиссия его пропустит? И все-таки рискнул — пошел.

Терапевт: «Здоров».

Окулист: «Здоров».

Открыл дверь в кабинет хирурга—отпрянул.

Через несколько минут был на фабрике у друзей:

— Ребята, выручайте! Хирург меня ни за что не пропустит! Кто за меня пойдет? Вот мой пропуск на фабрику.

Обходной лист был сдан в горком. В списке отъезжающих, вывешенном у дверей комсомольского комитета, Леонид нашел свою фамилию. И до самого отхода поезда не верил, что и он едет на целину. Не выходил на митинг на перрон, вызвался дежурить по вагону. А вдруг кто-нибудь заметит, что он без ног?

Приехали в Джетыгаринский район. Стояли сорокаградусные морозы. Здесь, в голой степи, и начинался зерносовхоз «Чайковский».

В палатке отвели Леониду уголок. Ребята строили дома. Приходили, швыряли валенки: не степь, наждак какой-то! Утром валенки были аккуратно подшиты. Валенки сменяли ботинки. Пошли подметки, набойки. Стучи, Леонид, за тем и приехал! Дни текли. Стук. Стук. Кончился материал: ждать, писать заявки? Подумал и написал... заявление: «Прошу оформить меня разнорабочим».

Директор протянул бумагу обратно:

— Ты долго думал? Знаешь, что такое «разные работы»?

— Знаю.

— Долбить у реки камень. Таскать на стройку.

Но поди откажи этому упрямцу! Видел директор, как Картаузов выходил на волейбольную площадку, как стоял за одну из команд в футбольных воротах. Знал, как сюда, на целину, прорвался.

Не раздумал Леонид. Носил камни. Как все. Никто, кроме него самого, не знал, чего ему это стоило.

Конечно, он мог жить в Каунасе. Брать заказы на дом, хорошо зарабатывать. Так учил его жить один знакомый на фабрике: «Далась тебе эта целина! Что ты, сам себе враг?»

Но не по нему была такая жизнь. Он поехал на целину, чтобы быть ближе к хлебу. Хотел работать на тракторе. Он знал, что добьется своего.

Совхоз «Чайковский» строился, рос, осваивал новые целинные земли. Механизаторов не хватало. Многие прицепщики сели на трактор. И Леонид стал проситься в прицепщики.

— Хорошо, иди на трактор, к Анисиму Сироткину, — согласился директор.

Картаузов как-то сказал Анисиму:

— Не мыслю целину без трактора.

Рисунки П. ПАНЧЕНКО.

Леонид Михайлович Картаузов.

Сироткин ответил:

— Смотри, учись, все делай, как я.

Когда трактор вставал на ремонт, Леонид пересаживался со своего железного кресла прицепщика в кабину Анисима—«практикой проверял теорию»— все учебники для механизаторов он знал наизусть.

Как-то уехал Сироткин по делам. Остался Леонид один.

«Ну, смелее, Картаузов!»—сказал он себе и включил первую передачу. Переключил на вторую. Норма! Леонид почувствовал власть над землей. Трактор шел по полосе, шел ровно.

Анисим вернулся только к вечеру. Он долго смотрел, как работает Леонид. Не отругал его. Все понял:

— Что ж, раз такое дело. Ты в день, а я в ночь пахать будем.

Осенью, когда совхозу на уборочную нужны были механизаторы, Леонид сдал экзамены на тракториста.

...Есть такое нехитрое приспособление. В учебниках называют его рычагом первого рода. Каждый может соорудить такой рычаг и большой груз поднять. Леонид Картаузов любит говорить: «Не уступай в малом—поднимешь большое».

Он, Леонид Михайлович, счастливый человек. Потому что в любую минуту его жизни с ним рядом были настоящие люди: целинники Иван Сторожук, Анисим Сироткин, Семен Фердман, секретарь комитета комсомола, директор совхоза «Чайковский» Кузьма Митрофанович Селиванов, директор совхоза «Родина» Николай Гаврилович Терещенко.

В совхоз «Родина» Леонид Михайлович переехал в 1965 году. У директора совхоза было правило: с каждым, кто приезжал в совхоз на работу, он разговаривал сам.

— Ты чего прихрамываешь, Леонид Михайлович?— спросил директор.

— Ботинки новые надел. Не разносил еще.

Недели через две, объезжая бригады, директор заехал и в ту, в которой работал Картаузов. Он спал в вагончике после смены. Протезы лежали рядом. Так вот что за новые ботинки!

1969 год был трудным для целинников. Поздно созрели хлеба. Поздно их убрали. Надо было торопиться, чтобы не погиб урожай. Комбайны осенью шли уже по снегу. Люди почернели от усталости. Леонид Михайлович в этом году начал работать на комбайне.

В декабре 1972 года механизатора совхоза «Родина» Леонида Михайловича Картаузова Целиноградское телевидение пригласило провести «открытый урок» по истории области для школьников. Он выехал рано утром. На студии сразу же попал в объятия журналистов:

— Поздравляем! Только что по радио сообщили, что вам присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...В школьном музее пионеры оборудовали стенд «Первоцелинники». На стенде портрет Леонида Михайловича и рассказ о нем.

— Рановато мне в музей,—смеется Леонид Михайлович.

Он часто бывает в этой школе, здесь учатся его дети Саша, Юра и Оля. (Старший, Сергей, уже работает учеником токаря в совхозе.)

Леонид Михайлович любит рассказывать ребятам о целине. Он хочет, чтобы они полюбили ее так же, как любит ее он.

В апреле 1974 года на трибуну XVII съезда комсомола поднимается Леонид Михайлович Картаузов.

«Когда прогремел комсомольский призыв «Даешь целину!», я посчитал, что мое место там»,— говорит он, обращаясь к молодежи.

Трудной была его дорога к хлебу. Целинным Мересьевым называют теперь коммуниста Леонида Михайловича Картаузова, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР.

После огненного дождя

Эти снимки сделаны учеными-вулканологами на Курилах, на склонах знаменитого вулкана Тятя. Недавно он прогремел извержением огромной силы. А вот какими зелеными были его окрестности до извержения: мощные ели, высокотравье, по берегам речушек заросли могучих лопухов — человек утопает в них с головой.

Но временами вулкан оживает, и всему, что растет вокруг, суждено погибнуть. Ужасный рев, чудовищный грохот. Потоки лавы и камней ломают деревья, сжигают зелень.

Из кратера поднимаются тучи пепла. Все вокруг покрывается безжизненным, серым налетом. Пепел шуршит и шуршит. Ветер переносит его на огромные расстояния, и ветви деревьев сгибаются под тяжестью уже остывшего пепла.

В прошлом году Тятя вел себя не совсем обычно. Основной кратер, видимо, был закупорен, и взрывы шли на склонах, у подножия. Появилось много взрывных воронок. Только искалеченные стволы деревьев напоминают о том, что на месте воронки совсем недавно был лес.

Чем дальше от воронки, тем выше ростом становится голый, безлиственный лес, тем больше веток остается на стволах. Сюда уже не долетают вулканические бомбы и большие куски лавы. Лапилли — мелкие частицы — не повредили ветвей деревьев. Посмотрите: взрыв был совсем недавно, и за спиной человека еще дымится вал выброса из воронки. А вулканологи уже здесь, ведут свои наблюдения.

В последнее время стал просыпаться вулкан Ключевской, один из самых активных на Камчатке. Ночью над его кратером полыхает зарево. Земля вокруг засыпана пеплом. Вулканологам предстоит большая и интересная работа.

Л. ШТЕРН

Фотографии В. НАБОЙЧЕНКО и Л. СМЕЛОВА.

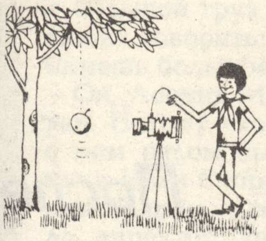

Лариса Вольфсон,
г. Могилев.
«Одуванчики».

КАК СНИМАТЬ РОМАШКУ

Итоги фотоконкурса «Родная природа»

Год назад наш журнал объявил фотоконкурс «Родная природа». Мы приглашали участвовать всех, кто любит нашу землю, кто видит красоту родной природы, учится ее защищать и, конечно, умеет все это выразить языком фотоискусства.

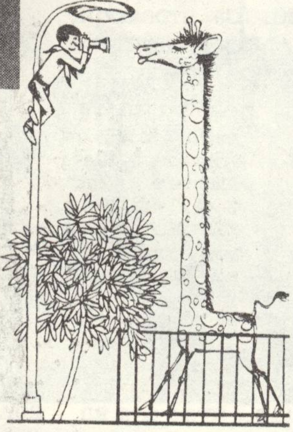
И вот перед нами множество снимков. Мелькают восходы и закаты, деревья в снегу и птицы в небе, портреты собак, кошек и даже любимых кроликов. Трудно определить лучшие работы? Оказалось, совсем нетрудно. Вот они, эти работы: **«Одуванчики» Ларисы Вольфсон** из Могилева и **«Ромашка» Кости Богатырева** из Москвы.

Почему мы выбрали эти снимки? Да потому, что здесь выполнены условия нашего конкурса.

...Можно снять целое поле ромашек — и это никого не тронет. А можно снять лишь цветок — цветок, сумевший вырасти и уцелеть рядом со стальными рельсами. И в этом снимке выразить очень многое: и бережное внимание к природе, к ее хрупкой красоте, и пронзительное чувство ответственности за все живое на земле...

Работа Кости и технически хорошо сделана, а главное, она освещена мыслью автора, настроением.

Нам кажется, что Ларисе тоже удался снимок. Она, наверное, долго искала свой кадр, волновалась, стараясь выбрать цветы так, чтобы они не просто торчали рядом друг с другом.

И это получилось: четкая композиция и приглушенный фон делают снимок красивым и выразительным. Перед нами как бы остановившийся кадр из жизни растения: еще миг — налетит ветер, и поплывут по воздуху белые парашютики семян, неся новую жизнь...

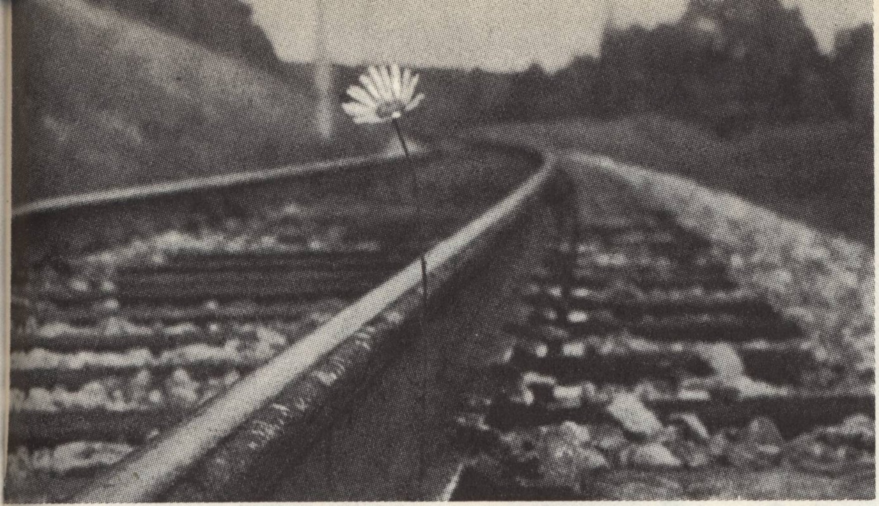
К сожалению, многие ребята, снимая природу, не задумываются, что и зачем снимают. Увидели лебедей — щелк затвором, собака бежит — еще щелчок, красивое дерево в снегу — обязательно на-

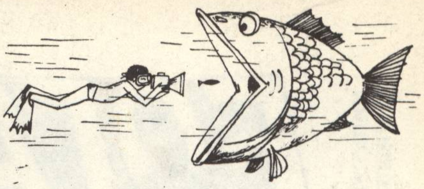
Владимир Кияница,
г. Батайск.
«Операция «Ромашка».

Александр Пшеничный,
г. Батайск.
«Друзья пернатых».

Константин Богатырев, г. Москва. «Ромашка».

Рисунки А. АСТРЕЦОВА.

до снять, и так до бесконечности. Мы получили много снимков. Есть среди них грамотные, технически неплохо сделанные. О некоторых из них хотелось бы поговорить.

«Операция «Ромашка», Владимир Кияница, г. Батайск.

«Друзья пернатых», Александр Пшеничный, г. Батайск.

Оба снимка рассказывают о хороших делах ребят. Это как бы фоторепортаж с места события. Но у репортажа свои законы: он должен быть точным и понятным. Мы же можем только догадываться, что происходит на снимке Володи Кияницы. Если бы не подпись, можно подумать, что ребята просто гуляют и развлекаются, обрывая цветы.

«Друзья пернатых» — тема, хорошо знакомая фотолюбителям. Здесь надо было точнее выбирать момент для съемки, а то получается, что скворечником девочка поддерживает мальчишку.

«Знакомство», Саша Довгаль, г. Харьков, фотокружок Дворца пионеров имени П. П. Постышева.

Когда фотографируешь птиц и зверей, надо не жалеть времени на наблюдение за ними, выбирать только самые интересные моменты. Иначе получаются заурядные кадры. Что на снимке — лебеди из зоопарка, угнетенные неволей? Или вольные птицы на своем родном озере? Мы не знаем этого, и снимок здесь не помогает...

«Грачи», Николай Елисеев, село Сафоновка, Саратовской области.

Николай Елисеев. с. Сафоновка, Саратовской обл. «Грачи».

Снимок у Николая мог бы быть очень красивым, если бы он его получше напечатал. Замечательно выбрана композиция — кружево ветвей на фоне неба еще подчеркивается темными пятнами грачиных гнезд. Снимок радует глаз красивым черно-белым узором.

«Старая крепость», Володя Кияница, г. Батайск.

Этот снимок задуман интересно. Володя пишет, что главное здесь — живое деревце, он выделяет его среди развалин. А можно ведь понять этот интересный снимок иначе: за много веков руины древней крепости слились с живой природой. И молодое деревце как бы подчеркивает это единство. Для нас и то и другое одинаково дорого: мы охраняем и природу и памятники старины...

Точка съемки здесь найдена не совсем удачно, и снимок вышел плоским, необъемным. Обязательно нужно было дать передний крупный план — выступ стены, ветку, дерево. В фотографии появилась бы глубина.

Итак, итоги подведены. Поздравляем победителей!

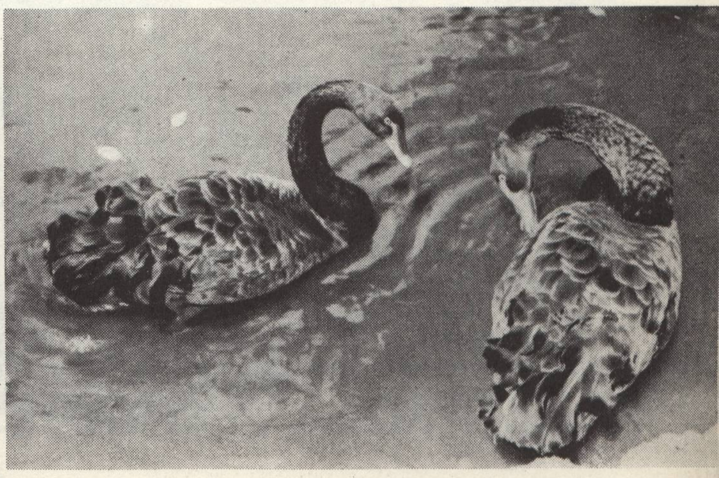
Всем участникам и читателям: напишите, согласны ли вы с нашим решением. Продолжать ли нам этот конкурс?

Ждем ваших писем.

Владимир Кияница, г. Батайск. «Старая крепость».

Александр Довгаль, г. Харьков. «Знакомство».

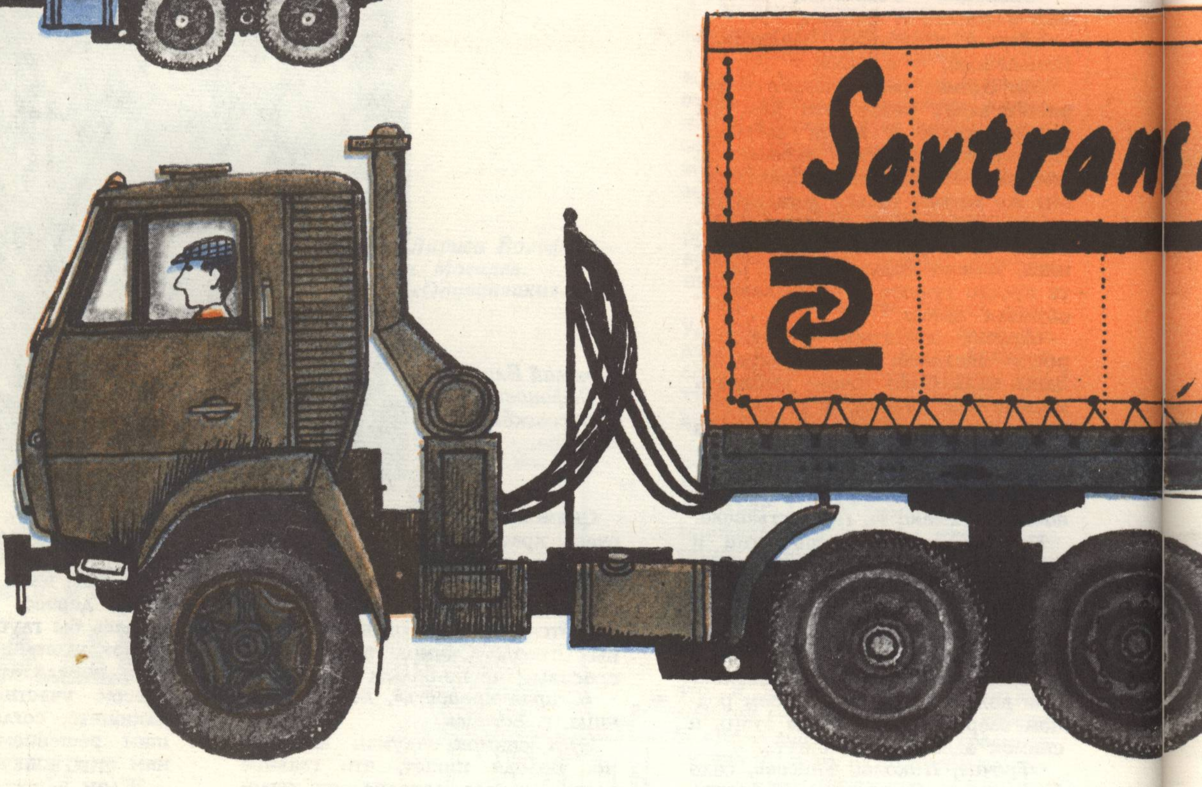
ПЯТИЛЕТКА — ГОД ЗАВЕРШАЮЩИЙ

БОГАТЫРСКОЕ СЕМЕЙСТВО

Б. КОЛЕСОВ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

Грузовики... Сколько их сегодня снует по асфальтовым магистралям!

Быстры и могучи МАЗы.

Надежны и красивы ЗИЛы.

Славятся высокой проходимостью ГАЗы— по любому проселку проедут.

БелАЗы своей большой грузоподъемностью знамениты. Среди них есть такие богатыри, которым сто тонн груза нипочем.

КамАЗы...

А это что за марка?

О, об этой марке знает уже весь мир, хотя мало кто может похвалиться, что он сидел за рулем КамАЗа.

КамАЗ — автомобиль будущего. В нем сочетаются достоинства всех автомобилей. Он соединил в себе быстроту МАЗа, надежность ЗИЛа, высокую проходимость ГАЗа и недюжинную силу БелАЗа.

Новую машину не зря называют «вседорожной». Она будет работать на всех видах дорог и в любых климатических условиях.

КамАЗ рождался одновременно с заводом.

Камский автомобильный завод строится в городе Набережные Челны. Завод будет самым большим на нашей планете. Но пока в его цехах хозяйничают строители. Где же рабочие автозавода? Они проходят практику на других предприятиях. Инженеры—командиры будущего производства—тоже учатся.

Если бы все шло обычным порядком, не скоро бы увидел свет новый грузовик.

А время торопит. Стране нужны грузовики.

Поэтому конструкторы Московского автозавода имени Лихачева взялись создать КамАЗ. И получилась у них машина удивительно хорошая.

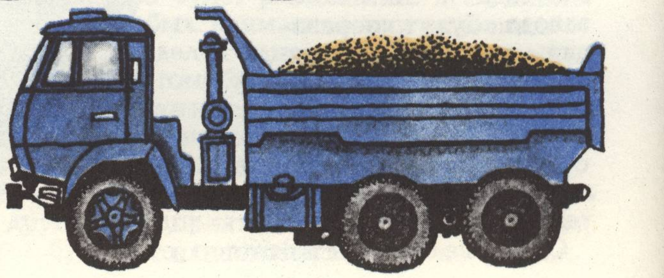
Новый автомобиль будет выпускаться в разных вариантах — появится целое семейство КамАЗов. Это и бортовые грузовики, и

самосвалы, и тягачи. А главное, автопоезда, машины для дальних междугородных перевозок. Скоростные автопоезда Камского завода будут перевозить намного больше грузов и делать это гораздо быстрее, чем раньше. На всех дорогах страны, на дальних и ближних стройках будут работать КамАЗы.

Опытные образцы изготовили там

Вот оно, богатырское семейство КамАЗов! Вверху ты видишь два автопоезда. Фрукты повезет рефрижератор — холодильник на колесах. Основа КамАЗов — вот эта рама с двигателем и колесами (шасси). Особый сцепной механизм («седло» — на него опирается полуприцеп) превращает шасси с мощным двигателем в тягач. Внизу — самосвал.

же, на заводе имени Лихачева. А потом семейство КамАЗов попало в руки испытателей. Машины побывали на горных перевалах Крыма, в пустынях Средней Азии, в Сибири. Как их испытывали? А вот так.

КТО БЫСТРЕЙ!

Отправили сначала на полигон под Москву. Четыре тысячи километров надо было пробежать по булыжной мостовой. Так проверяется прочность машины. А для испытаний двигателя при больших нагрузках построена особая скоростная дорога—бетонированное кольцо длиной в четырнадцать километров.

За день каждый КамАЗ пробегает по кольцу около тысячи километров со средней скоростью восемьдесят километров в час. КамАЗ показал хорошую надежность. Испытатели остались довольны. Но все познается в сравнении. Решили они устроить соревнование между КамАЗом и последней моделью самосвала Минского автозавода. Кто быстрее?

Первый день МАЗ был впереди. Очень уж высокую скорость развивает эта машина. Правда, водитель очень устал. Вечером он лег спать раньше всех, чтобы отдохнуть перед завтрашней гонкой.

Завтра все началось сначала.

НА «КРЮЧКЕ»

С первого же круга МАЗ вырвался вперед. Ревет его мощный дизель, дрожит машина, ходуном ходит, и у водителя от тряски зуб на зуб не попадает.

На следующий день МАЗ плелся позади всех. У водителей есть шутливый обычай. Обгоняют соперника — показывают ему согнутый палец. Дескать, не взять ли тебя на «крючок», на буксир то есть.

Насмотрелся этих «крючков» водитель МАЗа и после гонок обиженно сказал:

— МАЗ — тоже хорошая машина. Да только какое может быть сравнение? У вас как на легковом автомобиле. Полный комфорт! А у меня печенка чуть не отваливается — такая тряска!

Что верно, то верно. КамАЗом управлять так же легко, как «Волгой» — легковой машиной. Как же так? Ведь полностью загруженный автомобиль с прицепом весит около тридцати тонн! А повернуть руль грузовика сможет любой школьник — тяжелая машина его послушается. Все дело в том, что усилие, которое прикладывает водитель, поворачивая руль, многократно увеличивается. Это делает специальный механизм — гидроусилитель.

Машина послушная — это важно, если вести ее надо много дней подряд на дальние расстояния. К тому же кресло водителя будто на мягкой подушке покоится — подрессорено. На булыжнике автомобиль трясет, а шоферу хоть бы что — слегка покачивается в своем кресле. Даже приятно.

ГОРНЫЙ ТОРМОЗ

Крым.

Лагерь испытателей разбит на окраине Алушты.

Не море привлекло сюда создателей КамАЗа и не ласковое солнце. Горные дороги — вот это да! Сколько здесь поворотов, затяжных подъемов, крутых спусков! В горах, как нигде, удается проверить надежность тормозной системы, рулевого управления, двигателя.

С четырех часов утра до восьми вечера носятся по трассе КамАЗы.

Самое коварное место — спуск с горы Ай-Петри к Ялте. Тяжелая машина, кажется, несется прямо вниз, к белой пене прибоя. Тормоза крепко держат машину, но подсчитали испытатели, сколько раз приходится им жать на педаль, и ахнули. Только на одном спуске с Ай-Петри — девяносто раз!

Куда это годится? Надо, чтобы какое-нибудь устройство подстраховывало шофера.

И тогда придумали конструкторы горный тормоз.

Сделан он в виде заслонки на выхлопной трубе. Нажимаешь кнопку — заслонка перекрывает выхлопные газы, идущие от двигателя. А сам двигатель превращается в компрессор: тратит свою силу на сжатие газов и тормозит при этом колеса, не позволяет им быстро двигаться.

Испробовали новинку. И что же? На спуске с Ай-Петри понадобилось всего тридцать раз нажать на педаль.

Облегчение водителю? Конечно. Так и вошел горный тормоз в конструкцию КамАЗа.

Тяжелые станки, мебель, даже трубы сможет перевозить такая машина — седельный тягач КамАЗ 54 102 с удлиненной платформой.

ЕЩЕ О ТОРМОЗАХ

Кстати, хотите проехаться на КамАЗе? Я, например, хочу. Пусть будет как в сказке — по моему хотению.

Вот сажусь я в кресло водителя. Вставляю ключ в замок зажигания. Сразу загорелись лампочки на передней панели.

Свет их красный, тревожный.

Красная лампочка мигает. Зуммер гудит. Эй, шофер, смотри и слушай—давление масла недостаточно, ехать нельзя!

Я запускаю двигатель, сразу начинает работать масляный насос—лампочка гаснет, зуммер успокаивается. Давление масла в норме.

Зато другие лампочки горят. Им-то что надо? Воздуха нет в тормозной системе. Значит, тормоза не работают. Об этом лампочки и оповещают.

Подумаешь, какая беда: воздуха нет!

Даю газ — поехали! Не тут-то было. Не едет автомобиль. В чем дело?

Дело в безопасности движения.

Конструкторы позаботились, чтобы аварийный тормоз не позволял двигаться автомобилю, когда не действуют основные тормоза.

Был случай при испытаниях одного из первых образцов КамАЗа. Автомобиль мчался с огромной скоростью— сто километров в час. И вдруг лопнул карданный вал. Мгновенно трубки, по которым воздух подводился к тормозным устройствам, перебило. Если бы водитель захотел воспользоваться ножным или ручным тормозом, из этого бы ничего не вышло.

Но не успел испытатель глазом моргнуть, как сработал аварийный тормоз. Грузовик тут же остановился.

И шофер остался невредимым и машина. Конструкторы разобрались, почему лопнул карданный вал, приняли свои меры. Но тормоз-то, тормоз каков! Полная гарантия безопасности. Ни на одном современном автомобиле такого не сыщешь. Впервые в мире испробовано это устройство на КамАЗе и сразу же оправдало себя.

ЭКЗАМЕН В ПУСТЫНЕ

Побывали КамАЗы и в Красноводске—городе на берегу Каспийского моря. Отсюда они двинулись через пустыню Каракумы...

Раскаленные машины неслись по безлюдным просторам. Испытатели проверяли систему охлаждения двигателя. Их интересовал вопрос: сможет ли дизель КамАЗа нормально работать в сложных условиях Каракумов?

Будьте спокойны, будущие властители КамАЗов! Вашим машинам не страшно никакое пекло.

Прошли КамАЗы и по ледяным пустыням Сибири.

Удивлялись сибиряки. До чего закаленный народ эти испытатели! Стоят трескучие морозы, а водители КамАЗов сидят в кабинах в тоненьких ковбоечках да еще пошучивают: «Что-то жарковато нынче в Сибири».

По утрам местные шоферы костры жгли под своими машинами, двигатели отогревали. А под КамАЗами никто не собирался огня разводить. Зачем?

— Как зачем?— удивлялись сибиряки.— Да ваши КамАЗы с места не стронутся!

— Смотрите, показываем фокус,— отвечали испытатели.— Раз, два, три, четыре, пять...— и КамАЗы медленно трогались с места.

Весь фокус в системе обогрева КамАЗа. Для двигателя устраивается специальный предпусковой подогрев. Не забыт и шофер. Его кабина хорошо утеплена: в ней установлен обогреватель.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Камский автомобильный завод будет выпускать сто пятьдесят тысяч грузовиков в год. К тому времени, когда вы окончите школу, по дорогам страны разбегутся сотни тысяч КамАЗов. Они доказали, что могут успешно трудиться в любых районах нашей Родины: в краю синих гор, в тундре, в таежных дебрях и в сыпучих песках.

Очень нужны КамАЗы нашему народному хозяйству. Сейчас средняя грузоподъемность машины — четыре тонны. КамАЗы будут поднимать на одну тонну больше. На миллион тонн сразу увеличится груз, который сможет поднять автомобильный парк страны! А скорость новых машин такая, что время дальних перевозок сильно сократится.

Вот вы прочитали уже, что у КамАЗа двигатель дизельный. А знаете, какую выгоду дают дизели? Вместо бензина они потребляют солярку, которая намного дешевле. И топлива расходуется меньше. Примерно на пятнадцать процентов. Это принесет огромную экономию горючего. Специалисты, говоря о выгодах применения КамАЗов, употребляют слово «дизелизация». За КамАЗами придет время «дизелизации» всего автомобильного транспорта страны. Мощные экономичные дизели помогут не только резко увеличить перевозки, но и сберечь для химической промышленности ценнейшее сырье.

Вас, ребята, ждет увлекательная работа на лучших в мире автомобилях. Вас ждут дальние дороги!

Однажды в детстве я прочитал книгу...

КАК «ЗЕЛЕНЫЙ ЕЖИК» СТАЛ МОИМ ДРУГОМ

Не так давно сбылась моя заветная мечта: я окончил университет и стал биологом. Еще в школе я прочитал книгу **Николая Михайловича ВЕРЗИЛИНА «Путешествие с домашними растениями».**

Я узнал много интересного о неведомых мне растениях: о красавице пустыни—финиковой пальме, о монстере «плаксе» из лесов реки Амазонки, об «умеющем играть в прятки» амариллисе.

Все эти удивительные растения мне очень захотелось поселить у себя на подоконнике и в саду. Особенно я мечтал о карликовом кактусе ребуции родом из Южной Америки. У этого «зеленого ежика» очень красивые цветки, которые чуть ли не больше самого растения и напоминают, как сказано в книге, «тонкую лилию».

О своем желании я написал в ботанический сад и скоро получил оттуда семена заветного растения. Наступили солнечные весенние дни, и я посеял их так, как советует в книге ее автор. Сколько у меня было радости, когда появился первый бледно-зеленый проросток!

Через два года на своем кактусе, который был не больше наперстка, я заметил среди колючек два небольших малиновых бугорка. «Неужели будут цветы?!» — подумал я. Сначала медленно, а потом все быстрее бугорки росли. Стало ясно, что это и вправду бутоны.

Однажды утром лепестки, сложенные трубочкой, распустились. Они были удивительно красивые, эти цветы: ярко-красные, с крупными золотистыми пыльниками, висящими на тонких белых нитях. Следующей весной цветков было шестнадцать. А еще через год на маленьком колючем растеньице

распустились один за другим двадцать два прекрасных цветка. Вот уж действительно: маленький, да удаленький.

С тех пор каждой весной, когда за окнами еще лежит снег, «зеленый ежик» дарит мне «букеты» чудесных «лилий». Теперь я не только любил природу, я решил стать биологом.

Книга профессора Н. М. Верзилина «Путешествие с домашними растениями» издавалась в нашей стране уже шесть раз.

Вы, ребята, тоже можете отправиться вместе с Н. М. Верзилиным в это необычное путешествие. Не выходя из комнаты, вы побываете в знойных пустынях, влажных тропических лесах и цветущих субтропиках и узнаете много интересного из жизни домашних растений.

В добрый путь!

В. БУЗАНОВ

КНИЖКА ПРО КНИЖКИ

...И вот ты снова в библиотеке. Полки... Полки... Полки... На каждой стоят, тесно прижавшись одна к другой, книжки. Толстые и тонкие, с картинками и без. А сколько еще книжек в красивых и ярких обложках выставлено на стеллажах!

Какую же взять сегодня? Какая окажется для тебя самой интересной, самой нужной? Как быть? Нельзя же перелистывать одну книжку за другой, пока случайно не нападешь на ту, которая заинтересует тебя с первой же страницы. Не отчаивайся. Есть книжка, очень нужная и полезная, называется она «В СТРАНЕ ИНТЕРЕСНЫХ УРОКОВ». Она поможет тебе.

Допустим, ты любишь историю. Ты хочешь узнать поподробнее о том, как жили люди в Древней Руси, как воевали солдаты Суворова, как готовили восстание декабристы.

Открой главу «История», она подскажет тебе, где рассказано про то или иное историческое событие. О каждой книжке написано живо, интересно, а то и приведен небольшой кусочек из нее, прочтешь его — и словно уже начал читать то, что давно хотелось прочитать. Другие главки этой замечательной книжки, составленной работниками Государственной республиканской детской библиотеки РСФСР, познакомят тебя с книжками по математике и природоведению, по русскому языку и литературе...

Теперь у тебя свой собственный проводник по необозримому океану книг. Я уверен, что ты не раз скажешь ему «Спасибо!».

А. ДОРОХОВ

Когда тебе очень весело или очень грустно и хочется сказать об этом всем, но так, как никто еще не говорил, ты начинаешь складывать стихи, правда?

Точно так же твои ровесники в разных странах мира берутся за перо, чтобы попробовать сказать о себе, о земле, на которой живут, самое важное, самое главное.

На борту нашего «Кораблика» уже гостили юные поэты Франции, ДРВ, ГДР, Болгарии.

Из самого сердца Америки, из города Бруклина, донеслись до нас тревожные голоса негритянских подростков.

И вот наш «Кораблик» у берегов далекой Австралии.

Здесь пустыня, яростное солнце, раскаленный песок, и горы, одетые лесами, и долины в густых травах, и ручьи, скачущие по камням.

«Великая и одинокая» — так назвали сборник стихов о своей родине поэты Австралии, назвали с любовью и болью.

Рядом со стихами взрослых в этом сборнике напечатаны стихи австралийских школьников. С ними мы и познакомим тебя.

День и ночь стучит в берег этой земли океан. То ласковый, то угрюмый, он живет и в стихах детей.

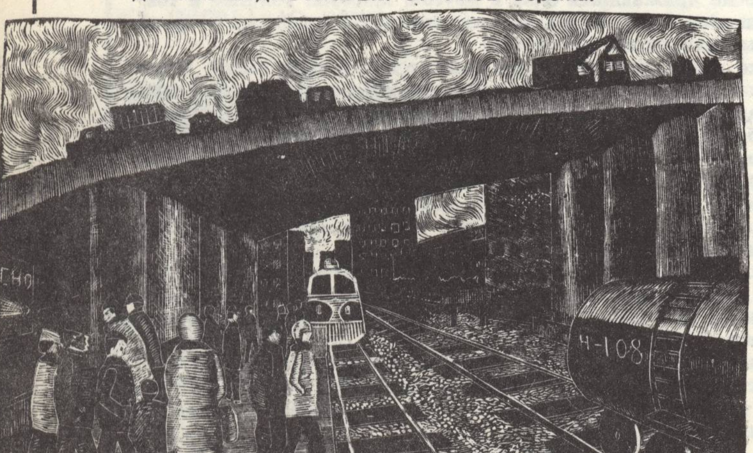
Петер ФРЭЙЗЕР

Морские травы

Холодные, скользкие,
Но как царственно камни они обвивают;
Противны на ощупь,
травы моря меня удивляют,
И кажется мне, что они
Из чужого, из странного мира.

Зеленые, влажные массы
тысячи рыб укрывают,
Меняют свой вид после каждой волны,
Послушны всем прихотям моря.
Рыбы, они могут прийти и уйти,
Но водоросль — пленница моря.

ДОРОГИ ПОДМОСКОВЬЯ. **СТРУКОВ Сережа.**

Осенью пустеют пляжи, дуют холодные, злые ветры, и море, летом такое уютное, такое родное, делается незнакомым, враждебным.

Робин СМОЛЛМЕН

Пустынный берег

Крошка краб потихоньку гребет
по песчаному долгому берегу.
Вдруг срывается ветер,
Краб-малыш кувырнулся и катится,
Ударяется прямо о камень.
Он затих,
Он лежит неподвижно.
Он умер.
Берег тянется вдаль, пустой и холодный.

Где вы, чайки и устрицы?
Где сердцевидки-моллюски? Где мидии?
Где дворцы из песка?

Все пропало...
Куда все пропало?
Но об этом не знает никто...
Только ты, только ты, ненасытное,
жадное море!

*

Если тебе восемь лет и у тебя веселый нрав, то даже самое скучное дело вроде стирки превращается в целое приключение.

Жоффрей ДЭВИС

Стиральная машина

Робко заводится,
Еле расходится,
А белье кружит и бурлит.

Вода клокочет,
Вода хлопочет,
Ухает, плюхает,
Шлепает, хлопает,
А белье кружит и бурлит.

Пятна, разводы —
Добавим соды,
А белье кружит и бурлит.

И наконец его полоскают,
И вынимают,
И отжимают,
И бегать по кругу оно
прекращает.

Перевела с английского Татьяна НЕПОМНЯЩАЯ.

Жоффрей еще малыш, а Роберт Крук — подросток. И хотя он умеет по-детски радоваться воскресному утру, его мысли уже полны тревоги о будущем.

Роберт КРУК

Пробуждение

Утренней жизни первая нота,
Что проскользнула в окошко ко мне;
Раннее солнце, прорезавшееся между стволами,
И шум машин, и глубокий, сердитый гул
самолетов,
Гул их могучих моторов, которые вечно,
Забыв о покое и сне,
Рвут на куски молчанье восхода;
И снова мир покачивается в тишине.

Какое счастье! Сегодня без школы,
Где по-английски даже пьют и едят.
Но отчего-то мне грустно. Лежу невеселый,
Слыша привычные звуки. Они возвратят
За ночь забытое эхо тусклых,
медлительных дней.

Кто мне подарит другое?
Раннее утро свободы,
Безоблачный полдень надежды,
День бесконечного счастья...
Неужто он не придет?
А за тонкими стеклами снова
Яростный гул моторов,
И шум машин, и встревоженных птиц
Хриплые голоса.

В нынешней Австралии природе приходится несладко. Гибнут древние леса, улетают птицы, уходят звери...

Грэхем СМАРТ

Печальный крик машин

Протяжный вой
Несущихся машин
Врывается в мелодию рассвета.
Острые копья слепящего света
Ранят пропахшую гарью
Зарю.

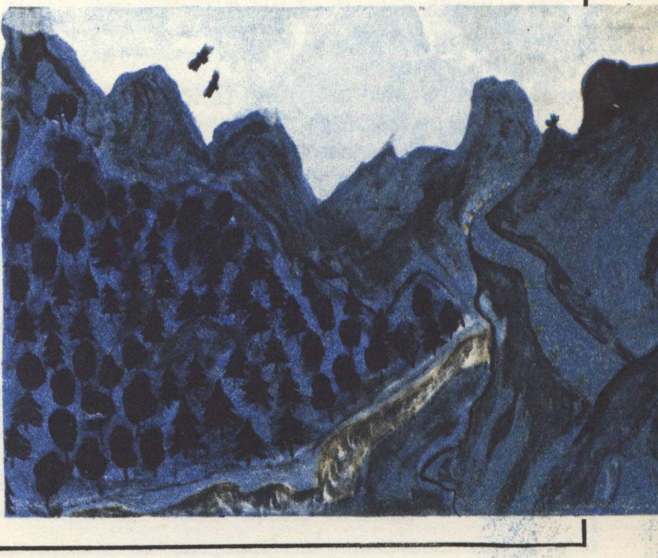
Облако плачет,
Ночь умирает.
И я просыпаюсь
В промышленном штате.

Скорей же, скорей отсюда —
Прочь, вместе с другом-ветром,
Вольным приятелем, ветром,—
Из этого чада, из душного ада
Там и сям снующих машин.

Сквозь облака грозовые —
Бежим к зеленым вершинам,
Вслед за ушедшими днями;
Мы их вернем обратно,
Мы проживем их лучше,
Толковее, чем вчера.

Здесь нас мечты согреют,
Нам утренний бриз навеет
Старинные напевы и леса,
и скал, и воды...
Вдоль по гремящим потокам
Умчимся к сто́ящей жизни
На крепких плотах,

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ. **РАССКАЗОВ Саша.**

Рожденных
В солнечных жарких лучах.

Через ночные долины,
Где росы и тишина,
Где грустный ветер качает
Папоротников веера,—

По шелестящим просторам
Радостно мы пойдем
И всех, кто умеет верить,
За счастьем позовем.
Слышишь?
Слышишь?

Сквозь машинный вой
Вдруг пробился хрупкий голосок.
Где-то ждет рассветная страна,
Но туда не знаем мы дорог.

Только голос утренней мечты
Нам укажет путь.
Так пойдем же.
Голос этот
Слышишь,
Слышишь ты?

Совсем недавно Петер ЛАЙИРИ был таким же беспечным мальчишкой, как тысячи других. Но однажды он взглянул новыми глазами на свою родину. Горьким оказалось это открытие Австралии — страны, где так много нищеты и несправедливости.

Петер ЛАЙИРИ

Поэма земли

Я посмотрел на эту землю,
Чтобы увидеть все в сиянии и свете,
Но тьма была кругом.
Мне так хотелось, чтобы все было прекрасным,
Но оказалось все обугленным и грязным.
Чудесного и мудрого я ждал,
Но только кровь увидел, стон я услыхал.
Искал я счастья, а увидел миллионы страдающих,
измученных людей.
Я выхода искал, но он был заперт.
О помощи молил,
Но не пришел никто.
В тоске я бога звать пытался,
Но след его нигде не отыскался,
И я взглянул на эту нашу землю,
И громко я сказал: она черна!

Венди ДЖОНСТОН — из тех, кто умеет слушать и понимать язык природы. Может быть, поэтому ее стихи так музыкальны. Небо, трава, деревья для нее — живые существа, которые могут испытывать боль, нежность, страх. И так же, как природа меняет гнев на улыбку, так и в жизни, верит девочка, следом за бедой идет надежда.

Венди ДЖОНСТОН

После дождя

Леса безмолвны после ливня.
Весь шум ушел. Лишь слышно в тишине:
Кап, кап
С промокших листьев.

И солнце, кажется, про нас забыло,
И небо хмурится, все в черных облаках,
И вниз глядит уныло.
О радуга!
Сияющая выше туч,
Ты словно радость и надежда.

Вот первый, слабый луч
Пробился сквозь тяжелую завесу
И по земле бежит.

Все понемногу оживает.
За облаками солнце набирает силу
И занавес угрюмый разрывает,
Горячим светом заливая сцену.

Прошли минуты страха и тревоги.

УБОРКА УРОЖАЯ. **РАССКАЗОВ Саша.**

«Кораблику» для Гленна Томпсона

Я прочитала в «Кораблике» стихотворения негритянских сверстников. Сколько в этих строках горя! Я запомнила слова Гленна Томпсона:

«Грязь на улицах и грязь на коже,
И вы называете это жизнью?»

Гленн хочет убежать из этого страшного мира. Но хочется сказать ему: не надо убегать, не надо скрываться куда-то от несчастий! Нужно бороться за свою свободу и за свободу своих сверстников! Гленн, я знаю, как это трудно! Но с тобой все честные люди мира!

Ира МОЗГА, ученица восьмого класса.
Село Чонгар, Херсонская область.

Маргарет МЭХИ

ДРАКОН ОБЫКНОВЕННОЙ СЕМЬИ

СКАЗКА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Значит, так и жила эта семья по фамилии Белсаки — мистер Белсаки, миссис Белсаки и их сынишка Гейлорд Белсаки. Люди они были самые обыкновенные, и дом у них был самый обыкновенный, и стоял он на самой обыкновенной улице. И, конечно, так бы они и жили до конца дней своих совсем обыкновенно, если б в одно прекрасное утро миссис Белсаки не назвала мистера Белсаки паникером.

Вот как это случилось.

День, как всегда, начался с завтрака. Мистер Белсаки, как всегда, опаздывал на службу, а потому старался поскорее покончить с горячей овсянкой. Когда он уже выбегал в дверь, держа в руках портфель и шляпу, миссис Белсаки крикнула ему вслед:

— На обратной дороге, милый, забеги в зоомагазин и купи Гейлорду какую-нибудь зверюшку.

— Зверюшку! — воскликнул мистер Белсаки.— Зачем это ему зверюшка? Да у нас и места для зверюшки нет!

— Ерунда,— отрезала миссис Белсаки.— Что-что, а зверюшку мы ему купить можем! А места у нас хватит хоть для слона, если только Гейлорд этого захочет.

— Для слона! — Мистер Белсаки слегка побледнел. Челюсть у него как-то странно отвисла.

— Ну хорошо, хорошо, не волнуйся,— сказала миссис Белсаки, теряя терпение.— Ведь он же не хочет слона! Он хочет щенка или котенка... Не будь же паникером, мистер Белсаки!

Мистер Белсаки в ярости удалился. Насаживая шляпу поглубже на уши, он пробормотал:

— Паникер! Так, значит, я паникер!

По дороге с работы мистер Белсаки зашел в зоомагазин. Там были белые мыши и хомяки, щенки и котята, птицы всех цветов и родов, золотые рыбки с печальными глазами и попугай по имени Джо. На его клетке висела бумажка: «Не продается».

Мистер Белсаки сердито посмотрел на попугая, а потом обвел гневным взором весь магазин.

Внезапно взгляд его упал на небольшое объявление: «Необыкновенный домашний зверек. Уцененный». Внизу небольшими буквами было добавлено: «Дракон. Умеет вести себя в доме. 5 шиллингов 00 пенсов».

— Цена умеренная,— сказал мистер Белсаки продавцу.—Должно быть, он не очень породистый.

Продавец вздохнул.

— Породистый-то он породистый. У них всего одна порода. Только он очень маленький... К тому же, понимаете, спрос на них небольшой.

Мистер Белсаки заколебался. Дракон посмотрел на него фиалковыми глазами и щелкнул языком.

— Заверните,— сказал мистер Белсаки.

Вот как случилось, что он вернулся домой, неся в коробке из-под ботинок крошечного дракона.

— Что это ты принес в дом? — спросила миссис Белсаки, с удивлением прислушиваясь к возне в коробке.

— Дракона,— отвечал мистер Белсаки с торжеством.

— Дракона? — взвизгнула миссис Белсаки.

— Дракона! — заорал Гейлорд в восторге.

— Он очень дешевый,— сказал мистер Белсаки, прижимая к груди коробку из-под ботинок, словно он опасался, что миссис Белсаки вырвет ее у него из рук.— Ты сказала, что я паникер,— добавил он твердо.— А это ведь не так!

— Выбрал бы кого-нибудь поизящнее,— сокрушалась миссис Белсаки.— Рыженького котеночка или скворушку. Скворцы хоть по крайней мере говорят... А где мы его будем держать?

— У нас места хватит хоть для слона,— напомнил ей мистер Белсаки.

Дракон остался в доме. И начал расти.

Гейлорд его очень любил. Сначала он держал его в коробке из-под ботинок, затем — в птичьей клетке, а потом — в собачьей конуре. Кормил он его из корыта, на котором красной краской написал: «Дракон».

А дракон все рос. Миссис Белсаки даже стала им гордиться.

— Дом теперь как-то совсем по-другому выглядит,— говорила она по меньшей мере раз в день.— Мы теперь вроде и не такие уж обыкновенные.

Приятельницы ее спрашивали:

— Зачем вдруг ему понадобился дракон?

И миссис Белсаки всегда отвечала:

— Мистер Белсаки — человек особенный... Вот зачем!

И никогда не забывала прибавить:

— Уж он-то не паникер, не то, что некоторые!

Наконец даже и двор стал дракону тесен. К этому времени он уже научился дышать огнем и дымом.

Он стал такой большой, что Гейлорд теперь мог кататься на нем верхом.

А потом он стал огромным, как слон. Никто из приятельниц миссис Белсаки больше не приходил к ней в гости. Может, они его боялись?

А дракон все рос.

Он уже стал больше слона! Он стал просто огромным!

Однажды мэр города приехал к Белсаки, чтобы посмотреть на дракона. Мэр изучил его со всех сторон.

— Он слишком велик! Его нельзя держать в районе застроек,— сказал он с раздражением.— Мистер Белсаки, семья у вас самая обыкновенная, и зверюшек себе надо было заводить обыкновенных. Вы должны продать его, мистер Белсаки... В зоопарк. Или в цирк... Или на фабрику дамских сумок. За драконью шкуру вам отвалят много денег.

Мистер и миссис Белсаки очень взволновались и опечалились. Они любили своего дракона, но, несомненно, он для них слишком вырос. Кроме того, прокормить его было уже нелегко.

— Мы даже елку себе в этом году купить не сможем,— сказал мистер Белсаки мрачно.— Да и в отпуск мы не поедем.

— Ну и ладно, а я от своего дракона не откажусь! — закричал Гейлорд.

— Нет, так дело не пойдет,— сказал сердито мэр.— Это уж слишком!.. Даю вам одну неделю, чтобы вы от него отделались.

И он удалился.

— И не подумаем продавать нашего дракона! — сказала миссис Белсаки с негодованием.— Нет, мы просто не допустим, чтобы из него сделали дамскую сумочку!.. Ах, вот бы найти какого-нибудь фермера, любителя драконов. Хорошему фермеру мы бы могли его отдать, пожалуй...

Тут дракон обернулся и посмотрел им прямо в глаза. Впервые они услышали его голос.

— Честно говоря, мне что-то здесь становится тесновато,— сказал дракон.— Хоть я и очень привязался к вашему семейству, придется мне все-таки перебираться в другое место... А что, если я приглашу вас провести со мной рождественские праздники?

— А куда вы хотите поехать? — спросил мистер Белсаки осторожно.

— На Волшебные острова,— отвечал дракон.— Дорога туда известна всем драконам.

Миссис Белсаки на мгновение задумалась.

— Что ж,— сказала она,— это, пожалуй, неплохо. Пойду уложу чемоданы.

В тот день мэр города, приятельницы миссис Белсаки и все их обыкновенные соседи очень удивились. Они увидели, как мистер и миссис Белсаки, а также их маленький сын Гейлорд Белсаки улетели верхом на драконе. Их чемоданы, сумки,

семейство Белсаки взирало на них из окон отведенного им замка и вовсе не стремилось с ними познакомиться поближе.

Когда же наступило рождество, они пропели рождественские гимны вокруг елки, усыпанной крошечными свечками. Это сотни светлячков украсили ее на утешение семейству Белсаки. Елка вздымала свои ветви высоко, и верхушку ее венчала настоящая звезда, далекая и хрупкая...

Из всех рождественских подарков мистеру Белсаки больше всего нравилась великолепная трубка-кальян, которая вызванивала прелестнейшие мелодии, когда он ее раскуривал. Миссис Белсаки получила в подарок швейную коробочку, украшенную изумрудами, наперсток из слоновой кости и крошечные серебряные ножницы в виде аиста. А Гейлорд получил шахматы — крошечные пешки, короли и королевы оживали и бегали друг за другом по всей доске.

корзинки и авоськи были привязаны к драконьему хвосту. Они сказали, что летят только на рождество.

Дракон поднимался все выше и выше — они уже летели в облаках. Прошло время, и дракон начал спускаться. И там, внизу, они увидели синее-синее море с рассыпанными по нему Волшебными островами, зелеными и золотыми, словно листья, заброшенные сюда мечтательным ветерком.

Ах, Волшебные острова! Что же будут делать Белсаки на Волшебных островах? Ведь острова эти, как объяснил дракон, служат прибежищем всем удивительным и необычайным сказочным существам. Что же будет делать на Волшебных островах обыкновенная семья из обыкновенного дома с помойным ведром, чайником и аккуратно подстриженным газоном?

Вот что делали там Белсаки.

Они бродили по лесам, золотым и зеленым, темным, древним лесам. Они любовались звездными башнями замков, вздымающимися из листвы деревьев, и принцессами в окнах замков, — расчесывая кудри, те поджидали принцев, которые должны были расколдовать их. Они свели знакомство со всякими младшими сыновьями — сыновьями королей, мельников, каменщиков и нищих: все они искали счастья...

В иные дни Белсаки отправлялись в огромном галеоне прогуляться по сияющему морю и ныряли за жемчугом в глубокие зеленые воды. Они охотились и уходили в плавание с пиратами и зарывали сокровища в золотистом песке на островах, где кричали попугаи, а обезьяны смеялись на пальмовых ветках. И слушали, как поют русалки на огромных черных скалах, покрытых кружевной пеной от набегающих волн.

А в иные дни они устремлялись на поиски потерянных городов и находили их в зарослях джунглей! Города из слоновой кости и золота, забытые и древние... Или смотрели, как по вечернему небу скользили ведьмы на помеле.

Вдали же, там, где земля смыкается с небом, шагали огромные, словно горы, великаны, занятые своими таинственными делами. С любопытством и беспокойством

Наконец пришло время возвращаться домой. А дракон остался на острове, потому что Волшебные острова — родина драконов.

В обратное путешествие семейство Белсаки отправилось на ковре-самолете. На прощание дракон подарил Гейлорду крошечного черного котенка, который очень громко мурлыкал.

— Ну вот,— сказала миссис Белсаки, вынув последние вещи из чемоданов и обведя свою кухню любовным взглядом.— Теперь мы снова сможем жить, как приличные и вполне обыкновенные люди. Я очень рада, что мистер Белсаки не паникер, а дракона я очень любила. И все же должна сказать, что приятно будет снова жить в дружбе с соседями.

— А на следующее рождество,— спросил Гейлорд с надеждой,— мы полетим опять на Волшебные острова и повидаемся с драконом?

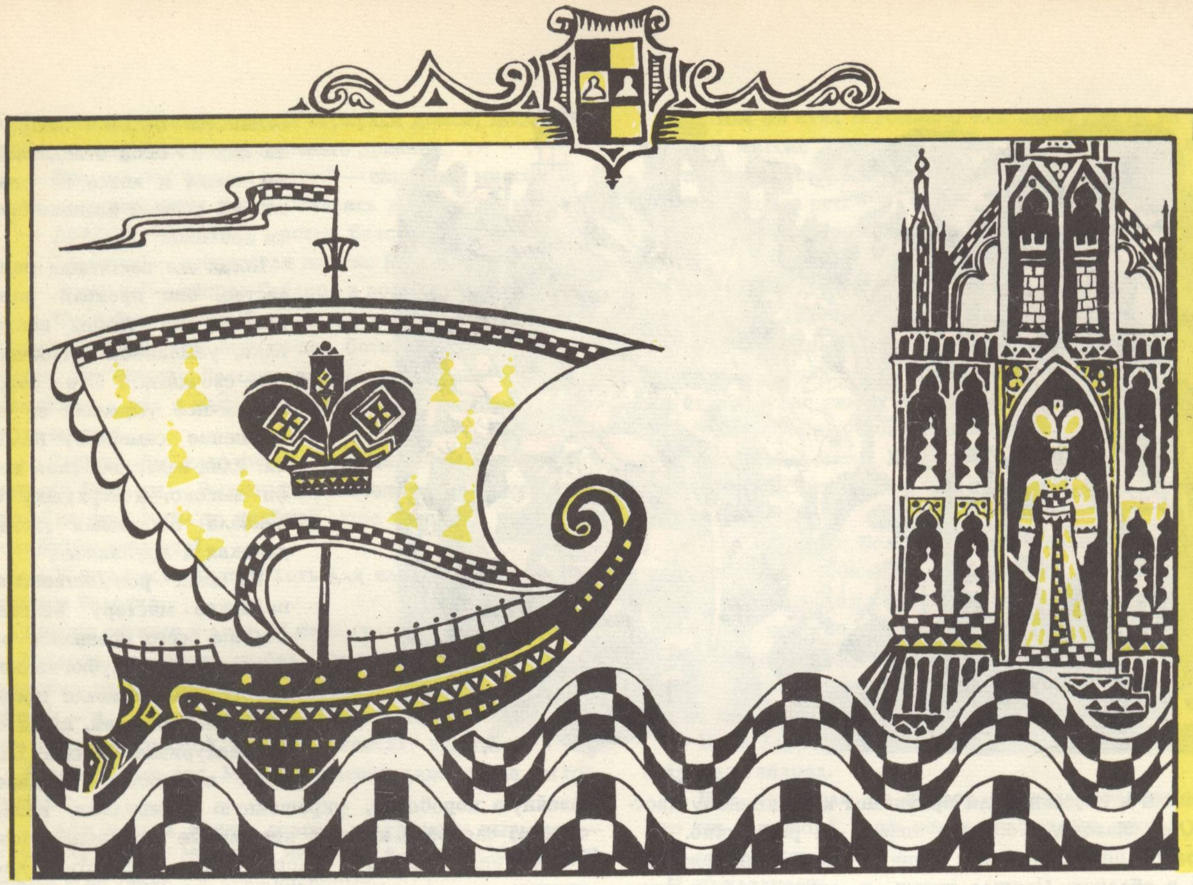
— Кто знает,— сказала миссис Белсаки с легкой грустью,— возможно, мы никогда его больше не увидим...— И печально добавила: — Да, видно, придется нам зажить по-прежнему и снова стать самой обыкновенной семьей. Может, ничего волшебного с нами никогда больше не приключится.

В эту минуту проснулся маленький черный котенок, который спал на коленях у Гейлорда. Он поднял голову, потянулся и сказал:

— Я в этом совсем не уверен,— и снова заснул.

Перевела с английского
Н. ДЕМУРОВА.

Победы и поражения

Умеешь лы ты проигрывать? Странный вопрос, не так ли? Подумаешь, невидаль: уметь проигрывать. Да это каждый может.

Верно. Проиграть не мудрено. Но как сделать так, чтобы и поражение принесло пользу, стало полезным уроком?

Сейчас во всех школах идут турниры клуба «Белая ладья». Есть в этих поединках и лидеры, есть и такие любители шахмат, которых пока преследуют неудачи.

Только, ребята, не ищите для себя оправданий при проигрышах. Надо быть строже к самим себе, постараться понять свои ошибки, чтобы больше их не повторять.

Некоторые шахматисты стараются забыть о своих поражениях, как о плохих снах. Проигранные партии они не разбирают и не анализируют. Много лет назад бывший чемпион мира, замечательный кубинский шахматист Хосе Рауль Капабланка писал:

«Из проигранных партий можно научиться большему, чем из выигранных».

Сделайте для себя правилом: каждую партию, в которой вас постигла неудача, надо записать, разобрать и спокойно о ней подумать.

Обязательно надо установить, где были допущены неточности, как следовало играть. Это и есть умение проигрывать.

При такой работе поражений у шахматиста станет меньше. Он быстро сможет добиться успеха.

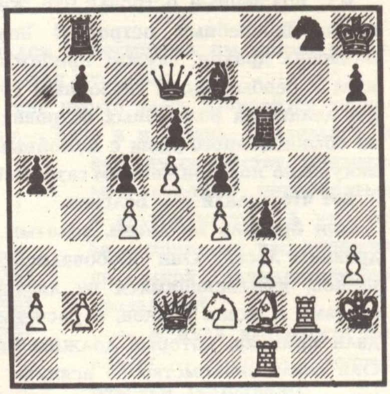
Мины гроссмейстера Котова

Популярный советский шахматист гроссмейстер Александр Котов — автор многих книг, которые вы хорошо знаете. Он всесторонне исследовал творчество русского чемпиона мира Александра Алехина, создал увлекательный роман о трагической судьбе этого человека, покинувшего свою Родину. «Белые и черные» — так называется этот роман Александра Котова.

Шахматист большого таланта, Александр Котов провел немало остроумных комбинаций, а его коварные мины на шахматных дорогах не раз заставляли проигрывать самых грозных противников.

Но не только «шахматные мины» придумывал гроссмейстер. В годы Великой Отечественной войны инженер Александр Котов самоотверженно трудился в оборонной промышленности. Разработанная им конструкция оружия сослужила добрую службу нашим воинам и партизанам. Этот труд гроссмейстера был отмечен высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Познакомьтесь с красивой комбинацией, которую А. Котов провел в партии турнира претендентов на звание чемпиона мира 1953 года против гроссмейстера Ю. Авербаха.

Здесь неожиданно последовало: 1... Фd7:h3+ 2. Крh2:h3 Лf6—h6+ 3. Крh3—g4 Кg8—f6+ 4. Крg4—f5.

Пожертвовав ферзя, черные заставили белого короля отправиться в далекое и опасное путешествие. Партия продолжалась так:

4... Кf6—d7 5. Лg2—g5 Лb8—f8+ 6. Крf5—g4 Кd7—f6+ 7. Крg4—f5 Кf6—g8+ 8. Крf5—g4 Кg8—f6+ 9. Крg4—f5 Кf6:d5+ 10. Крf5—g4 Кd5—f6+ 11. Крg4—f5 Кf6—g8+ 12. Крf5—g4 Кg8—f6+ 13. Крg4—f5 Кf6—g8+ 14. Крf—g4 Сe7 : g5 15. Крg4 : g5.

Удивительная позиция! Белому королю приходится воевать одному, все фигуры не могут прийти ему на помощь.

15... Лf8—f7 16. Сf2—h4 Лh6—

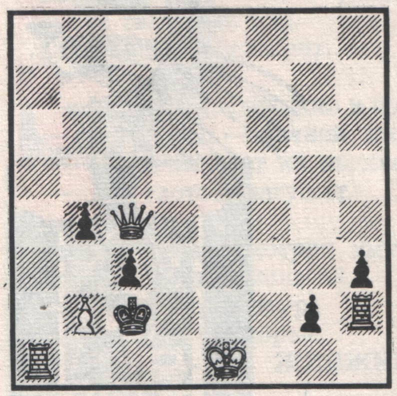
g6+ 17. Крg4—h5 Лf7—g7 18. Сh4—g5 Лg6:g5+ 19. Крh5—h4 Кg8—f6 20. Кe2—g3 Лg5:g3 21. Фd2:d6 Лg3—g6 22. Фd6—b8+ Лg7—g8. Белые сдались.

Пешкин советует вам, ребята, внимательно разобрать это окончание. Пришлите нам свои анализы и варианты. Лучшие работы Пешкин отметит «Грамотами ферзя и ладьи».

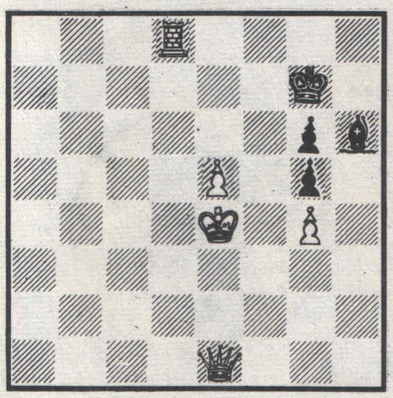
Новый конкурс Пешкина

Свой новый конкурс, в котором ребята смогут получить спортивные разряды, Пешкин открывает двумя интересными задачами. Всего в конкурс включено десять задач и этюдов. Снайперам, которые поразят все цели, будет присвоен третий разряд, те, кто решит не менее шести конкурсных заданий, получат четвертый разряд.

Итак, за дело!

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

В этом положении мат достигается в три хода. И здесь, как обычно в задачах, игру начинают белые.

Ждем ваших решений, ребята. Шлите свои письма не позднее чем через месяц после получения журнала.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Танцуем на коньках

«Дорогая редакция! Я очень люблю фигурное катание, смотрю по телевизору все соревнования по этому виду спорта. Мне тоже хочется научиться танцевать на коньках».

Лена Кузнецова, г. Иркутск.

Лена! Танцевать можно научиться на любых коньках, кроме беговых. Во дворе каток залить нетрудно. Мальчики вам помогут установить на катке динамик, чтобы можно было танцевать под музыку.

Вот два простых танца на коньках.

Танцевальная дорожка

Расставьте ноги на ширину плеч.

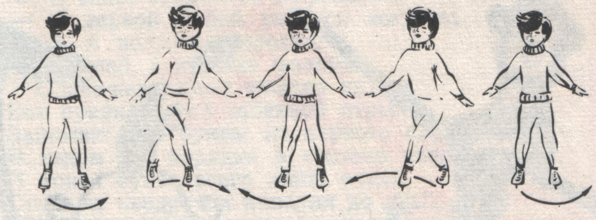
Раз! Правую ногу нужно перенести через левую, и всю тяжесть корпуса перенести на эту ногу.

Два! Левую ногу поставьте рядом с правой и, согнув ноги в коленях, чуть-чуть присядьте.

Три! Левая нога переступает через правую.

Четыре! Повторить движения, которые идут по счету «два».

Наш рисунок поможет вам правильно разучить этот танец.

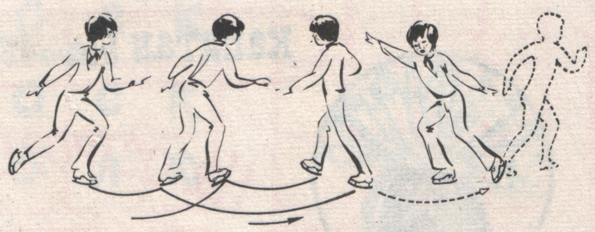
Школьный вальс

Раз! Шаг правой ногой вперед с легким нажимом на наружное ребро конька.

Два! Левая нога в скольжении обгоняет правую, и тяжесть корпуса переносится на внутреннее ребро конька. Чтобы это упражнение получилось хорошо, нужно левое плечо выдвинуть чуть-чуть вперед.

Три! Правая нога идет назад и отрывается ото льда только тогда, когда нужно сделать шаг по счету «раз».

Посмотрите на рисунок. Движения мальчика и девочки одинаковые. Только мальчик должен начинать танец со счета «два».

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Игры Лупы и Пинцета

МАРШРУТ ЛЬВА

Лев, буйвол и жираф
Сошлись на марке Чад.
Они пришли сюда
Из трех различных стран.
Как пробирался лев,
Нам догадаться надо.
Не разберешься сам,
Спроси у обезьян!

Примечание Живживки: Я обошелся без обезьяньей помощи! Но Лупа сказала мне, что буйвол шел из Сенегала и пересек на своем пути две страны. Жираф вышел из Замбии — он выбрал для себя самый короткий путь. Лев побывал в десяти странах, причем ни в одну из них он не заходил два раза и не был ни в одном из государств, через которые шли жираф и буйвол. Откуда же он вышел?

КАПИТАН Перо-86 ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

На ОСТРОВЕ Пра-Лгу

Остров Пра-Лгу разделен на две части. На одной живет племя Пра, на другой — Лгу. Где точно проходит граница, знают только индейцы, которые охотятся и рыбачат не обязательно в своих владениях. Индейцы Пра никогда не лгут, индейцы Лгу никогда не говорят правды. Пра и Лгу очень похожи друг на друга.

Однажды я заблудился, но, к счастью, увидел сидевшего на камне индейца. По обычаям острова к незнакомому человеку можно обратиться только с одним вопросом. Какой же вопрос должен был я задать, чтобы по односложному ответу «да» или «нет» безошибочно узнать, на чьей части острова я нахожусь?

Капитан ПЕРО.

Стра-пи-фи-ца

Перед вами чудо-птица
По прозванью стра-пи-фи-ца.
У нее забавный вид.
Стра-пи-фи-ца говорит:

— Мой прапрадед жил в пустыне,
— Мой отец — ночной пират,
— Мама плавает на льдине,
— Дед глотает лягушат.

Стра-пи-фи-ца смотрит хмуро.
Чтоб не скучно было ей,
Нарисуйте чи-по-жура
И пришлите поскорей.

ЖИВЖИВКА

СЛОВА НЕВИДИМКИ

— Мой след зимой ведет к осинам,
— Меня наводят гуталином,
— Я создан мудрою пчелой.
— А я лишь в сказках очень злой,
— Моя нора в корнях у ели,
— На мне весною птицы пели,
— Я хитроумное стекло,
— А я свечу сове в дупло.
— На смену мне приходит ночь.
— С меня щеглы спорхнули прочь,
— Похожа я на облака,
— А я могучая река.
— В меня волна упрямо бьет,
— Ко мне подходит пароход,
— Я установлен у границы,
— А надо мной снуют плотвицы.
— В меня забрались жеребята.
— Я первой в бой рвалась когда-то.
— А я подруга молотка.
— Я хлеб, я кружка молока.

Слова-невидимки ужасно хитры.
Вот правила этой забавной игры.
Запомни: три буквы из первого слова —
В таком же порядке в составе второго,
И новая буква всего лишь одна!
Словами квадратик наполни до дна!..

Л	О	С	Ь
Л	О	С	К
В	О	С	К
В	О	Л	К

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

Права ли Лупа?

Многие ребята прислали Пинцету прекрасных слонов. Марки на них расположены вот так: Сьерра-Леоне, Либерия, Гвинея, Сенегал, Мавритания, Алжир, Мали, Берег Слоновой Кости, Ливия, Нигер, Верхняя Вольта, Чад, Нигерия, Дагомея, Того, Гана, Центральная Африканская Республика, Камерун, Заир, Конго, Габон, Экваториальная Гвинея.

Капитан Перо ищет помощника

Квадратик написал: «За нами следят, будьте осторожны, сбор отменяется».

Авария

В гости к ежу пришли: выдра, белка, барсук, суслик, сорока, лиса, лягушка, дятел, сойка, филин.

Два лжеца

Удод и фазан лгут, журавль говорит правду.

Кто разбил стекло?

У нас в классе есть один мальчик. Мальчик как мальчик. Но почему-то он считает, что все девчонки — трусихи и ябеды. Поэтому он хочет казаться очень грозным, чтобы все девчонки его боялись.

Однажды мы с ним убирали класс после уроков. Моя подруга нам помогала. Когда мы закончили уборку, он залез на окно и сказал, что ему ничего не стоит спрыгнуть на землю. Наш класс на первом этаже, но окно находится довольно высоко. Он спрыгнул, задел стекло, и оно разбилось. Кроме меня и моей подруги, этого никто не видел.

На следующий день на первом уроке учитель спросил, кто разбил стекло. Все сидели и молчали. И он молчал. Вдруг встала моя подруга и сказала, что стекло разбила она. Не знаю, почему она так сделала. Мне кажется, она не хотела, чтобы учитель считал, что у нас в классе есть нечестные люди.

Ничего страшного не случилось. В классе вставили новое стекло. А этот мальчик теперь совершенно по-другому относится к девчонкам. Особенно к моей подруге. Она хоть и не умеет выпрыгивать из окон, но уж трусом ее не назовешь. А вот его можно так назвать.

Ирина **НИКИТИНА**, г. Чита.

Перед уроком зоологии

Кабинет зоологии был закрыт, и наш класс расположился на подоконниках в коридоре.

Вдруг из соседнего класса выбегают мальчишки. Они, как обычно бывает на переменах, носились друг за другом и кричали. Один остановился возле меня. Кто-то из его приятелей, пробегая мимо, стукнул его книжкой по голове. Он оглянулся и не увидел никого, кроме меня. Тот, кто его ударил, давно убежал.

Дальше произошло неожиданное. Этот мальчик подошел и ударил меня по лицу. Я заплакала. А вокруг ребята из нашего класса продолжали читать учебники по зоологии, как будто ничего не случилось.

После этого случая я другими глазами стала смотреть на наш класс. Только со стороны может показаться, что мы очень дружные...

Геля **КОЛЬЦОВА**, г. Ижевск.

СОДЕРЖАНИЕ

«Пионер-75». — Рисунок А. Вовиковой . . . 1
Обращайтесь к себе. — В. Крапивин. Рисунки С. Трофимова . . . 2
Они снова будут счастливыми. — И. Вечная . . 6
Мой генерал. — Повесть А. Лиханова. Рисунки А. Аземши . . . 8
Боевой листок. — Рисунок И. Красулина . . 24
Надо браться за оружие! . . . 25
Моя Родина — СССР . . . 26
В память о вожде революции. — А. Семиног. Рисунки И. Красулина. Фотография С. Сироткина. . . . 26
«Когда подумаю о том...» — Стихотворение Давида Кугультинова. Перевела с калмыцкого Ю. Нейман . . . 27
Пионеры-герои
Наездник Барасби. — Ю. Крутогоров. Рисунки А. Борисова . . . 28
Иза. — Рассказ И. Голубевой. Рисунки С. Трофимова. . . . 35
Ты, я, наш отряд
Мальчишки ушли, девчонки остались. — Л. Матвеева. Рисунки Ю. Карповой . . . 40
Стихи М. Исаковского. Рисунки М. Гаринова . . 44
Всесоюзный сбор-поиск «Орден в твоем доме».
Герои живут рядом. — А. Маресьев. Рисунки С. Трофимова . . . 46
Салют, Победа!
Сыны полков. — В. Караваев . . . 49
Чувал. — Рассказы Ю. Коваля. Рисунки автора. Фотографии В. Ускова . . . 50
«Ай да Пятеркин!..» — Рассказ П. Шеманаева. Рисунки А. Борисова . . . 56
Твои наставники
Дорога к хлебу. — С. Костерин. Рисунки П. Панченко . . . 58
После огненного дождя. — Л. Штерн. Фотографии В. Набойченко и Л. Смелова. . . . 61
Итоги фотоконкурса «Родная природа» . . . 62
Богатырское семейство. — Б. Колесов. Рисунки Б. Кыштымова . . . 64
Что нам читать? . . . 69
«Кораблик» . . . 70
Дракон обыкновенной семьи. — Сказка М. Мэхи. Перевела с английского Н. Демурова. Рисунки Е. Медведева . . . 73
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Марковой . . . 76
Танцуем на коньках. — С. Глязер. Рисунки А. Гришина . . . 77
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . . 78
Сами о себе. . . . 80
На обложке:
В спортивном зале. Рисунок С. Острова.

Адрес для писем: 101 459, ГСП, Москва, А-137. Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24/X 1974 г. А 00887.
Подписано к печати 2/XII 1974 г. Формат 84×60 1/8.
Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 6. Заказ № 2949.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ»

Из повести В. Крапивина «Мальчик со шпагой»

Музыка М. ПРОТАСОВА.

Не трогай, не трогай, не трогай
Товарища моего.
Ему предстоит дорога
В сраженья, в тот край огневой,
Где южные светят звезды,
У южных вершин горят,
Где ветер в орлиные гнезда
Уносит все песни подряд.
Там в бухте развернутый парус,
Там парусник ждет гонца,
Покоя там не осталось,
И нет там тревогам конца.
Там путь по горам нелегок,
Там враг к пулеметам приник,
Молчанье его пулеметов
Бьет в уши, как детский крик.
Не надо, не надо, не надо,
Не надо его будить:
Ему не поможет память
Всех мелких забот и обид.
Пускай перед дальней дорогой
Товарищ поспит, как все,
Пока самолет наш не вздрогнул
На взлетной полосе.

Тревога с радиомачты
Ударила в мир голубой,
Не плачьте, друзья, не плачьте
О тех, кто уходит в бой.
Над краем далеким, горным
Раскаты дальней грозы.
Не зря мой товарищ упорно
Испанский учил язык.

Прощаясь, он шпагу, как надо,
Братишке сделать помог,
Трудное слово «эспада»
По-русски значит «клинок».
Рассветы пока багряны,
Пока покой не настал,
В ребячьих клинках деревянных
Упругая крепнет сталь.

И если кого-то захочет
С дороги беда столкнуть,
Пусть маленький барабанщик
Тревогой порвет тишину,
Мы встанем шеренгой строгой
Все сразу за одного:
Не трогай, не трогай, не трогай
Товарища моего.

Цена 25 коп.
Индекс 70694